

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№06 (98) 2023

ISSN 2412-8953

<https://scipress.ru/philology/>

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. №06 (98). 160 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2023

© Коллектив авторов, 2023

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Епифанова В.В. Семантические типы словосочетаний как способ организации русскоязычных учебных сочетаемых словарей	7
Твердохлеб О.Г. «Грудь» как доминанта телесных пространственных ориентиров в поэтическом языке Н.С. Гумилева	18
Языки народов Российской Федерации	27
Акимова А.С. Анализ терминологической лексики якутских головных украшений (на материале диалектологических словарей якутского языка).....	27
Короб А.О. Аксиологический потенциал хантыйских пословиц	38
Нахрачева Г.Л. Полисемия глагола похты в хантыйском языке	45
Шиянова А.А. Адъективная лексика хантыйского языка, характеризующая оленя (семантический и аксиологический аспект).....	50
Германские языки	56
Иванченко Т.А. Национальная специфика устойчивых сравнений немецкого языка с компонентом-зоонимом	56
Родина М. М. Verbalization methods of the main characters (based on the work of Jack London "Martin Eden")	66
Романские языки	74
Кушакова И.И. Неологизмы в современном французском языке (словообразовательный анализ словаря «le Petit Robert 2022»)	74
Теория языка	82
Адащик Д.Н. Подходы к рассмотрению коммуникативной стратегии самопрезентации в англоязычном политическом дискурсе.....	82
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	91
Кандыбина А.В. Проявление бинарной оппозиции «счастье-несчастье» во фразеологических единицах русского и чешского языков.....	91
Прикладная и математическая лингвистика	97
Колобаев В.К., Синицына Т.А. Именные препозитивные словосочетания в стиле научной литературы	97
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	108
Дуданов Т.В. Трудности в составлении предложений с лексическими синонимами и синонимичными конструкциями (на примере китайского языка)	108

Русская литература	127
Ковальская А. С. Семантика мифологемы «Золотого века» в очерке К. Д. Бальмонта «Океания»	127
Литература народов стран зарубежья	136
Зинченко Д. С., Тихоненко В. А. Жанровые характеристики корейской бытовой сказки.....	136
Теория литературы. Текстология	142
Пожилов Р.В., Горин И.В. Межкультурные связи и взаимодействие в литературе зарубежных стран	142
Журналистика	146
Юркова Р.В. Эволюция идей почвенничества на примерах журналов «Время» М. М. Достоевского и «Континент» В. Е. Максимова	146
Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело	153
Маркова К. П., Хлебников Н. С. Госпаблик как элемент информационно-коммуникативного пространства организации социального обслуживания	153

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81` 374.2

Епифанова В.В. Семантические типы словосочетаний как способ организации русскоязычных учебных сочетаемостных словарей

Епифанова Валентина Валерьевна

канд. Филол. наук, старший преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков, МГУ имени М.В. Ломоносова, РФ, г. Москва
valentyana4@yandex.ru

Semantic types of collocations as a way of organizing of Russian-language educational combinatorial dictionaries

Epifanova Valentina Valerjevna

Cand. Sci. (Philology), senior lecturer of Chair of Comparative Study of Languages
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Аннотация. В статье осуществляется обзор русскоязычных учебных сочетаемостных словарей XX и XXI вв., созданных на основе семантических типов словосочетаний. Описываются основные принципы организации материала в данных словарях, особенности упорядочения словосочетаний в словарных статьях, наличие/отсутствие иллюстративного материала к демонстрируемым сочетаниям слов. Выделяются достоинства и недостатки семантического способа подачи лексикографического материала с позиции пользователя, анализируется степень эффективности использования данных словарей в иностранной учебной аудитории.

Ключевые слова: лексическая функция-параметр, лексическая сочетаемость

Abstract. The article provides a review of Russian-language combinatorial dictionaries of the 20th and 21st centuries created on the basis of semantic types of word combinations. The basic principles of organizing the material in these dictionaries, the peculiarities of ordering of word combinations within dictionary entries, the presence/absence of illustrative material to the demonstrated word combinations are described. The advantages and disadvantages of semantic presentation of the lexicographic material from the user`s point of view are highlighted, the degree of the effectiveness of the use of such dictionaries in a foreign classroom is analyzed.

Keywords: lexical function-parameter, lexical compatibility

Одним из принципов подачи лексикографического материала в одноязычных и двуязычных учебных сочетаемостных словарях является организация материала на основе семантической рубрикации словосочетаний. Данный способ презентации уступает в количественном отношении синтаксической рубрикации (на основе структурных типов словосочетаний), однако именно презентация материала на основе семантических типов сочетаний слов позволяет учащимся структурировать осваиваемый материал, понимать исходный смысл многих синонимичных сочетаний и успешно использовать их в процессе собственных продуктивных речевых действий.

Идея семантической рубрикации словосочетаний анализировалась лексикографами ещё в середине XX в., при этом подчёркивалось, что данный принцип описания сочетаемости «реализуется наиболее последовательно при анализе существительного как универсального носителя предметности» [1, с. 67]. Приведём пример словарной статьи, построенной на основе семантической рубрикации, взятый из [1]:

ВЕТЕР, ветра, предл. ед. о ветре, на ветру, мн. ы, ов; м.

Движение воздуха

интенсивность	Сильный, слабый, тихий, лёгкий, умеренный. Сила ветра
Характер	Резкий, порывистый, пронизывающий. Порыв ветра
Температура	Тёплый, холодный, свежий
направление	Северный, западный... (ветер с севера, с запада...), встречный (ветер в лицо), попутный (ветер в спину); морской (ветер с моря) Направление ветра
субъектные действия	Ветер дует, утих, прекратился. Поднялся ветер, ветер усилился, изменился
объектные действия	Ветер качает деревья, фонари. Ветер мешает идти
предложные конструкции	Идти, грести против ветра. Стоять на ветру

Важно отметить, что семантический принцип рубрикации сочетаний с именами существительными может использоваться не только в словарях комбинаторного типа, но и в иных типах словарей. В частности, на целесообразность использования данного принципа обращают внимание авторы Активного словаря русского языка, уточняя, что упорядочение сочетаний при этом должно «по возможности отражать естественный сценарий разворачивания событий, связанных с данным предметом или ситуацией» [2, с. 137], ср.:

травма 1

СОЧЕТАЕМОСТЬ.

Приобретение травмы: *получить травму.*

Причинение травмы: *причинять травму [Падение причинило ему серьёзную травму], наносить травму [При этом тканям наносится минимальная травма], привести к травме.*

Область поражения: *травма мозга <черепа, позвоночника, колена, плеча, кисти, голеностопного сустава, мягких тканей>; черепномозговая <глазная> травма.*

Степень тяжести: *тяжёлая <лёгкая, небольшая, средней степени тяжести, сильная, серьёзная, смертельная> травма, травма со смертельным исходом; тяжесть травмы [Лечение зависит от тяжести травмы].*

Обстоятельства, при которых получена травма: *производственная <бытовая, родовая, внутриутробная, спортивная, дорожная, военная> травма.*

Медицинские характеристики: *осложнённая <закрытая> травма; множественные травмы.*

Временные характеристики: *зимние травмы, травмы детского возраста; старая <давняя> травма.*

Последствия травмы: *Травма причинила <нанесла> вред здоровью.*

Ликвидация травмы: *лечить <залечить> травму; оправиться от травмы [Едва оправившись от травмы, он вышел на лед], восстановиться после травмы.*
Предохранение от травмы: *защита от травм [Жёсткий ботинок обеспечивает максимальную защиту от травм], профилактика травм; избежать травмы; уберечь от травмы, предотвратить травму [там же].*

В начале 1960-х гг. представителями Московской семантической школы И.А. Мельчуком и А.К. Жолковским была выдвинута идея о том, что целые ряды словосочетаний русского и других языков выражают общие (абстрактные смыслы), впоследствии получившие название лексических функций-параметров (ЛФ-П): ср. ЛФ-П **Degrad** (типовое значение «деградировать», «становиться хуже или плохим»): **Degrad**(молоко) = *скиснуть*, **Degrad**(мясо) = *испортиться, протухнуть*; **Degrad**(дисциплина) = *расшататься* и др.; ЛФ-П **Magn** (типовое значение «очень», «в высшей степени»): **Magn**(рассматривать) = *внимательно, пристально*, **Magn**(сомнение) = *глубокое, сильное, большое, серьёзное* и др.; **Oper_i** (типовое значение «глагол, связывающий название *i*-го актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения»): **Oper₁**(влияние) = *иметь [влияние]*, **Oper₂**(влияние) = *находиться [под влиянием]*; **Oper₁**(арест) = *производить [арест]*, **Oper₂**(арест) = *попадать [под арест], подвергаться [аресту]* и др. (примеры из [11]).

В настоящее время аппарат ЛФ-П активно изучается в таких аспектах, как его применение в практике обучения переводу на иностранный язык [3], изучение конкретных ЛФ-П на примере лексики той или иной семантической группы [4], [5], описание семантики русских глаголов и их ассоциатов в терминах ЛФ [6], автоматическое распознавание ЛФ в корпусах текстов [7], [8] и др.

Выявленные ЛФ-П легли в основу нескольких одноязычных и двуязычных сочетаемостных словарей XX в. и XXI в. в качестве главного принципа подачи лексикографического материала, при этом создателями словарей подчёркиваются универсальность аппарата ЛФ-П и удобство его использования в структурировании материала, позволяющее осуществлять «сближение сходных по смыслу словосочетаний несмотря на их структурное различие» [9, с. 119].

В рамках проводимого исследования осуществляется обзор русскоязычных учебных сочетаемостных словарей, построенных на основе исходных ЛФ-П, а также их адаптированных (упрощённых) и расширенных версий. Главная цель работы – описание основных принципов демонстрации сочетаний в данных словарях включая наличие/ отсутствие иллюстративного материала в словарных статьях, уточнение адресной направленности словарей, прогнозирование наиболее и наименее эффективных принципов подачи лексикографического материала с точки зрения пользователя. Полученные результаты позволяют установить преимущества и недостатки анализируемого семантического принципа с точки зрения пользовательского запроса. Теоретическая значимость заключается в возможности расширения теории и практики одноязычной лексикографии, а также в развитии теории словосочетаний.

Начнём с рассмотрения словарей, основанных лишь на одном из семантических типов словосочетаний. К подобным словарям относится словарь Г.И. Кустовой **«Словарь русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени»** [12], реализующий выражение ЛФ-П Magn. Важно отметить, что в словарь включены не свободные сочетания, выражающие высокую степень признака (*большой дом, очень любить*), а именно идиоматические сочетания, компоненты которых имеют избирательную сочетаемость в русском языке (*острая боль, горячий спор* и др.), что оказывается особо ценным как для студентов, изучающих русский язык как иностранный, так и для специалистов в области русского языка. Однако основная целевая аудитория словаря, по замечанию самого автора, – это носители русского языка, уточняющие возможность/ невозможность сочетания того или иного слова с другим, а также специалисты, планирующие «заниматься научными исследованиями в области мотивированной и идиоматической сочетаемости» [там же: информация о словаре].

Работа со словарём предусматривает два типа решения задач: 1. С какими словами сочетается тот или иной показатель высокой степени (название, принятое в словаре, – *степенное слово*)? 2. С какими показателями сочетается то или иное

ключевое слово (*характеризуемое слово*)? Однако важно пояснить, что в качестве результата пользователь словаря получает не все возможные сочетания русского языка, а только те, которые зафиксированы в Национальном корпусе русского языка и некоторых авторитетных словарях русского языка: ср.

острый/ острая/ острое/ острые

боль, борьба, вражда, голод, грусть, дебаты, дискуссия, жажда, жалость, желание, зависть, интерес, конкуренция, конфликт, конфронтация, кризис, критика, наслаждение, недовольство, недостаток, недоумение, ненависть и др. (пример из [12]).

Очень важно, что в данном словаре студенты могут также делать запрос относительно частей речи тех слов, которые сочетаются с определённым степенным словом. Например, можно сделать запрос, при каких **глаголах** значение высокой степени может выражаться словом *невыносимо*?

Ответ:

невыносимо

болеть, жечь, мучить, раздражать, страдать, хотеться, шуметь

Пример второго запроса: при каких **прилагательных** значение высокой степени может выражаться словом *невыносимо*?

Ответ:

невыносимо

грубый, далекий, долгий, душный, жаркий, запутанный, знакомый, медленный, остроумный, печальный, рассудительный, скучный, страшный, тревожный

Данный словарь оказывается очень полезным для отработки в иностранной аудитории произвольной лексической сочетаемости русских слов, обозначающих высокую или высшую степень признака. Причём в словаре указывается предельность признака для тех зависимых слов, для которых это возможно, что также представляет большой практический интерес на занятиях РКИ. Однако для наиболее успешного и быстрого освоения нового лексического материала в словаре, на наш взгляд, не хватает функции семантической рубрикации слов, которая позволила бы студентам запоминать сочетания по парам или тройкам семантически связанных между собой слов: ср. *острый голод* может быть соотнесён со словосочетанием *острая жажда*; *острые дебаты* – с сочетаниями *острая дискуссия* и *острый спор*; *острая нехватка* – с сочетанием *острая нужда* и т.д. В словаре же все зависимые слова даются

списком, структурированным по алфавиту, что затрудняет их запоминание и освоение.

Что касается отработки исключительно ЛФ-П Magn на занятиях РКИ, будет полезным также привлечение материала из словаря И.И. Убина «**Словарь усилительных словосочетаний. Англо-русский. Русско-английский**» [13]. Словарь состоит из двух частей на английском и на русском языках, которые могут использоваться автономно. Кроме того, при владении студентом английским языком как родным или при достаточном владении им в качестве иностранного, возможно сопоставление обеих частей на выявление их сходств и различий, что также может способствовать лучшему запоминанию сочетаний русского языка. Приведём примеры словарных статей лексем *здоровый* и *здоровье* из словаря [13]:

ЗДОРОВЫЙ, -ая, -ое, -ова, -ово (о чел.) – Обладающий здоровьем; не больной
– **healthy**

абсолютно, ~ как бык (о муж.), разг. полностью, совершенно, совсем, // кровь с молоком разг.

Он здоров как бык. На нем можно воду возить.

см. тж. **здоровье**

ЗДОРОВЬЕ, -я, ср – Правильная, нормальная деятельность живого организма
– **health**

Безупречное, богатырское, железное, разг. завидное, крепкое, лошадиное, прост. могучее, несокрушимое высок., удивительное, хорошее

Дьякон невольно отступил, как бы почувствовав свою хилость в сравнении с богатырем, от которого веяло несокрушимым здоровьем (Скиталец)

см. тж. **здоровый** [13, с. 264].

К достоинствам данного словаря с позиции пользователя относится уточнение стилистической принадлежности сочетаний и иллюстративный материал, который, однако, демонстрирует только один вариант словосочетаний из синонимического ряда. Кроме того, благодаря отсылкам к синтаксическим и семантическим дериватам ключевой лексики словарь позволяет найти и запомнить разницу в сочетаемости этих единиц с усилительными компонентами (можно сказать *крепкое здоровье*, но невозможно **крепко здоровый* и т.д.). Среди недостатков словаря стоит назвать тот факт, что в словаре не даётся информации относительно семантических и контекстных ограничений на те или иные усилительные компоненты. Другими словами, усилительные компоненты не разграничиваются в словаре с семантической точки зрения, в связи с чем человеку, не владеющему языком в достаточной степени,

невозможно самостоятельно установить различия в семантике большинства словосочетаний, например, в словосочетаниях с лексемой *друг* из соответствующей словарной статьи: ср.

ДРУГ, -а, *мн.* друзья, -зей, м – Тот, кто связан с кем-л. дружбой – **friend**

бесценный *книжн.*, близкий, большой, ~ водой не разольёшь *мн. разг.*, давний, давнишний *разг.*, ~ до гробовой доски *разг.*, дорогой и др. [13, с. 254], перечисляемые в алфавитном порядке.

Словарём русского языка, использующим в качестве основы целый набор семантических типов словосочетаний, является словарь Е.Г. Борисовой «**Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарём ключевых слов**» [14]. Сочетаемость ключевых лексем представлена в данном словаре на основе 11 стандартных смыслов, которые представляют собой адаптированную (упрощённую) версию ЛФ-П. Среди используемых в с словаре стандартных смыслов можно назвать следующие: 1. действие или состояние главного (активного) участника ситуации (*вести борьбу, нести ответственность, оказывать влияние*) (аналог ЛФ-П Орег₁; здесь и далее в скобках соотнесение с ЛФ-П осуществлено мной – В.Е.); 2. действие или состояние второстепенных участников ситуации (*испытывать влияние*) (аналог ЛФ-П Орег₂); 3. действие или состояние (независимо от участников ситуации) (*идёт борьба, стоит задача*) (аналог ЛФ-П Func_o); 4. начало (*приобретать уважение; конфликт вспыхивает*) (аналог ЛФ-П Incer); 5. конец (*терять уважение*) (аналог ЛФ-П Fin); 6. каузировать (вызывать) (*разжигать вражду*) (аналог ЛФ-П Caus) и др.

Приведём пример словарной статьи данного словаря:

ВОЛНЕНИЕ нет *мн* 1. ИСПЫТЫВАТЬ/ испытать ВОЛНЕНИЕ *Перед встречей с профессором юноша испытывал заметное волнение.* 4.3. ВОЛНЕНИЕ ОХВАТЫВАЕТ/ охватило **кого**(вин) *Было поздно, а мальчик домой не возвращался, и мать охватило волнение.* 6. ВЫЗЫВАТЬ/ вызвать ВОЛНЕНИЕ у **кого** *Трогательные слезы вызывали у стариков волнение и грусть.* 7. ПОБОРОТЬ нет *нсв* ВОЛНЕНИЕ *Студент поборол волнение и стал спокойно отвечать* [14, с. 32-33].

Данный словарь является учебным словарём для иностранных студентов, изучающих русский язык, но также может выступать словарём-справочником для профессиональных переводчиков, журналистов, писателей. Примечательно, что, помимо сочетаний, выражающих стандартные смыслы, в словаре используются сочетания, которые не выражают какого-либо общего смысла словосочетаний, представляя собой уникальное значение (помечены в словаре знаком «+»):

ВЫБОРЫ 2 нет ед (= мероприятие) б. ПРОВОДИТЬ/ провести **ВЫБОРЫ** кого/ чего/ во что *В стране проводятся выборы в думу.* + **ПОБЕДИТЬ НА ВЫБОРАХ** = быть избранным *На выборах победили республиканцы* [14, с. 36-37].

Словарь оснащён большим количеством грамматической и прагматической информации. В частности, в словарных статьях указывается факультативное и обязательное управление глаголов, возможность/ невозможность употребления определённой грамматической формы компонентов словосочетаний, уточняется одобрительная/ неодобрительная оценка словосочетания с указанием того, к кому относится данная оценка: к субъекту или объекту ситуации,

БРОСАТЬ/ бросить В БЕДЕ нет мн **кого/ что** *неод суб* (= не помочь) *Друзья не бросили товарища в беде, помогли ему начать новую жизнь* [там же, с. 18].

Для удобства пользования словарём имеется также список ключевых русских слов, переведённых на английский язык, а также богатый иллюстративный материал.

Примечательно, что составителем словаря было создано также учебное пособие [10], построенное по аналогичным семантическим принципам, что, безусловно, дополняет и облегчает работу со словарём в иностранной аудитории.

К недостаткам словаря можно отнести отсутствие указания на наиболее употребительный вариант грамматической формы сочетаний для решения задач продуктивных речевых действий (наиболее употребительный вариант подчеркнут мной – *В.Е.*): ср. **СНИСКИВАТЬ/ снискать** **ЛЮБОВЬ чью** чем в словарной статье лексемы *любовь*. В некоторых словарных статьях не указываются лексико-семантические варианты ключевой лексемы при их явном наличии. В частности, в той же словарной статье не происходит разграничения лексемы «любовь» на ЛСВ «чувство глубокого расположения к чему-л.» (*любовь к родине*), «пристрастие, вкус к чему-л.» (*любовь к сладкому*), «влечение к лицу другого пола» (*любовь к женщине*) и др.

Одним из сочетаемостных онлайн-словарей русского языка, организованным с использованием аппарата ЛФ-П, является «**Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен существительных**» (авторы: Бирюк О.Л., Гусев В.Ю., Калинина Е.Ю.) [15]. В данном словаре, как следует из названия, собраны сочетания непредметных имен существительных с глаголами. Основой для классификации сочетаний в словаре стали около 50 типовых смыслов, включающих в себя фазовые значения (Начало, Продолжение, Повтор, Прерывание, Окончание), а также синтаксические отношения между компонентами сочетаний. Приведём примеры указания синтаксических отношений в словаре: 1) помета отсутствует (непредметное

имя занимает либо позицию прямого дополнения при глаголе, либо позицию подлежащего при пассивном причастии). Примеры: *отметить праздник, сделать акцент, выпущено постановление*; 2) Субъект (непредметное имя занимает либо позицию подлежащего при непереходном/ переходном глаголе, либо позицию косвенного дополнения деятеля при глаголе на -ся или пассивном причастии). Примеры: *улыбка появилась, улыбка озарила, воцарилась гробовая тишина, обусловлено наличием*; 3) Объект (участник действия или ситуации, обозначаемых сочетанием, не контролирует ситуацию). Примеры: *терпеть унижения, испытывать шок, выдержать экзамен, пользоваться уважением*; 4) Непрямой объект (непредметное имя занимает позицию косвенного дополнения). Примеры: *спал мертвым сном, проникнуться сочувствием, заниматься спортом, вцепиться мертвой хваткой*; 5) Получатель (действие, обозначаемое сочетанием, направлено на определенного «получателя», адресата). Примеры: *принимать поздравления, встречать сопротивление* и др.

Со словарём можно работать сразу в нескольких направлениях: 1) искать сочетания с определённым именем существительным, 2) искать сочетания с определённым глаголом, 3) искать сочетания с определёнными абстрактными или конкретными функциями, 4) искать сочетания с определёнными синтаксическими отношениями, 5) искать сочетания с определённым фазовым значением, 6) искать сочетания с определённым порядком слов и др.

Важно отметить, что в данном словаре аппарат ЛФ-П И.А. Мельчука и А.К. Жолковского обогащается за счёт включения таких новых смыслов, как «стремление» (*искать дружбы*), «знание» (*хранить секрет*), «понимание» (*разгадать секрет*), «соответствие» (*оправдать надежды*), «несоответствие» (*обмануть надежды*), «совместность» (*разделить радость*) и др.

Ознакомимся с фрагментом данного словаря:

ДРУЖБА

водить дружбу (действие продолжение),

дружба связывает (действие субъект),

искать дружбы (продолжение модальность стремление),

началась дружба (действие субъект начало),

связывает многолетняя дружба (действие субъект),

сохранить дружбу (действие продолжение) [15].

К преимуществам словаря можно отнести нахождение целого списка наиболее употребительных сочетаний с тем или иным непредметным именем

существительным, которые можно применять в готовом виде в процессе речетворчества. Кроме того, в онлайн-словаре даются прямые ссылки на примеры употребления того или иного словосочетания в Национальном корпусе русского языка: ср. ключевая лексема «боль» – *боль пронзила* (действие субъект много) (*Страшная **боль пронзила** Глеба Николаевича. Ему показалось, что зловещая птица долбит не только его голову, но его всего* (Николай Крупин. Головная боль // Дальний Восток, 2019) и др. Однако при работе со словарём было замечено, что некоторые синонимичные словосочетания оказываются выраженными различными наборами смыслов: ср. *испытывать боль* (действие объект), однако *чувствовать боль* (действие объект восприятие), и, напротив, различные по семантике словосочетания объединены общей комбинацией смыслов без указания различий в их значениях: ср. *испытывать боль* (действие объект) и *терпеть боль* (действие объект).

В ходе проведённого анализа были сделаны следующие выводы: 1) для необходимости освоения конкретного семантического типа словосочетаний, выражающего высокую или предельную степень признака (ЛФ-П Magn в терминологии И.А. Мельчука и А.К. Жолковского), целесообразно обращение к словарям [12] и русскоязычной части словаря [13] при самостоятельной семантической рубрикации материала преподавателем, а также при уточнении им семантических и стилистических различий синонимичных словосочетаний с усилительными компонентами; 2) с точки зрения работы с иллюстративным материалом словаря, наиболее подходящим для работы в аудитории иностранных студентов уровня В1 является словарь [14], снабженный примерами использования каждого словосочетания в составленных автором словаря предложениях, учитывающих соответствующий лексический и грамматический минимум учащихся. Для работы со студентами уровня В2 и выше можно использовать неадаптированный иллюстративный материал словаря [15], который включает множественные примеры употребления словосочетаний в различных наиболее употребительных грамматических формах в текстах российской прессы и художественной литературы; 3) наиболее удобным с точки зрения количества осваиваемых семантических типов словосочетаний в иностранной аудитории является словарь [14], ограничивающийся 11 стандартными смыслами, однако, на наш взгляд, в процесс освоения русских словосочетаний в аспекте РКИ полезно включить также некоторые весьма употребительные смыслы, которые представлены в [11] и [15], например, распространённым типовым смыслом русских словосочетаний является смысл

«ненастоящий» (ЛФ-П AntiVer): *фальшивые деньги, искусственное дерево* (материал), *корыстная дружба, наигранный смех* и др.

Список литературы

1. Ольшанский И.Г. Сочетаемость слов как проблема лексикологии и лексикографии // Вопросы учебной лексикографии. М.: Изд-во Московского университета, 1969. С. 53-71.
2. Проспект активного словаря русского языка/ Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур. 2010. 784 с.
3. Прокофьева И.Т. Лингвистическая модель «Смысл $\leftrightarrow$ текст» как основа обучения переводу // Филологические науки в МГИМО, т. 19, №3, 2019. С. 65-73.
4. Иоанесян Е.Р. Симптоматическая лексика в функции Magn // Научный диалог, №2, 2019. С. 34-48.
5. Богуславский И.М. Семантический анализ и лексические функции реализации // Scando-Slavica, vol. 65, no. 1, 2019. С. 26-41.
6. Тимофеева М.К. Возможности использования сервиса RusVectores для выявления семантических ассоциатов глаголов русского языка // Научный диалог, №9, 2018. С. 117-131.
7. Kolesnikova O. Automatic detection of lexical functions in context// Computacion y Systemas, vol. 24, no. 3, 2020. P. 1337 - 1352.
8. Hernandez-Miranda A., Gelbukh A. etc. Lexical function identification using word embeddings and deep learning // Advances in Soft Computing: 18th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, Xalapa, Mexico, October 27 – November 2, 2019. P. 77-86.
9. Влавацкая М.В. Лексикографическая интерпретация сочетаемости слов: модель построения русско-английского учебного комбинаторного словаря: дис. ... к. филол. н.: 10.02.19, М., 2005. 215 с.
10. Борисова Е.Г. Какое слово подойдет. Пособие по несвободной сочетаемости. М.: Филология, 1995. 84 с.

Список источников

11. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2016. 544 с.
12. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 15.06.2023).
13. Убин И.И. Словарь усилительных словосочетаний. Англо-русский, русско-английский. М.: Р. Валент, 2007. 586 с.
14. Борисова Е.Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивый сочетаний) русского языка с англо-русским словарём ключевых слов. М.: Филология, 1995. 148 с.
15. Бирюк О.Л., Гусев В.Ю., Калинина Е.Ю. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен существительных. [Электронный ресурс]. URL: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (дата обращения 25.06.2023)

УДК 811

Твердохлеб О.Г. «Грудь» как доминанта телесных пространственных ориентиров в поэтическом языке Н.С. Гумилева

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет
РФ, г. Оренбург
ogtwrd@gmail.com

**"Chest" as a dominance of bodily spatial landmarks
in the poetic language of N.S. Gumilyov**

Tverdokhleb Olga Gennadjevna

CandSci (Philology), assistant Professor of the Department
of Russian language and methodology of teaching Russian language
Orenburg State Teacher Training University, Russia, Orenburg

Аннотация. В статье исследована соматическая лексика, используемая в формировании образных пространственных номинаций в поэтическом языке Н.С. Гумилева. На иллюстративном материале показана различная востребованность телесных номинаций, выполняющих локативную функции, что позволяет охарактеризовать некоторые особенности идиостиля главы акмеизма. Установлено, что в поэтическом пространстве телесности Н.С. Гумилева доминантой является соматизм грудь, функционирующий с различной степенью частотности в разных предложно-падежных формах для выражения пространственной семантики (местонахождение, конечный и исходный пункт), репрезентируя концепты: 'поверхность' либо 'контейнер', 'вместилище'. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество Н.С. Гумилева. Полученные результаты могут быть использованы и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: идиостиль, Н.С. Гумилев, соматизмы, доминанта, локативность.

Abstract. The article examines the somatic vocabulary used in the formation of figurative spatial designations in the poetic language of N.S. Gumilyov. The illustrative material shows the different demand of corporeal nominations in the function of locative syntaxes, which allow to characterize some features of the idiostyle of the head of acmeism. It was established that in the poetic space of corporeality for N.S. Gumilyov's dominant feature is breast somatism, which functions with varying degrees of frequency in various prepositional-case forms to express spatial semantics (location, final and starting point), representing the concepts: 'surface' or 'container', 'container'. The results obtained in the work may be interesting for literary scholars studying the work of N.S. Gumilyov. The obtained results can be used in the practice of compiling a poet's dictionary.

Keywords: idiostyle, N.S. Gumilyov, somatism, dominant, locativeness.

I. Человек, являющийся «точкой отсчета и мерой всего» [1, с. 29], «начал постигать мир с самого себя» [2, с 106], а, значит, со своего тела и его частей. Поэтому в центре внимания антропологической лингвистики неуклонно оказывается соматическая лексика (от греч. *sôma* 'тело') как совокупность слов, обозначающих части тела, органы, кожный и волосяной покровы как части живого организма, входящих в число ключевых лексических единиц при репрезентации языковой картины мира («наивной анатомии» человека) (напр., в: [3]).

Соматический (телесный) код, являющийся одним из основных кодов лингвокультуры, «используя которую носитель категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры» [4, с. 232-233], в каждом языке отличается спецификой вербальной реализации [5; 6; 7; 8; 9 и др.], в том числе при обозначении пространственных ориентиров, так как ориентирование человека в пространстве «строится по аналогии с ориентированием человеческого тела» [10, с. 98].

Объектом данного исследования также стала тематическая группа слов, репрезентирующих части тела при описании пространственных отношений в поэтических текстах ярчайшего главы акмеизма (от греч. *ἀκμή* 'высшая степень чего-либо, цветущая сила') Н.С. Гумилева. В своих программных постулатах [17; 18; 19] акмеисты требовали уделять особое внимания вещным деталям. Поэтому нам было особенно интересно проследить, как творец-акмеист живописует в своем поэтическом творении субъективную картину телесного пространства.

II. В качества языкового материала для нашей работы стали стихотворные строки, включающие названия частей тела человека, обнаруженные в поэтическом корпусе НКРЯ (Национальный корпус русского языка; пользовательский подкорпус: Н.С Гумилев; с объёмом: 523 документа, 67 299 слов) [20] (далее все примеры по этому источнику). По нашему запросу «части, в том числе: части тела и органы человека»: **S, r:concr & (pt:partb & pc:hum** было найдено: **1 060** вхождений в 358 поэтических документах Н.С. Гумилева. Дальнейшая обработка найденного языкового материала показала, что 199 словоупотреблений соматической лексики использованы поэтом для обозначения пространственных номинаций, что составляет почти пятую часть (18,8 %) всей обнаруженной соматической лексики.

1. При более детальном исследовании соматической лексики была обнаружена различная частотность соматических лексем, которая, фиксируя в поэтическом лингвоменталитете Николая Сергеевича Гумилева соотношение ядра и периферии (как одного из основных принципов построения лексической системы [11]), выявляет

художественную иерархию элементов телесного пространства в поэтическом мире Н.С. Гумилева.

Соматизмы, употребленные поэтом в разных предложно-падежных формах в локативной функции в качестве пространственных ориентиров, представлены 39 лексемами, количественный анализ которых показал, что в поэтическом творчестве Н.С. Гумилева они продуктивны в разной степени.

Опишем эти соматические лексемы с указанием (цифрами в скобках) общего числа обнаруженных нами случаев с этими лексемами.

Наиболее частотными в качестве пространственных ориентиров в поэтическом мире Н.С. Гумилева становятся соматизмы *грудь / груди* (30) и *рука / руки / ручки* (27).

Несколько реже становятся: *плечо / плечи* (13), *глаз / глаза* (13), *нога / ноги* (11), *лицо* (8), *лик* (8), *очи* (7), *тело / тела* (6), *щека / щеки* (6), *колени* (6), *уста* (5), *головой* (5), *губ* (5). Отметим здесь наличие двух семантико-стилистических пар соматизмов, в которых по частотности либо преобладает нейтральный вариант над старославянские: *глаз / глаза* (13) и *очи* (7), либо оба варианта составляют равное количество словоупотреблений: *лицо* (8) и *лик* (8).

Существенно реже (только по два раза) на локативной позиции представлены лексемы: *бок, брови, горло, зуб, лоб, нос, пояс, уши*. В единичных случаях обнаруживаем лексемы: *бородка, вежды, веки, косы, кудри, ладони, локоть, палец, рот, сосцы, спина, стан, стопы, ступни, шея, (под) мышкой*.

Наиболее употребительные соматизмы, обозначая «доминанты языковой картины индивида» [12, с. 178], дают нам представление о художественных, эстетически значимых приоритетах в выстраивании индивидуально-авторской языковой картины мира Н.С. Гумилева, позволяя вскрыть индивидуальный почерк поэта.

Доминантой среди пространственных телесных ориентиров в поэтическом мире Н.С. Гумилева является «*грудь*», репрезентированная несколькими предложно-падежными формами, как правило, единственного числа имени существительного *грудь* (27 словоупотреблений) и в отдельных случаях множественного числа *груди* (3 словоупотребления), что составило в целом 30 примером, или 1/6 часть (15%) от общего количества всех описываемых пространственных телесных ориентиров и почти половина от всех употреблений лексемы «грудь», по данным поэтического подкорпуса (табл. 1).

Таблица 1. Общее количество соматизмов и количество соматизма *грудь* по запросу в НКРЯ (поэтический подкорпус: Н.С. Гумилев)

	Кол-во соматизмов	Соматизм <i>грудь</i>
по запросу в НКРЯ: поэтический подкорпус: Н.С. Гумилев	1 060 вхождений	65 вхождений (0,6%)
локативное употребление (по: НКРЯ: поэтический подкорпус: Н.С.Гумилев)	199	30 (15%)

Для сравнения приведем данные о частотности лексемы «рука», также занимающей особое место в поэтическом пространстве телесности. По количеству случаев использования в качестве пространственных ориентиров в поэзии Н.С. Гумилева эта лексема находится в составленном нами списке сразу после лексемы «грудь»: (27 вхождений, или 13,5%) (табл. 2).

Таблица 2. Общее количество соматизмов и количество соматизма *рука* по запросу в НКРЯ (поэтический подкорпус: Н.С. Гумилев)

	Кол-во соматизмов	Соматизм <i>рука</i>
по запросу в НКРЯ: поэтический подкорпус: Н.С. Гумилев	1 060 вхождений	141 вхождение (1,3%)
локативное употребление (по: НКРЯ: поэтический подкорпус: Н.С.Гумилев)	199	27 (13,5%)

Как видно из табл. 1 и 2, хотя лексема *рука* существенно чаще используется при изображении поэтической телесности (141 вхождение; 1,3% от всей лексики, представленной в поэтическом подкорпусе: Н.С. Гумилев) по сравнению с лексемой *грудь* (65 вхождений; 0,6%), однако для отражения пространственных координат количество употреблений лексемы *грудь* резко увеличивается (с 0,6% до 15%), в то время как количество употреблений лексемы *рука* тоже возрастает, но все-таки не с такой силой (с 1,3% до 13,5%).

Учитывая сложность и разнообразие функционирования пространственных телесных ориентиров в поэзии Н.С. Гумилева, далее мы подробнее остановимся на анализе только лексемы-доминанты «грудь».

Доминантный соматизм *грудь* функционирует с разной степенью частотности в разнообразных предложно-падежных формах. Охарактеризуем эти формы в порядке убывания частотности.

Чаще других лексема «*грудь*», репрезентирующая визуально видимую часть тела (концепт: 'поверхность'), употребляется в качестве пространственного ориентира в предложно-падежной форме «на + винительный падеж» (9 контекстов). Ср., напр., поэтические строки с функционированием этой синтаксемы в качестве конечного телесного ориентира направленного действия (перемещения в пространстве, изменения положения в пространстве, зрения и др.: *вскакнуть, скакнуть, встанут, ринуться, прикладывать, смотреть*): *Проникнуть помыслом к врагу / Беспомощному и на грудь / Кошмаром гривистым вскакнуть* (Мой час : «Еще не наступил рассвет...», 1919); *...старик <...> успел скакнуть / Всеи тяжестью ему на грудь* (Мик : «Сквозь голубую темноту...», 1918); *Тебя отыщет он, летящий, / И дико ринется на грудь* (Камень : «Взгляни, как злобно смотрит камень...», 1910); *Прикладывают наглые шуты / Ему на грудь кровавые цветы...* (На пиру : «Влюбленный принц Диего задремал...», 1908). Описываемая синтаксема может повторно (на этой же или последующей строке) использоваться поэтом для создания более сложных и глубоких образов при помощи контекстуального сочетания с другим соматизмом, ср.: *Тотчас бешеные волки в кровожадном иступленьи / В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь* (Волшебная скрипка : «Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...», 1910); *Он смотрел на маленькие груди, / На браслеты вытянутых рук* (Заклинание : «Юный маг в пурпуровом хитоне...», 1908). Включим в эту подгруппу и контексты, в которых употребляются воспроизводимые единицы языка: *Борись со мною грудь на грудь* (Два сна : «Весь двор усыпан был песком...», 1918); *Но тяжкая на грудь легла верига, / Я вижу свет... то День подходит Судный* (Судный день : «Раскроется серебряная книга...», 1909); *И взять на грудь спасающее бремя / Тяжелого железного креста!* (Дон Жуан : «Моя мечта надменна и проста...», 1910).

Несколько реже лексема «*грудь*» употребляется в предложно-падежной форме «в + предложный падеж» для описания местонахождения внутри доминантного для поэта телесного объекта (7 контекстов). Ср. поэтические строки, где поэт описывает *грудь* какместилище легких и сердца, орган дыхания (согласно физиологической конкретики), либо как символ мужества и доблести людей, вставших на защиту чего-л. [20, с. 719; 22, с. 289-290], либо как «местилище человеческих чувств (гордости, храбрости)» [13, с. 5] (концепт: 'контейнер', 'местилище'): *Сердце крылатое в груди косматой / Вырви, вырви сердце и растопчи* (У цыган : «Толстый, качался он, как в дурмане...», 1921); *В груди огонь желанья распаля, / Проходишь ты, и мысль твоя томится...* («Тебе бродить по солнечным лугам...», 1909); *В груди подымается*

злоба (Молодой францисканец : «Младой францисканец безмолвно сидит...», 1903). В примерах данной подгруппы встречаем репрезентацию доминантной лексемы и с указанием принадлежности этой части тела: а) описываемой лирической героини, ср., напр., указание при помощи притяжательного местоимения *ее*: *И в груди ее сердце биться / Вдруг перестало* (Дева-птица : «Пастух веселый...», 1921); *И волны ласкового света / В ее колышутся груди* (Дева солнца : «Могучий царь суров и гневен...», 1905); либо б) лирическому «Я», ср. следующие строки, где указание на автора дается дейктически при помощи притяжательного местоимения *мой*: *Золотое сердце России / Мерно бьется в груди моей* (Наступление : «Та страна, что могла быть раем...», 1916); *В моей груди кипела кровь, / И в блеске солнечного пира / Я увидел мою любовь* (Дева солнца : «Могучий царь суров и гневен...», 1905).

Чуть реже представлена лексема «*грудь*», употребленная в качестве пространственного ориентира в предложно-падежной форме «на + предложный падеж» (7 контекстов), напр., для выражения семантики местонахождения (в строках с глаголами: *лежать, чернеть, усмирять, просиять, гореть* и др.) на описываемой в нашем исследовании визуально видимой передней части тела (концепт: 'поверхность'): *Я спросил про большую открытую рану, / Что сквозь тряпки чернела на впалой груди, / Что с ним было?* (Экваториальный лес : «Я поставил палатку на каменном склоне...», 1921); *Пьер, дневник у тебя? На груди под рубашкой? / Лучше жизнь потерять нам, чем этот дневник!* (Экваториальный лес : «Я поставил палатку на каменном склоне...», 1921). В примерах данной подгруппы также встречаем репрезентацию доминантной лексемы «*грудь*» с указанием принадлежности этой части тела лирическому герою, описываемому поэтом либо при помощи притяжательного местоимения *его*: *Смоляною доской лежала / На груди его борода* (Поэма начала : «Из-за свежих волн океана...», 1918-1921); *И серебряная туча / На груди его влюбленно / Усмиряет горечь ран* (Акrostих : «Мощь и нега ...», 1909-1910), либо при помощи отыменного прилагательного: *И на груди молодецкой / Крест просиял золотой* (Мужик : «В чашах, в болотах огромных...», 1916). Добавим сюда же анализируемую синтаксему с репрезентацией части тела животного (пресмыкающегося: *змея*) при помощи формы родительного падежа, ср.: *Но горели яркие камни / На груди властительного Змея* (Рассвет : «Змей взглянул, и огненные звенья...», 1908).

Реже употребляется лексема «*грудь*» в предложно-падежной форме «в + винительный падеж» в качестве пространственного ориентира (5 контекстов), ср. контекст, где данная форма использована для изображения направления действия

внутри (нанесение удара, перемещения объекта: *ударить, плеснуть, бросить, литься* и др.) указанной части тела (концепт: 'контейнер', 'вместилище'): *И в тот же самый миг безмерность / Мне в грудь плеснула, как волна...* (Евангелическая церковь : «Тот дом был красная, слепая...», 1919); *И в грудь, широкую как щит, / Он ударяет кулаком...* (Мик : «Сквозь голубую темноту...», 1918); *Встал Одиссей на высоком пороге, / В грудь Антиноя он бросил стрелу* (Избиение женихов : «Только над городом месяц двурогий...» : Возвращение Одиссея, 2, 1910); *Так же сладко лился в наши груди / Аромат невиданных цветов* (Открытие Америки : «Свежим ветром снова сердце пьяно...», 1912); *Ударял себя в грудь, испульнем объятый...* («На камине свеча догорала, мигая...», 1907).

Единственным примером представлена лексема «*грудь*» в качестве пространственной номинации в предложно-падежной форме «из + родительный падеж» (1 случай), в частности, для изображения возникновения из исходного пункта, которым является внутреннее пространства описываемой части тела «грудь». Ср. поэтические строки, где поэт описывает *грудь*, символизирующую «огонь в антропоморфной модели Вселенной» [21; с. 186] (концепт: 'контейнер', 'вместилище'): *Как будто огненный язык / Вдруг из груди его возник* (Мик : «Сквозь голубую темноту...», 1918). Такое изображение в поэтических текстах Н.С. Гумилева локативной телесности с существенным преобладанием конструкций, включающих в свой состав конечную точку, над единственной контекстом, описывающем начальную точку, обусловлено (и соответствует) асимметрией конечной и начальной точек движения, выявленной современными когнитивными исследованиями пространственной концептуализации в русской языковой картине мира [14, с. 320].

Итак, проведенное исследование употребленной в локативных позициях соматической лексики выявило различную частотность соматических лексем, фиксирующую в поэтическом лингвоменталитете Николая Сергеевича Гумилева соотношение ядра и периферии.

Наиболее частотными в качестве пространственных ориентиров в поэтической Вселенной Н.С. Гумилева являются *грудь* и *рука*.

Доминантный соматизм *грудь* функционирует с разной степенью частотности в нескольких предложно-падежных формах для выражения пространственной семантики (местонахождение, конечный и исходный пункт), репрезентируя концепты: 'поверхность' либо 'контейнер', 'вместилище'.

Таким образом, творец-акмеист Н.С. Гумилев, согласно требованию своего поэтического направления, уделяет внимание вещным деталям, с помощью соматического (телесного) кода структурируя и оценивая в своем поэтическом языке создаваемое им внешнее и внутреннее пространство художественного мира.

Список литературы

1. Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 159 с.
2. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 180 с.
3. Язык и семиотика тела. Т. 1: Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Г.Е. Крейдлин (отв. рук.), П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 672 с.
4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. – М.: «Гнозис», 2007. – 284 с.
5. Блинова А.А. Сопоставительная характеристика фразеологизмов с компонентом-соматизмом в русском, чешском и польском языках // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 79-5. С. 37-40.
6. Гымпилова С.Д. Соматизмы в поговорках монгольских народов // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 404-406.
7. Пачаи И. Соматизмы во фразеологии европейских и восточных языков // *Turkic Studies Journal*. 2022. Т. 4. № 4. С. 99-112.
8. Цепкова А.С. Сопоставительный анализ соматизмов в английском и русском языках // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 2-2 (77). С. 109-113.
9. Шешкина Т.Ф. Славянские лексические параллели немецкого соматизма *zunge* «язык» в сравнительно-историческом освещении // *Вестник Марийского государственного университета*. 2022. Т. 16. № 1 (45). С. 121-127.
10. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Азбуковник, 2010. – 448 с.
11. Никитина С.Е. О частотных словарях и культурно-языковых картинах мира (на материале русских народных текстов) // *Русский язык сегодня*. М.: [Б. и.], 2000. Вып. 1. С. 221-230.
12. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – 240 с.
13. Чжэн Гуанцзе. Фразеология тела в русском языке глазами носителя китайской лингвокультуры: автореф. дис... канд филол. наук. М., 2013. 23 с.
14. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Азбуковник, 2010. – 448 с.

Список источников

15. Гумилёв Н. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45 // <http://www.gumilev.ru/clauses/2/> (дата обращения: 05.05.2023).
16. Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / Вступ. статья, сост. и примеч. Т. А. Бек. – М.: Московский рабочий, 1997. – С. 202-207.
17. Мандельштам О.Э. Утро акмеизма // Собрание сочинений в 4 тт. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. URL: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (дата обращения: 05.05.2023)
18. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.06.2023).
19. Урысон Е.В. Грудь // Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. – С. 717-719.
20. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1987. – 543 с.
21. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.512.157

Акимова А.С. Анализ терминологической лексики якутских головных украшений (на материале диалектологических словарей якутского языка)

Акимова Александра Спартаковна

канд. филол. наук, научный сотрудник отдела якутского языка
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, РФ, г. Якутск
sikkier84@mail.ru

**Analysis of the terminological lexicon of the Yakut head ornaments
(on the materialeological dialects of the dictionaries of the Yakut language)**

Akimova Aleksandra Spartakovna

Cand. Sci. (Philology), Researcher, Department of the Yakut Language
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Russia, Yakutsk

Аннотация. В статье рассматриваются слова-термины, обозначающие якутские украшения, зафиксированные в диалектологических словарях якутского языка. Автор акцентирует внимание на лексический фонд, отражающий одну из тематических групп украшений якутского народа – головные украшения. Многие исконные названия украшений утратили свои значения и требуют кропотливой работы по возрождению и упорядочению донаучных протерминов. Рассмотрены пятнадцать диалектных единиц, из которых двенадцать диалектных вариантов принадлежат к лексико-семантической группе `серьги`, один диалектный вариант относится к накосным украшениям, два – к начельным. Изучение собственно лексических диалектизмов является не менее важным инструментом для исследования исторического пути развития якутского языка в его территориально-географическом распространении.

Ключевые слова: якутский язык, диалект, украшения, серьги, термин.

Abstract. The article deals with the words-terms denoting the Yakut jewelry, recorded in the dialectological dictionaries of the Yakut language. The author focuses on the lexical fund, which reflects one of the thematic groups of ornaments of the Yakut people - head ornaments. Many original names of jewelry have lost their meanings and require painstaking work to revive and streamline pre-scientific proterms. Fifteen dialectal units are considered, of which twelve dialectal variants belong to the lexical-semantic group `earrings`, one dialectal variant belongs to braided ornaments, two to headdresses. The study of proper lexical dialectisms is an equally important tool for the study of the historical ties of a certain territorial group.

Keywords: Yakut language, dialect, jewelry, earrings, term.

Вводная часть и новизна. В настоящее время в условиях глобализации все более актуальным становится возрождение, сохранение и дальнейшее развитие национальных традиций каждого народа. В эпоху глобальных переустройств наиболее остро стоят проблемы национальной идентичности, которые

непосредственно связаны со стремлением народов к самоопределению и самобытности в современном мире, с желанием отстоять и сохранить свою идентичность. В данной статье мы вкратце проанализируем лексический фонд, отражающий одну из тематических групп украшений якутского народа – головные украшения.

Комплекс головных украшений в традиционной культуре якутов выступал маркирующим элементом, обозначающим социальный статус и переход из одного жизненного цикла в другой [1, с. 183]. Отражение мировоззрения, эстетики и характера каждого народа можно проследить в его традиционных украшениях. Потому что традиционные украшения и их названия являются неотъемлемой частью истории и культуры якутского народа. Этот пласт лексики относится к словам-терминам, которые отражают быт, обычаи и традиции якутов и тем самым содержат в себе много важной информации для изучения. В этой связи актуальным становится исследование диалектных вариантов данного лексико-семантического поля, поскольку «диалектология тесно связана с историей языка, так как диалекты сохраняют многочисленные языковые явления, утраченные в современном языке» [2, с. 67]. Как пишет ведущий диалектолог-якутовед М.С. Воронкин 'В диалектном языке якутского народа отражен подлинный разговорный язык, который вобрал в себя все удивительные оттенки и мудрость народа' [3, с. 44]. Следовательно, в диалектных словах могут сохраняться утраченные общекытские языковые явления, а также содержаться не учтенная в литературном языке информация, тем самым диалекты являются одним из важных источников для изучения не только языка, но и истории и этнографии якутского народа.

Данные о методике исследования. Тематическая группа – «головные украшения» неоднократно была предметом исследования ученых. Прежде всего, это работы первых исследователей истории, этнографии и языка якутов, которые в своих трудах затрагивали исследуемый пласт лексики. Эти работы послужили основой для дальнейших исследований. В постреволюционный период тема украшений была предметом этнографических исследований, для сопоставления материальной культуры якутов с культурой других тюркских народов, а также для исследования истоков этногенеза и вопросов формирования якутской традиционной культуры.

Экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий.

Большое значение для нашей работы имеет труд А.И. Саввинова, где дана классификация и подробно описаны традиционные виды якутских украшений.

В работе А.И. Саввинова систематизировано более 40 названий традиционных якутских украшений, а также их варианты. Автор отмечает, что большинство названий украшений древнего происхождения и имеют широкие параллели с тюрко-монгольскими языками. Рассматривается семантика украшений, дается их характеристика [4]. Не менее важной считаем работу Ф.М. Зыкова. В главе «Описание ювелирных изделий» автор дает подробный анализ головных украшений [5]. Эти две работы являются одними из основных источников написания настоящей статьи. Ниже приведено большое количество ссылок на эти работы, таким образом, не будем подробно останавливаться на них в теоретической части работы. Головные украшения якутского народа также зафиксированы в лексическом фонде, накопленном в дореволюционных, постреволюционных и современных словарях якутского языка.

Примечательно, что в последнее время появляются специализированные работы по исследованию лексики традиционных украшений и одежды якутского народа таких авторов как: Л.М. Готовцева, Ф.Н. Дьячковский, Л.С. Ефимова, О.А. Лугинова, А.М. Николаева, С.И. Петрова, Н.И. Попова, Е.П. Федорова и др. Таким образом, мы располагаем достаточно обширным материалом для работы. Но следует отметить, что специальных, крупных лингвистических исследований, посвященных именно на тему якутских украшений, немногочисленны. Исследования, посвященные украшениям, в основном освещают археологический, историко-этнографический, культурологический или краеведческий аспекты. По диалектным вариантам слов-терминов, обозначающих украшения якутского народа, специального исследования ранее не проводилось.

В данной статье нами будут рассмотрены, диалектные слова, относящиеся к группе «головные украшения» и включающие такие типы как лексические диалектизмы, слова-архаизмы, составные диалектные варианты и фонетические диалектизмы, зафиксированные в «Диалектологическом словаре якутского языка» [13] и «Диалектологическом словаре языка саха» [14]. В работе использовались метод отбора словарного материала, метод выделения семантических групп семантического анализа, а также описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Литературным словом для обозначения понятия «серьги» является общеупотребительное в современном якутском языке слово *ытарба*. Данный термин может служить в речи, как для обозначения общего наименования серег. Также слово *ытарба* может использоваться и в качестве основы лексических единиц, состоящих из двух и более компонентов в сочетании с каким-либо детерминативом, который

обычно описывает форму, материал, характер оформления и т.д.: *хоруонка ытарба*, *дьэс ытарба*, *ньургуһун ытарба*, *ыабас ытарба* и др. Всего А.И. Саввиновым установлено 30 таких названий серег. Большинство серег отличаются друг от друга формами подвесок. В диалектологических словарях якутского языка зафиксировано некоторое количество диалектных слов, имеющих в основе общеякутский термин *ытарба*.

Территориальное распространение лексической единицы ***битириистаак ытарба*** ограничено Тугуно-Чумиканским районом Хабаровского края [14, с. 154]. Прилагательное *битириистаак* является, скорее всего, фонетическим вариантом существительного *бытырыыс* 'бахрома, кисти одежды' [15, с. 791] к которой присоединился аффикс *+лаах*. Таким образом, непроемная именная основа *бытырыыс* в сочетании с аффиксом *+лаах* подвергся терминологизации в форме неременной субстантивации и обозначило свойство предмета и явления в реальной действительности – 'серьги с подвесками'. Составители словаря приравнивают *битириистаак ытарба* к *саха ытарбата* (индигирский говор), которые представляют собой 'серебряные серьги с подвесками' [14, с. 158]. Данная лексическая единица дословно переводится как 'якутские серьги'. Иллюстративный пример говорит о том, что стоили такие серьги дороже – *саха ытарбата ордук сыаналаах буолар* ('серебряные серьги с подвесками бывают очень дорогими') [14 с. 159]. Следует отметить, что такое название серег в современном узусе якутоязычного населения является общеупотребительным и используется для обозначения якутских национальных серег с подвесками. В БТСЯЯ *саха ытарбата* также присутствуют и определяются как национальные серьги, которые представляют собой «сережки-колечки, имеющие кованые или литые массивные подвески с узором или ажурным рисунком и множеством салбырбас – висюлек-бубенчиков» [16, с. 547]. *Саха ытарбата* в ДСЯЯ сравниваются с *сараасабай ытарба* и определяются как 'серебряные серьги с подвесками', судя по определению, данному на якутском языке в этом же словаре, подвески представляли собой многоступенчатую удлиненную форму (*хос-хос салбааһыннаах көмүс ытарба*), слово является устарелым диалектным вариантом Олекминского района [14, с. 158]. Существуют фонетические варианты *сараасымай* [14, с. 158], *һараасабай ытарба* [17, с. 174]. «Большой толковый словарь якутского языка» (БТСЯЯ) определяет данный вид серег как 'серьги со стразами' [18, с. 265]. В словаре Э.К. Пекарского зафиксированы варианты *сараасыбай*, *сарасымай*, которые сопоставляются с прилагательным *сразовый* со знаком вопроса [19, стб. 2100]. Ни в словарях современного русского языка, ни в

исторических словарях такое прилагательное мы не обнаружили. Существительного *сраз* или *сраза* также не нашли. Сохранилась опись приданого невесты от 1846 г., в которой зафиксированы два *сразовых супира* и *перстень сразовый*. Связано ли это слово со стразами, сказать сложно. Слово 'страз' происходит от немецкого *strass* – «искусственный драгоценный камень, изготовляемый из хрустала с примесью свинца и других веществ и обладающий такой игрой, которая делает его сходным с настоящим драгоценным камнем (по имени изобретателя, ювелира XVIII в. Stras)»; устарелые варианты – *страс*, *страза* [20]. То есть слово изначально содержало букву **р** в корне. Наличие у якутов сразовых украшений является также спорным. Известно лишь то, что якутские украшения не содержали в себе камней. Можно предположить, что *сараасабай ытарба* является одним из производных вариантов *сараабыс ытарба*, *сараабыстаах ытарба* 'якутские серьги с подвесками, которые носили почетные уважаемые женщины', в БТСЯЯ зафиксирован вариант *сараабыскайдаах* 'с подвесками (о серьгах)' [18, с. 264]. *Былаах ытарба* – диалектное словосочетание индигирского говора, так называли серьги, которые были соединены друг с другом тонким шнурком через затылок. Иногда шнурок был украшен бисером. Такие серьги были очень большими и тяжелыми [14, с. 57]. О серьгах, соединенных тонкими ремешками или серебряной цепочкой во избежание потери украшения, упоминал А.И. Саввинов. В его описании ремешок проходил под подбородком, а не вокруг затылка. Соединенные серьги, как и способ их ношения, судя по всему, являются собственно якутскими, по крайней мере, мы не обнаружили у представителей других народов – родственных и неродственных – ни такого способа, ни таких серег. *Оһорор ытарба/оһорор* – архаизированная диалектная лексическая единица, также является частью индигирского диалектного ареала [14, с. 146] и имеет значение 'серьги', 'маленькие серьги'. В словаре Э.К. Пекарского находим более подробное, но несколько иное описание, где также сказано, что эти серьги были маленькими, их носили только девочки. Они не мешали заживать ранам при первом прокалывании ушей [19, стб. 1886]. В ДСЯЯ также зафиксирован фонетический диалектизм *итарга* Тугуно-Чумиканского района Хабаровского края [14, с. 81], видимо, они представляют собой маленькие серьги, так как составители ДСЯЯ сравнивают это слово с вышеописанным *оһорор* [14, с. 146]. *Таммах ытарба* – фасон якутских серег, судя по названию, скорее всего, имеющий каплевидную форму (*таммах* 'капля'), территориальное распространение лексической единицы – Олекминский район [14, с. 181]. *Иэмэх* – данное слово является частью литературного якутского языка, но устарелым в современном языке. В Якутско-русском словаре (ЯРС) слово

определяется как металлическая подвеска к серьгам [20, с. 160]. БТСЯЯ приводит два толкования: «1. Кольцеобразные серьги; 2. Съёмные подвески к серьгам» [21, с. 824]. В ДСЯС данная лексическая единица также присутствует как общеякутское слово-архаизм, сохранившееся в активном словаре говоров Индигирского и Усть-Янского районов и обозначающее ‘серьги без подвесок, обычные серьги’. *Оччоттообу эрттэр кулгаахтарыгар иэмэх диэн ытарҕа кэтэллэр үһү* (‘Тогдашние молодцы, говорят, в ушах носили серьги’); *Эр киһи оччоҕо кулгааҕа үттээх, иэмэхтээх буолара үһү* (‘В те времена, говорят, у мужчины уши были проколоты, они носили серьги’) [14, с. 82]. В толковании, данном в ДСЯС, мы находим некоторое отклонение от нормативной лексики. В ДСЯС, в отличие от значений, данных в ЯРС и частично в БТСЯЯ, *иэмэх* – не подвеска к серьгам, а сама серьга, без подвесок. А.И. Саввинов в своей монографии определяет серьги *иэмэх*, как «разъёмное литое кольцо овальной формы с шарниром и накладной застежкой», «передняя часть», которой «имеет фигурное уплощение», иногда орнаментированное несложным резным узором [4, с. 37]. Этот тип серег могли носить как с подвесками, так и без них. Автор указывает, что, по некоторым данным, *иэмэх* считались заимствованными от русских и носили название «*нуучча ытарҕата*», т.е. «*русские серьги*» [4, с. 38]. У Ф.М. Зыкова также упоминаются «*русские сережки*» со ссылкой на работу М.М. Носова, но сопоставляются они с серьгами с подвесками, а не с *иэмэх*. Этнограф пишет, что *иэмэх* представляет собой верхнюю часть серьги, вдеваемую в ухо. Нижняя же часть, подвешиваемая к *иэмэх*, называется *түгэх* – основание или подвеска. Автор отмечает, что *иэмэх* также является отдельно взятым предметом украшения, который носят без подвесок. Такие серьги носили более бедные слои населения [5, с. 48]. ДСЯС указывает в качестве синонима название *нуучча ытарҕата*, судя по приводимым примерам, оно имеет значение серьги без подвесок – *нуучча ытарҕатын киэргэнэргэ буолбакка, көннөрү кэтэллэр* (‘серьги без подвесок носят в будничные, а не в праздничные дни’). Диалектный вариант зафиксирован в индигирском говоре [14, с. 135]. То, что *иэмэх* представляло собой не подвеску, а саму серьгу округлой формы, возможно, подтверждает толкование самого слова *иэмэх*, а также его этимология. В словарях помимо вышеописанного значения можно найти и другие определения. Так, в БТСЯЯ одним из толкований значится ‘искривление чего-либо, изгиб’ [21, с. 824], что, скорее всего, объясняет согнутую кольцом форму рассматриваемого изделия. Относительно этимологии Ф.М. Зыков приводит параллели из других тюркских и монгольских языков – *иймек*, *ээмэг*, которые обозначают целиком серьгу. Э.К. Пекарский сравнивает слово с монгольским *амйк*

‘ушное кольцо в серьге’, бурятским *етек* ‘большая серьга’ [19, стб. 895]. В Этимологическом словаре тюркских языков находим глагол *ег-* ‘гнуть’, гомогенное с монг. *етег* ‘серьга’, ‘кольцо’ [22, с. 227]. О кольцеобразной форме *иэмэх* также говорят данные приведенных выше иллюстративных примеров, в которых сообщается, что *иэмэх* носили мужчины. По данным раскопок средневековых погребений, в «бывшем Хоринском (ныне Хатасском) наслеге Хангаласского района Центральной Якутии в мочке левого уха находилась маленькая кольцеобразная металлическая серьга» [6, с. 97]. Серьгу из данного погребения автор статьи Р.И. Бравина относит к типу *иэмэх*. В литературе также зафиксирован яркий иллюстративный пример, описывающий изогнутую кольцеобразную форму данного изделия, которую писатель Н.Г. Золотарев-Николай Якутский сравнивает с новой луной: *Саҥа үүммүт ахсынны ый тахсан арбаа сабах үрдүнэн иэмэх ытарба буолан ыйанар* [16, с. 359]. Следовательно, мы можем сделать некоторые выводы о том, что данный общеякутский архаизм, зафиксированный в активном словаре отдельного говора, вероятно, сохранил более точное описание словарной единицы *иэмэх*, которое, судя по всему, представляет собой самостоятельное украшение округлой формы, носили его как с подвесками *түгэх*, так и без них (обычно без подвесок носили бедные слои населения, а также, возможно, в будничные дни). *Иэмэх*, помимо того, что был женским видом украшения, являлся частью традиции ношения серег мужчинами в качестве «своеобразного носителя информации» [6, с. 101]. В современном узусе некоторых носителей языка *иэмэх* имеет название *чоху*, значения которого не совпадают с литературным описанием [16, с. 199]. В ДСЯС находим данную лексическую единицу, которая присутствует в садынском подговоре [14, с. 234] и определяется как «деревянный брусок с отверстием в центре, надеваемый на железный стержень нижнего жернова ручной мельницы» [14, с. 153]. Еще одним словом, которое является частью лексико-семантического поля «серьги», в якутском языке является *сыакаар*. Данная лексическая единица зафиксирована в рассматриваемом нами ДСЯЯ и определяется как ‘маленькие серьги’. Слово относится к собственно лексическому диалектизму, встречается в говоре жителей Мегино-Кангаласского улуса [13, с. 219]. Приводится эвенкийский этимон *сёкар* ‘серьги’. А.И. Саввинов также пишет, что слово имеет тунгусское происхождение, и отмечает, что *секар* или *секан* в эвенкийском языке имеет значение «серьги». Автор монографии объясняет это тем, что бывший Восточно-Кангаласский улус (ныне часть Мегино-Кангаласского улуса) являлся одним из районов обитания тунгусских

народов [4, с. 37]. Помимо данной фонетической формы, в словарях приведен несколько иной фонетический вариант *сыхаар* [13, с. 219; 19, стб. 2422].

Накосные украшения можно разделить на два основных типа: косоплетка (вплетаются в косу) и накосник (прикрепляется к косе), которые имели разное значение и функции. Данное украшение носило не только утилитарную и эстетическую функцию, но и магико-религиозную [7, с. 314-316].

Как пишут, Яковлева К.М. и Прокопьева А.Н. «украшения волос наибольшей степенью обладали магической функцией, в частности множительной. В архаическом мировоззрении усматривалась некая связь волос женщины (длина, густота) с ее плодовитостью, возможностью сохранить свое потомство» [8, с. 36]. Судя по всему, территориально они существенно отличались по форме и характеру оформления. В ДСЯС зафиксирована словарная единица *киистэ* – украшение, вплетаемое в косу. Диалектная принадлежность данного слова – оленекский говор [14, с. 84]. Ф.М. Зыков также упоминает о *киистэ* и приводит синонимичную ему лексическую единицу *суһуох симэбэ*. Описывает он данный вид *накосного украшения* так: состоящее из «серебряных или медных трапециевидных пластин с тремя рядами подвесок или бусин. На конце укрепляют полукруглые чашечки (*чопчу*) с кистями из ниток» [5, с. 50]. Длина изделия достигала 24-26 см. Украшение привязывали к косам под затылком. Накосные украшения с кистями на конце встречаются у тюркских народов Саяно-Алтая [9, с. 148-152]. Косоплетки *киистэ*, как и другие виды косоплеток, были украшениями для девочек, девушек и молодых женщин [4]. Данная лексическая единица включена в БТСЯЯ [17]. Существовал и другой вид *косоплеток*, который выглядел проще, – коса плотно перевязывалась замшевой лентой, чуть ниже затылка прикреплялась орнаментированная трапециевидная пластинка с мелкими пластинками снизу. Такой вид имели косоплетки вилюйских якутов [5]. Известно, что эвенки туго обвязывали волосы замшевым ремешком [4]. То, что в древности бассейн реки Вилюй был заселен тунгусами, является фактом. Косоплетки центральных районов имели своеобразную форму, Ф.М. Зыков отмечает, что они сходны с киргизскими *чач уштук* [5, с. 50].

Исследователи отмечают, что *илин* и *кэлин кэбиһэр* в более ранние периоды были продолжением головного украшения, в последующем они стали шейно-нагрудным и наспинным украшениями. Ф.М. Зыков выдвигает предположение о том, что *кэлин кэбиһэр* ранее предназначалось для прикрытия волос невесты, так как у якутов существовал обычай прятать волосы от чужих мужчин. В последующем в связи с частичной утратой этого обычая украшения стали привязывать к *гривне* ‘кылдыбы’

[5, с. 51]. Гривна ‘кылдыы’ является наиболее древним и устойчивым видом традиционного женского украшения. Она широко бытовала у многих народов Ближнего и Среднего Востока, западной и восточной Европы [10]. Из всех тюркоязычных народов гривна сохранилась только у якутов. Судя по всему, накосные украшения занимали одно из центральных мест в убранстве якутской женщины. С распространением христианства замужние женщины стали покрывать волосы платками. *Накосники* и *косоплетки* остались частью лишь девичьего убранства. Таким образом, возможно, ранее украшавшие волосы *илин* и *кэлин кэбиһэр* (которые пришивали к затылочной части начельника или прикрепляли к косе) постепенно стали прикреплять к гривне. В пользу данного предположения говорит описание наиболее древних конструкций *илин кэбиһэр*, которые были найдены в дохристианских захоронениях XVII-XVIII вв. Этот тип *илин кэбиһэр* состоял из начельника и «спущенных от него на грудь полос из металлических цепей и серебряной круглой бляхи в середине. Две полосы прикреплены к затылочной части головного ободка и, слегка огибая уши сзади, опускаются на грудь и соединяются в большую круглую бляху, с которой также ниспадают полоски цепей» [4, с. 47]. Существует второй тип *илин кэбиһэр/кылдыы быата* более позднего периода (в ранних дохристианских захоронениях XVIII в. не обнаружен), который состоит из «гривны, центральной части и двух параллельно к ним опущенных полосок цепей» [4, с. 48]. Диалектных вариантов к таким видам *накосных украшений*, как ‘гребни’ и ‘защепка для волос’, мы не обнаружили. К литературному *бастыҥа* указатель диалектных синонимов ДСЯЯ приводит лексическую единицу *мастыка* [14, с. 121]. Диалектизм относится к индигирскому говору и указывается в качестве устарелого. Иллюстративный пример говорит о том, что этот головной убор надевали в старину (*мин мастыка диэни кэппэтэбим, быллыргылар кэтэллэр үһү*). Примечательно, что *мастыка* составители словаря сравнивают с *мастыҥа бэргэһэ* [14, с. 121] – род тубетейки, устарелое диалектное слово колымского говора. Считаю нужным здесь упомянуть о том, что тубетейка относится к словам с тюркским корнем – *töbü/töpü*, что было отмечено в памятниках древнетюркского языка в значении ‘темя’, ‘макушка’; ‘голова’ [21, с. 579-580] (более ранний фонетический облик якутского *tөбө* ‘голова’). Вполне возможно, что у предков якутов такой головной убор мог существовать. Вероятно, *мастыка* и *мастыҥа бэргэһэ* являются фонетическими диалектизмами *бастыҥа*, которое имеет древнетюркские корни (*bas* ‘голова’ [20, с. 87]). А.И. Саввинов пишет, что упоминания о *бастыҥа* в источниках отрывочны и не дают четкого представления о его внешнем виде, и приходит к выводу, что это

женский *начельник*, «видимо, несколько утративший свое значение как самостоятельный вид головного убора» [4, с. 44]. Интересно отметить, что имеющий один генетический корень с якутским *бастына* тувинский головной убор *баштанга* является свадебной накидкой. Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что названия украшений якутского народа разнообразны не только в литературном языке, но также представляют собой богатый фонд диалектных вариантов и имеют территориальные особенности, которые являются ценными носителями информации и дополняют представления о головных украшениях народа.

Выводы и рекомендации. В заключении можно сказать, что изучение собственно лексических диалектизмов, а также территориальных особенностей украшений указывает на исторические связи определенной диалектной зоны. Например, в говоре жителей Мегино-Кангаласского улуса зафиксировано заимствование из эвенкийского языка. Один из видов косоплетки схож с эвенкским способом заплетания кос. Интересным также является исследование лексической единицы *былаах ытарҕа* – серьги, которые были соединены друг с другом тонким шнурком через затылок во избежание потери украшения. Такие серьги, как и способ, их ношения, судя по всему, являются собственно якутскими.

Некоторые общеякутские архаизмы и устарелые слова-диалектизмы сохранили более точное описание головных украшений и дают дополнительную важную информацию о материальной и духовной культуре якутов. Так, общеякутский архаизм *измэх*, зафиксированный в активном словаре отдельного говора, вероятно, более точно определяет данную лексическую единицу. *Мастыка* и *мастына* бэргэһэ, являясь фонетическими диалектизмами *бастына*, представляют собой род тубетейки, которую носили в старину.

Данная статья является первой попыткой исследовать диалектные слова. При рассмотрении диалектной лексики головных украшений мы натолкнулись на некоторое количество спорных моментов, что в свою очередь требует дополнительных уточнений.

Список литературы

1. Прокопьева А.Н. Женская прическа и головные украшения якутов XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55) С. 183. Режим доступа: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-15> (дата обращения 23.12.2021).
2. Иванов С.А. Якутская диалектология и история языка саха // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4(13) С. 66-71.
3. Якутский язык. Диалектология: сб. науч. тр. / Отв. ред. д-р филол. наук, проф. М.С. Воронкин. – Новосибирск: Наука, 1998. – 94 с.

4. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов. XIX – начало XX века: историко-этнографическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2001. – 170 с.
5. Зыков Ф.М. Ювелирные изделия якутов. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1976. – 60 с.
6. Бравина Р.И. Традиция ношения серег мужчинами у якутов (интерпретация археологических данных) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XLIV–XLV междунар. науч.-практ. конф. № 1(42). – Новосибирск: СибАК, 2015. – С. 97-102.
7. Яковлева, К. М. Магико-религиозные функции наконечных украшений якутов / К. М. Яковлева // Мир Центральной Азии-V: Сборник научных статей, Улан-Удэ, 30 июня – 03 2022 года. – Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2022. – С. 314-316. – DOI 10.53954/9785604788981_314. – EDN QKZYTR.
8. Яковлева К.М. Архаика: украшения якутов XIV-XVIII вв.: монография / К.М. Яковлева, А.Н. Прокопьева. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. – с 36.
9. Москвина М.В. Классификация и типология женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая конца XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – №4-1 (84). – С. 148-152.
10. Романова Ирина. Якутское серебро: искусство сквозь века: [сайт]. URL: <https://www.sakharparliament.ru/kultura/4661-yakutskoe-serebro-iskusstvo-skvoz-veka> (дата обращения: 15.01.2021).

Список источников

11. ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 390 с.
12. ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха = Саха түүлбэ тылын тылдьыта: доп. том. / Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
13. БТСЯЯ, 2005 – Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – Т. 2. – 920 с.
14. БТСЯЯ, 2017 – Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – Т. 14. – 600 с.
15. БТСЯЯ, 2007 – Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – Т. 4. – 680 с.
16. БТСЯЯ, 2004 – Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т. 8. – 580 с.
17. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 3858 стб.
18. ЯРС – Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 608 с.
19. БТСЯЯ, 2006 – Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. 3. – 852 с.
20. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
21. ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева и др. – Л.: Наука, 1969. – С. 579-580.

УДК 398.91

Короб А.О. Аксиологический потенциал хантыйских пословиц

Короб Анна Олеговна

научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, РФ, г. Ханты-Мансийск
annaolegovna1898@mail.ru

Axiological potential of Khanty proverbs

Korob Anna Olegovna

Researcher, Ob-ugric institute of applied research and development
Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье представлен лингвокультурологический анализ хантыйских пословиц, раскрывающих ценностные ориентиры мирознания народа ханты. Автором исследования определена значимость аксиологического подхода в изучении пословиц народа ханты. Особыми чертами ценностной картины мира является бережливость по отношению к окружающему миру, осознание важности труда и нравственных качеств человека. Изучение ценностного аспекта хантыйских пословиц – это возможность прикоснуться к культуре коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: хантыйские пословицы, аксиологический потенциал, фольклор ханты, ценности ханты, труд.

Abstract. The article presents a linguistic and cultural analysis of Khanty proverbs that reveal the value orientations of the worldview of the Khanty people. The author of the study identified the importance of an axiological approach in the study of proverbs of the Khanty people. The features of the value picture of the world are thrift in relation to the surrounding world, awareness of the importance of work and moral qualities of a person. The study of the value aspect of Khanty proverbs is an opportunity to touch the culture of the indigenous people of the North.

Keywords: khanty proverbs, axiological potential, khanty folklore, khanty values, labor.

Базовые национальные ценности российского общества производны от культурной и духовной жизни народов России. Один из важных источников формирования моральных ценностей и нравственных установок личности – это фольклор многонационального народа.

Содержание фольклора отражает жизнь народа и его духовную культуру, которая складывалась на протяжении многих веков.

В XIX-XX вв. традиционная жизнь народа ханты претерпела приход советской власти, период коллективизации, навязывание христианской веры,

гонения шаманизма, перевод населения с кочевого образа жизни на оседлый, укрупнение поселений, интенсивное развитие нефтяной и газовой промышленности,

но, несмотря на данные изменения в общественной жизни народа, мировоззренческие установки на мир остались теми же. Ханты бережно относятся к природе и живут в согласии с ней [1].

В одной из своих статей А. Н. Семенов выразил мысль о преемственности культуры обско-угорских народов и литературных произведений. Писатели Югры черпают вдохновение из фольклорных произведений, т.к. они являются главными хранителями аксиологического наследия ханты [2].

Интерес к изучению хантыйского фольклора возникает в середине XIX века зарубежными исследователями из Венгрии и Финляндии. В основном они занимались записью фольклорного материала, также внимание уделялось языку и культуре народа. Начиная с первой четверти XX века, основным направлением изучения фольклора ханты была его сюжетная сторона [3]. Следующий этап характеризуется изучением хантыйского языка и фольклора с точки зрения их лингвистического и культурного своеобразия. Так, исследования первого хантыйского ученого Н. Терешкина посвящены изучению диалектов языка ханты, а исследования Н. Лукиной составлению этнокультурного облика ханты. Исследования ученых третьей четверти XX века посвящены в основном жанровой классификации произведений устного народного творчества ханты и условиям их бытования (Н. Лукина), сопоставлению фольклора ханты с народным творчеством других культур (В. Иванова). Множество работ последней четверти XX века посвящено традиционному мировоззрению ханты (А. Ким, Т. Молданова), песенной культуре ханты (А. Айзенштадт) характеристике и классификации жанров фольклора (Е. Шмидт, М. Чепреги), сюжетно-тематическому анализу фольклора (В. Соловар, Т. А. Молданова) [3].

Изучением фольклора ханты занимаются и в наши дни. Научные труды последних лет показывают, что исследование хантыйского фольклора ведется с нескольких сторон, так большинство работ ученых посвящено анализу сюжетно-стилистических особенностей (С. Дядюн, В. Соловар, А. Бурыкин) и классификации сюжетного состава (А. Ким, Т. Пятникова). Также множество работ знакомят нас с образной системой хантыйских сказок (С. Дядюн, В. Карчина, Л. Кашлатова), средствами выразительности (В. Карчина), с композиционным строением фольклорных элементов (А. Дядюн, А. Каксин), с антропонимией хантыйского языка (А. Дядюн) и с проведением медвежьего праздника (Т. Молданова) [4].

Тематическому анализу хантыйских пословиц посвящено исследование Е.Д. Каксиной. Автор выявила две группы пословиц и поговорок, связанных с трудом и

человеком, его нравственными качествами и поведением. В первую группу вошли пословицы и поговорки, отражающие трудовую деятельность (важность труда, мастерство, бережное отношение к имуществу), во вторую группу вошли пословицы о жадности человека, переедании, состоянии сна человека и о разных жизненных ситуациях [5].

Таким образом, можно выделить следующие основные направления в изучении устного народного творчества ханты: жанровая классификация и их характеристика, выявление связи с творчеством других народов, сюжетно-тематический анализ, анализ поэтики.

Обзор литературы по изучению хантыйского фольклора показал, что аксиологический аспект изучен слабо. Конечно, мы не можем говорить о том, что ценностный аспект вовсе не изучался, ему уделялось небольшое внимание в рамках изучения других сторон фольклора, которые были озвучены выше.

Пословица – это один из жанров фольклора, представляющий ценностную картину мира любого народа. В словаре литературоведческих терминов пословица определяется как «жанр устного народного творчества: вошедшее в речевой обиход законченное меткое образное изречение, применимое к самым разным жизненным ситуациям и имеющее поучительный смысл» [6]. Основная функция пословицы – поучительная, в ней ярко отражена нравственная и духовная сторона народа. К каждой жизненной ситуации можно отнести определенную пословицу, которая дает либо положительную, либо отрицательную оценку происходящему. Пословицы предупреждают, высмеивают, советуют, предостерегают, хвалят.

Для исследования аксиологического аспекта нами было выделено 28 хантыйских пословиц, значительную часть которых мы взяли из сборника хантыйских пословиц, поговорок, народных изречений, сказок-загадок «Ветви хантыйского языка» Марии Вагатовой. В сборнике произведения написаны на двух языках: русском и хантыйском [7].

Также несколько пословиц были взяты из методического сборника «Легенды, сказки, игры и игрушки обско-угорских народов» С.Н. Колинченко [8].

Для анализа были подобраны пословицы, которые заключают в себе представление народа о важных истинах жизни.

Огромное количество хантыйских пословиц посвящено теме труда, и это неслучайно, ведь ханты с малых лет приучают детей к трудовой деятельности, готовят к взрослой жизни. Ханты порицают ленивых людей, не стремящихся и не желающих что-либо делать, а трудолюбивых уважают и ставят в пример.

Основные виды деятельности мужчины: охота и рыбалка, цель которых возможность прокормить себя и семью. В одной из хантыйских пословиц говорится: *«Если будешь сидеть, сложа руки, рыба и зверь домой не зайдут»*, смысл данного изречения заключается в важности труда. Ханты говорят, что для достижения поставленной цели нужно прилагать не только трудовые, но и волевые усилия. Ту же мысль выражают пословицы *«Без желания дается легко только лежание»*, *«От крика дело не создается»*.

В пословицах *«Гольми руками рыбу и зверя не добудешь»* и *«Не вода рыбака кормит, а сети»* говорится о том, что для охоты и рыбалки нужны определенные приспособления (мордушка, капкан, лук со стрелами, сети т.д.), которые нужно сначала изготовить, т.е. приложить в два раза больше усилий.

О физических качествах говорится в пословице *«Сильному оленю большая дорога не страшна, слабому и маленькая тяжела»*, народ побуждает человека развивать в себе силу, стойкость, выносливость, ведь тогда сложное дело не будет казаться трудным и невыполнимым.

Каждый свободный, здоровый человек способен добиться желаемого, только имелась бы цель и стремление ее достигнуть, об этом говорится в пословице *«Поперек дороги никто не лежит»*.

О ленивом, медлительном, вялом человеке говорят *«Ленив и сонлив, как соболь перед ненастьем»*. И вправду, в плохую погоду соболь не покидает своего жилища.

В недалеком прошлом у ханты не было часов, источником определения времени было солнце, они просыпались с восходом, а с закатом отходили ко сну. Значение пословицы *«Уходи на охоту рано, и всегда будешь с удачей»* созвучно с русской пословицей *«Кто рано встает, тому Бог подает»* и выражает общепринятую норму – просыпаться нужно рано, чтобы успеть сделать как можно больше полезных дел.

Для определения сущности человека достаточно понаблюдать за его деятельностью, ведь в этом процессе раскрываются все его черты. Мы можем сделать вывод о его любви к труду, выносливости, силе, ловкости, целеустремленности, честности. Об этом говорится в пословице *«Кедру цена по орехам, человеку – по труду»*. Данную истину гласит и пословица *«Оленю лучшая мерка – в дороге проверка»* – возможности человека раскрываются в ходе трудовой деятельности.

Все вышеизложенные пословицы о такой черте народа ханты, как трудолюбие, которое является важной составной частью характера представителя народа.

Ханты отличаются своей скромностью, спокойствием, гостеприимством, искренностью, способностью к совершению добрых поступков. Так, в пословице *«Правдивое слово все препятствия свалит»* говорится о силе слова, в котором нет лжи. Ханты остерегаются лжецов, а людьми с открытой и доброй душой восхищаются, что ярко отражено в пословице *«От хорошего слова и миру светло»*.

Пословица *«Знай, доброе слово и оленя на путь выводит»* указывает на ценность положительных эмоций, формируемых добрым, приветливым словом. Если доброе слово способно вернуть на тропу заблудшего оленя, то оно способно вернуть к жизни и сбившегося с истинного пути человека.

Также как и труд, слова человека говорят о нем, извлекая наружу все внутренние качества. В пословице *«Оленя хватают за рога, человека ловят на слове»* народ высказывает мысль о важности слова и его значения, иногда достаточно услышать несколько реплик от человека, чтобы определить состояние его души.

В школьные годы большинство мальчиков подросткового возраста нарушают правила поведения в школе, аргументируя свои поступки нежеланием подчиняться и следовать установленным нормам, при этом считая себя героем, совершившим благородный поступок, но это не так. Хвалиться гнусными поступками низко, об этом говорится в одной из хантыйских пословиц *«Добро делаешь – не кайся, а худом – не похваляйся»*.

«Этот человек зародился под сердцем матери» – так говорят о светлом добром человеке, в душе которого нет места злу, лицемерию, корысти, зависти и т.д.

Есть люди, которые внушают нам страх, конечно, мы не можем питать к ним добрые чувства, об этом говорится в пословице *«Кого боятся, того не любят»*. Страх рождает ненависть, а любовь есть там, где царит понимание, взаимоуважение, поддержка и справедливость.

Ханты почтительно относятся к природе и ее обитателям, на охоте они придерживаются правил, установленных их предками, одно из них выражено в пословице *«Поранив лебедя – поранишь душу»*, охота не являлась удачливой, если охотник упустил «подранка», уготовив ему жалкое существование и мучительную смерть. Также ханты живут по правилу: *«Бери от природы столько, сколько нужно для того, чтобы прокормиться»*. В пословице *«Не вылавливай из озера всю рыбу – оставь потомкам»* народ призывает думать о будущем, о будущем наших детей, для которых мы должны сохранить землю со всеми ее дарами.

Ханты способны довольствоваться малым и благодарить за это Бога *«Кто не ценит малое, тот не ценит большее»*, нужно уметь быть благодарным за все, что имеешь, ведь в один момент ты можешь потерять и это.

Много пословиц у ханты и о дружбе *«Первую рыбу подели с друзьями, и станешь удачливым охотником»*, важно делиться успехом с близкими по духу людьми. Обычно ханты не охотятся в одиночку, собираются небольшой группой и отправляются в путь, после окончания охоты добыча делится поровну. Это еще раз подтверждает щедрость и способность дружить представителя народа ханты.

Но есть пословицы в хантыйском народе, в которых высмеиваются гордые, высокомерные *«Где его задняя часть, он уже не знает, слишком высоко голову поднял»*, бесовестные *«Не имеет лица»*, болтливые *«Язык так кольшется, как будто пламя огня»*, лицемерные *«Края губ жиром намазал»*, скандальные и недовольные *«У него рога что ли выросли, в дом не помещается»* люди.

В пословицах ханты воспевается народное мастерство, так в пословице *«Руки без жил»* говорится о таланте человека в каком-либо деле, в народе так говорят обычно о женщине. Рука без жил, т.е. рука, способная выполнять такие красивые и сложные узоры, изделия и т.д.

Система ценностей в хантыйских пословицах является отражением жизни и быта народа. Огромное количество пословиц посвящено трудолюбию, также есть пословицы, отражающие широту души ханты (доброта, открытость, искренность, щедрость и др.), восхваляется мастерство, показана любовь к природе и ее обитателям, важность дружбы. Но стоит отметить, что у ханты почти отсутствуют пословицы о родине (в широком ее понимании), для них родина и природа понятия тождественные. У ханты также есть пословицы об учении, хоть и образование не являлось приоритетным направлением развития народа. О человеке, который вовремя не приобрел жизненные навыки, говорят *«Не учить же заново!»*. Каждый родитель с раннего детства приучает своего ребенка к труду, при этом воспитывая себе достойную замену.

Таким образом, можно смело утверждать, что воспитательные возможности хантыйских пословиц велики. В народном творчестве нами были выделены основополагающие ценности ханты: семья, труд, дружба, природа (ханты ощущают себя частью живой и священной природы), человек и его духовный мир, религия, мастерство. В пословицах подчеркнута уникальность самобытного народа Севера, а также ярко отражены его лучшие качества: доброта, открытость, искренность, щедрость, трудолюбие.

Список литературы

1. Карчина, В.В. Фольклор сургутских ханты и современные процессы трансформации // Филологический аспект. 2019. № 4 (48). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38049877_69634835.pdf
2. Семёнов А. Н. Аксиологический аспект обско-угорской литературы // Вестник угроведения. 2019. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskii-aspekt-obsko-ugorskoj-literatury> (дата обращения: 03.06.2023).
3. Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 258 с.
4. Волдина Т. В. Изучение хантыского фольклора в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре в первые десятилетия XXI в. // Вестник угроведения. 2020. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-hantyyskogo-folklorav-hanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre-v-pervye-desyatiletija-xxi-v> (дата обращения: 22.05.2023).
5. Каксина Е.Д. Малые жанры фольклора казымских ханты: пословицы и поговорки // Теория и практика современной науки: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2023. – С. 96-99.
6. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – Санкт-Петербург: Паритет, 2006. – 314, [2] с.
7. Вагатова М.К. Ханты ясан, нуват - Ветви хантыйского языка: сборник хантыйских пословиц, поговорок, народных изречений, сказок-загадок на хантыйском языке с переводом на русский язык. – Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. – 40 с.
8. Колинченко С.Н. Методический сборник «Легенды, сказки, игры и игрушки обско-угорских народов». 3-е изд., стер. – Сургут: Районный организационно-методический центр, 2012. – 100 с.

УДК 811.511.142

Нахрачева Г.Л. Полисемия глагола похты в хантыйском языке

Нахрачева Галина Леонидовна

канд. филол. наук, вед. научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, РФ, г. Ханты-Мансийск
Galina_h-m@mail.ru

Polysemy of the verb pohty in the Khanty language

Nakhracheva Galina Leonidovna

Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Russian Federation, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В данной статье подробно исследуется периферия семантического поля деструкции. Впервые проводится систематизация и уточнение семантики лексемы похты, анализируются прямые и переносные значения данной лексемы в хантыйском языке, специфические для ядра поля разрушения, а именно значение саморазрушения. Отмечено, что значение данного глагола зависит от синтаксического окружения, которое формирует грамматические особенности. Глагол похты в позиции предиката употребляется всегда в субъектном спряжении.

Ключевые слова: лексическая типология, глагол, хантыйский язык, семантика, глаголы деструкции, метафоризация.

Abstract. This article examines in detail the periphery of the semantic field of destruction. For the first time, the systematization and refinement of the semantics of the pohty lexeme is carried out, the direct and figurative meanings of this lexeme in the Khanty language, specific to the core of the field of destruction, namely the meaning of self-destruction, are analyzed. It is noted that the meaning of this verb depends on the syntactic environment, which forms grammatical features. The verb pohty in the predicate position is always used in the subject conjugation.

Keywords: lexical typology, verb, Khanty language, semantics, verbs of destruction, metaphorization.

Статья посвящена семантике глаголов, описывающих ситуации самопроизвольного разрушения объекта (соответствующий русскому *лопнуть*, *лопаться*) в хантыйском языке. На материале хантыйского языка рассматриваются основные лексические (прямые и переносные) значения глагола *похты* и анализируются механизмы метафорических переносов. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного описания глагольной лексики обско-угорских языков. На материале хантыйского языка до настоящего времени не выявлен полный перечень таких глаголов и нет описания сочетаемости, лексика хантыйского языка в целом изучена ещё недостаточно. В имеющихся словарях по хантыйскому языку глаголы описаны с разной степенью подробности.

Цель исследования – выявить семантику и словообразовательные возможности глагола *пoxты*, описывающего ситуацию самоуничтожения объекта на материале хантыйского языка.

При сборе и обработке языкового материала использовались сравнительно-сопоставительный и описательный методы, компонентный анализ, анкетирование, опрос информантов. Материалом для анализа хантыйских номинаций со значением самопроизвольного разрушения послужили личная картотека автора, составленная в процессе работы с носителями языка; а также данные словарей хантыйского языка [1, 2, 3, 4] и фольклорных сборников [5; 6].

В данной работе мы придерживаемся фреймового подхода к лексической типологии. Фреймовый подход был апробирован на материале многих семантических полей: глаголы движения [7], глаголы вращения [8], глаголы боли [9], глаголы падения [10; 11] во многих языках мира, в том числе и финно-угорских [12, с. 462-493]; [13, с. 494–520]; [14, с. 836–862]. Материал по глаголам саморазрушения в хантыйском языке, обсуждаемый в этой статье, в указанных выше работах не был учтён. В данной статье будет приведена базовая информация о системе глаголов саморазрушения в хантыйском языке.

Глагол *пoxты*, согласно имеющимся словарям [1; 2; 3; 4], имеет значения ‘трескаться’, ‘лопаться’, ‘ломаться’, ‘разбиваться’, ‘взрываться’. Он описывает ситуацию самоуничтожения, но никогда не подразумевает наличие какого-либо инструмента. Разрушение наступает чаще вследствие самопроизвольных естественных жизненных процессов, влияния времени, климатических условий (кожа на лице, на руках стеклянная бутылка лопнула, бревно растрескалось от перепада температуры). Глагол *пoxты* указывает и на потерю структуры предмета, его неизбежное разрушение, восстановить предмет сложно или почти невозможно («мяч лопнул»).

По характеру протекания действия глагол *пoxты* описывает две прототипические ситуации: первая предполагает разделение твёрдого объекта на отдельные (две или больше) части без воздействия инструмента (весло сломалось, камень раскололся), вторая – обозначает повреждение предмета по его поверхности с образованием множества трещин (лёд треснул, кожа на руках потрескалась и т.д.). Из прямых значений ситуаций второго типа образуется группа метафор со значением «разрушения»: душевное переживание либо сильный испуг (сердце разрывается, лопается от горя, от страха), физическое перенапряжение организма (кровоточит из носа), от злости (кричать громко, резко, сильно выразить своё отношение к кому-

либо, чему-либо, проявив свои чувства криком): *Атэм ай хөлсэм, сэмем ши похнэс* 'Я услышал плохую новость, испугался (букв.: сердце лопнуло)' [3, с. 15]; *Сэмэл ши похэнэл* 'Сердце вот-вот разорвётся (букв.: лопнет) от страха' [3, с. 436]; *Вэвтам пос йа елжал хуца антэм, ал иципа, сэмлал ши похэнсэт* 'Внешне на их телах не было следов насильственных действий существа, очевидно, от страха они умерли' [5, с. 43]; *Икелэн лдрэн хят'сала, ант хэла, лдр шри тэхпетэл, хэрэл шйкатэс* 'Муж веслом ударит, не попадёт, весло пополам ломает, лодка ломается' [6, с. 162]; *Ньулэл кялыя похнэс* 'Из носа полилась кровь (букв.: нос в кровь лопнул)'; *Ал похэл* 'Резко кричит (букв.: лопаётся)' [3, с. 252].

Компонент, связанный с метафорой потери функциональности при поломке предмета (например: *Бутылка лопнула* 'Кэванэл пелка похнэс'), порождает метафору о психологическом и физическом состоянии человека. При метафорическом переходе в позиции подлежащего находятся имена существительные: сердце, глаза, нос, живот. Причина выражается косвенным дополнением либо может быть опущена и понята только из общего контекста: *Ин, ньавремийэлэн аңкийэ, нуви төрэм лерийэл, лүй па ши вэтшэслэ. Самэл ши похнэс* 'Тут и весь мир померк в глазах у матери детей (букв.: полоску белого света она тут же потеряла). Сердце её разорвалось (букв.: сердце лопнуло) [от горя]' [5, с. 43]; *Семңалам ши похләнэн* 'Глаза вот лопнут (от света)' [5, с. 435]; *Сэмэл ши похэнэл* (фразеол.) 'Сердце=его разорвётся (букв.: лопнет)' (о состоянии сильного испуга) [5, с. 488]; *Ньулэм калыя похнэс* 'Из носа=моего кровь хлынула (букв.: нос=мой в кровь лопнул)' [2, с. 233].

Иногда в качестве субъекта может выступать и природная стихия, которая осмысливается в языке как одушевлённая, например, ветер, луна, солнце: *Вот похнэс* 'Ветер ударил (букв.: ветер лопнул)' (о сильном порыве ветра); *Хатэл похнэс* 'Солнце взошло (букв.: солнце лопнуло)'; *Хошэм хятэл йош ишньема похэнмал* 'Тёплый луч солнца засветил в окно'; *Хятэл йүх тыйэта похнэс* 'Солнце взошло над вершинами деревьев'; фольк. *Лүй йухэтмал пурайн, хятлэм мәнэм ши похнэс, тылцем мәнэм ши похнэс* 'Когда пришёл он, Солнце мне засветило, Луна мне засветила'.

Кроме того, данный глагол образует довольно большую группу метафор, описывающих болевые ощущения: *похты* 'лопнуть': каз. *Семңалам ши похләнэн* 'Глаза вот-вот лопнут (неприятное болезненное ощущение)'; *Сэмэл ши похэнэл* 'Сердце вот разорвётся'. В глаголах с семантикой боли, где выражается активное воздействие (*хятцэты* 'бить'), боль соотносится с идеей постепенного процесса. В случаях с глаголом саморазрушения *похты* 'лопнуть', переходящим в болевую зону, обозначает мгновенность действия, ср: *Ух пелкем па ши хятцэл* 'В висок бьёт (букв.:

часть головы ударяет)»; *Сймэл щи похэнэл* 'Сердце вот лопнет'; *Хунем щи похэнэл* 'Живот мой вот 'лопнет''. Морфологически эта семантика выражается формами итератива, заключающего в себе значение повторяющегося многократного действия. Для перехода в длительное состояние в хантыйском языке часто используется механизм проспективной интерпретации: боль в этом случае описывается как возможное в ближайшем будущем саморазрушение испытывающей её части тела. На морфологическом уровне это выражается специальными показателями проспектива: частица *щи* 'вот-вот', которая придаёт дополнительный смысловой и эмоциональный оттенок высказыванию. *Семүлалм щи похләнән* 'Глаза вот-вот лопнут'.

Обско-угорские языки, в частности хантыйский язык, имеют богатую систему превербов. Очень полное и подробное исследование превербов на материале обско-угорских языков изложено в статьях В.Н. Соловар [15; 16]. В ходе анализа языкового материала, нам встретилось несколько примеров с превербами *ара*, *хулт*, *пелка/пелки*, под влиянием которых расширилась семантика глагола *похты*: *Мйлән йиңк ара похэс* 'Волны озера разошлись (букв.: в разные стороны лопнуть)'; фолькл. *Пўкале пелка похнемэс* 'Желудочек лопнул (букв.: наружу лопнул)'; *Кэв пелка похнемэс* 'Камень лопнул (букв.: наружу лопнул)'.

Приведённый выше анализ показывает, что для глагола *похты* характерны семантические сдвиги. Необходимо отметить, что поле самопроизвольного разрушения смежно с некоторыми другими семантическими полями: звука, физического и физиологического воздействия на объект.

Таким образом, глагол *похты* в прямом значении описывает саморазрушение предмета, при метафорических переносах – случайность произошедшего события в результате каких-то природных сил, например, стихий. Кроме того, часто ситуации с употреблением данного глагола могут иметь отрицательные коннотации, а именно потерю функциональности предмета. Он описывает также довольно большую группу метафор психического и физического состояния. Следует отметить, что глагол *похты* в позиции предиката употребляется только в субъектном спряжении.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что методы предпринятого исследования могут быть использованы при исследовании различных групп глаголов хантыйского, а также близкородственного мансийского языка. Результаты работы вносят вклад в системное изучение словарного состава обско-угорских языков.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов по этнолингвистике, финно-угорскому

языкознанию, когнитивной лингвистике, при изучении проблем межкультурной коммуникации, а также при последующих лингвистических исследованиях. Материалы и результаты будут способствовать дальнейшему решению лексикографических и сравнительно-сопоставительных вопросов в финно-угорском языкознании и могут быть полезны при составлении словарей разного типа по обско-угорским языкам, в сравнительном и сопоставительном изучении генетически родственных, а также разноструктурных языков. Статья может быть использована как справочный материал по обско-угорским языкам.

Список литературы

1. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
2. Лозьямова З.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: АО «Тюменский издательский дом», 2020. 384 с.
3. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект): Более 9000 слов / В. Н. Соловар; под. ред. А. А. Бурькина. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. 689 с.
4. Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Akademie Verlag. Vol. I–XV. Berlin, 1966–1991. 2023 p.
5. Невероятные истории из жизни казымских ханты/ сост. Е.Д. Каксина. Выпуск 1. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. – 60 с.
6. Сказки, песни хантов полноватского Приобья/ Составители: Пятникова Т. Р., Слепенкова Р. К. – Ханты-Мансийск : Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 344 с.
7. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. 752 с.
8. Круглякова В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Российский гос. гуман. ун-т, 2010. 348 с.
9. Концепт БОЛЬ в типологическом освещении / Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. 424 с.
10. Жорник Д.О., Егорова А.Д. Глаголы падения // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. / Ред. С.Ю. Толдова (отв.ред.), М.А. Холодилова (отв.ред.), С.Г. Татевосов, Е.В. Кашкин, А.А. Козлов, Л.С. Козлов, А.В. Кухто, М.Ю. Привизенцева, И.А. Стенин. Монография. М.: Издательство «Буки Веди», 2018. С. 863–888. 1014 с.
11. Резникова Т. И., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, 1; параметры и типы систем //Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.1. P. 9–63.
12. Кашкин Е.В. Глаголы перемещения веществ в некоторых финно-угорских языках //Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.1. P. 462-493.
13. Кашкин Е.В., Мордашова Д.Д. Полисемия и грамматикализация глаголов бросания: данные горномарийского языка //Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.1. P. 494–520.
14. Кашкин Е.В., Никифорова С.О. Глаголы звука // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении/ Ред. С.Ю. Толдова (отв.ред.), М.А. Холодилова (отв.ред.), С.Г. Татевосов, Е.В. Кашкин, А.А. Козлов, Л.С. Козлов, А.В. Кухто, М.Ю. Привизенцева, И.А. Стенин. Монография. М.: Издательство «Буки Веди», 2018. С. 836–862. (1014 с.)
15. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с предлогами йаха / ньула / акван // Вестник угроведения = Вестник угроведения. 2022; 12 (1): 104-112.
16. Соловар В. Н. Картина мира хантыйского языка: семантические особенности хантыйских глаголов с превербами -ил и -ким/кэм (на фоне мансийского языка)/ Хантыйский мир через призму разноструктурных языков / Отв. редактор А. А. Шиянова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. с. 149-187.

УДК 811.511:143

Шиянова А.А. Адъективная лексика хантыйского языка, характеризующая оленя (семантический и аксиологический аспект)

Шиянова Анастасия Антоновна

к. филол. н., ведущий научный сотрудник
Бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
SyaziA@mail.ru

**Adjectival vocabulary of the Khanty language characterizing deer
(semantic and axiological aspect)**

Shiyanova A.A.

Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher Ob-Ugric Institute of Applied Researches
and Development, Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье рассматривается адъективная лексика хантыйского языка, характеризующая оленя в аксиологическом и семантическом аспектах. Материалом исследования послужила составленная нами картотека, которая состоит из прилагательных, характеризующих оленя на трёх западных диалектах хантыйского языка. Работа выполнена с использованием описательного, сравнительного, статистического методов исследования. Определена лексико-семантическая структура, выявлено количество единиц, входящих в данную группу прилагательных. В ходе работы нами проанализировано более 100 лексических единиц, характеризующих оленя в хантыйском языке. Данный пласт лексики мы разделили на лексико-тематические группы, выявили картину мира, формируемую данной лексикой.

Ключевые слова: хантыйский язык, прилагательные, аксиология, семантика, лексико-семантическая группа.

Abstract. The article examines the adjectival vocabulary of the Khanty language, which characterizes the deer in axiological and semantic aspects. The material of the study was a card file compiled by us, which consists of adjectives characterizing deer in three Western dialects of the Khanty language. The work was carried out using descriptive, comparative, statistical research methods. The lexical and semantic structure is determined, the number of units included in this group of adjectives is revealed. In the course of our work, we analyzed 100 lexical units characterizing deer in the Khanty language. We divided this layer of vocabulary into lexico-thematic groups, revealed the picture of the world formed by this vocabulary.

Keywords: Khanty language, adjectives, axiology, semantics, lexico-semantic group.

В центре внимания современных лингвистов находятся вопросы аксиологической семантики, с помощью которых в языке выявляются оценочные знаки, что передаёт языковую картину мира того или иного народа.

Аксиологические (ценностные) понятия отражают представления отдельного человека или общества о том, что такое хорошо или плохо, достойно или недостойно, справедливо или несправедливо, прилично или неприлично и т. д. [1, 240].

В рамках данного исследования мы ставим перед собой цель выявить наиболее полный список адъективной лексики хантыйского языка, характеризующей оленя, рассмотрим аксиологической и семантический аспекты.

Различным аспектам оленеводческой лексики посвящены работы следующих исследователей: Е. М. Куулар, Н. Д. Сувандии [2] рассмотрели половозрастные названия в диалектах тувинского языка; А. А. Алексеев [3] в своей статье рассматривал проблемы доместикации северного оленя в Якутии, обычаи и обряды, связанные с оленем; М. А. Полуэктова [4; 5] подготовила серию статей, которые посвящены описанию лексико-семантических групп «Анатомические названия частей тела оленя» и «названия детенышей оленей» в языке русскоговорящих эвенов Камчатского края; А. А. Сорокин [6] провел анализ лексико-семантической группы «названия оленей» в языке олюторских коряков; М. Д. Люблинская [7] рассмотрела названия масти домашнего оленя у народов Севера; Т. А. Андреева и др. [8] рассматривали половозрастные характеристики оленя в эвенском и эвенкийском языках; Р. П. Кузьмина [9] описала образные признаки концепта «Олень» в языковой картине мира эвенов; А. А. Петров [10] рассматривал оленеводческую лексику эвенского и долганского языков; Р. П. Кузьмина и Ф. Ш. Бекмурзаева [11] посвятили статью образным признакам этноспецифического концепта «олень» в русской и эвенской языковых картинах мира и др.

На материале сынского говора шурышкарского диалекта хантыйского языка С. В. Онина [12] исследовала оленеводческую лексику, провела классификацию лексико-семантических групп, изучила структуру словарного состава, связанного с оленеводством, и определила границы сложного слова в хантыйском языке; З. И. Рандымова [13] посвятила книгу оленеводству самой северной группы хантов, кочующих по тундрам Полярного Урала.

Материалом нашего исследования являются имена прилагательные, характеризующие оленя в казымском, шурышкарском и приуральском диалектах хантыйского языка. Картотека насчитывает более 500 карточек, куда вошли примеры, собранные методом сплошной выборки из двуязычных словарей [14; 15; 16] и записанные у информантов.

Исходя из общей цели и задач работы и особенностей изучаемого объекта, в исследовании использовались методы наблюдения, лингвистического описания, сравнительный и статистический методы.

Олень для северных народов является неотъемлемой частью хозяйственной деятельности и существования человека, данный факт не мог не отразиться в языковой картине мира.

Рассмотрим адъективную лексику, которая характеризует оленя на материале трёх западных диалектов хантыйского языка – казымском (каз.), шурышкарском (шур.) и приуральском (приур.).

Прилагательные характеризующие оленя по масти, по окрасу: каз., шур., приур. *вўрты* ‘рыжий’ (букв.: красный); каз. *киварэң*, шур., приур. *кийарэң* ‘серый, серебристый’ (букв.: инеем покрытый); каз. *нуви*, шур. *нўви*, приур. *нави* ‘белый, светло-серый’; каз., шур. *питы*, приур. *путы* ‘чёрный’; каз., шур. *хәншаң*, приур. *хәнсаң* ‘пёстрый’, в шурышкарском и приуральском диалектах слово *хәншаң/хансаң* передаёт также масть оленя с темными пятнышками, но в приуральском диалекте в отличии от казымского и шурышкарского для обозначения данной масти зафиксирована также лексема *рәкәң* ‘пёстрый, белый с темными пятнышками’ от слова *рәк* ‘крошка’, *лопсәң кәлаң* ‘чёрный с белыми большими пятнами’, а в казымском диалекте *рөтәң йеңк* ‘белый олень с темными пятнышками’; каз. *самарәт*, шур. *самарут*, приур. *самарутка* ‘олень с белыми пятнами на боках, белый олень с белыми кольцами на пояснице’; шур., приур. *хәттәр* ‘светло-пегий’; для обозначения масти ослепительно белого, самого белого, очень белого жизнеспособного оленя используют следующие лексемы каз. *йеңк* ‘лед’ *йәңк вулы* ‘ослепительно белый олень’, шур. *һарава*, приур. *һаравой* от слова *һар* ‘без шерсти’; в шурышкарском и приуральском диалектах белоснежного телёнка с короткой челюстью (не жизнеспособного) обозначают лексемой *ворча*, *ащем тащ элты ворча сыйув тўс* ‘Отец из стада телёнка альбиноса принёс’.

Для характеристики оттенков масти оленя используют лексемы *питы/путы* ‘тёмный’, *нуви/нўви/нави* ‘светлый’, например: каз. *нуви-ханшаң вулы* ‘светло-пёстрый олень’, шур. *питы-вурты вулы* ‘темно-рыжий олень’, приур. *путы-хансаң кәлаң* ‘темно-пёстрый олень’ и др.

Прилагательные, характеризующие оленя по внешним признакам: для обозначения размера оленя используются прилагательные каз. *вөн*, шур. *ун*, приур. *вўл* ‘большой, крупный, высокий’, данному слову по отношению к оленю выступает в качестве антонима шур., приур. *ләл* ‘низкий’.

По наличию рогов каз., шур., приур. *оңтәң* ‘с рогами’; с обрезанными выше передних ответвлений рогами – шур., приур. *морәх*, олень без рогов каз. *мулха*, шур. *молхы/мӧлха*, приур. *моләхы*; каз. *пур оңәт* ‘рога прямые’ (букв.: сверло рога), приур. *йуц оңәт* ‘прямые рога’ (букв.: острые рога). В приуральском диалекте нами зафиксирована лексема *щунты* ‘безрогий’, данная лексема характеризует оленя, у которого никогда не росли рога, и не будут расти. Олень в период сбрасывания кожи с рогов в шур., приур. *щәльйәм* (букв.: очищенный) от прилагательного *щәл* ‘жидкий, чистый’; шур. *нәрам оңәт* (букв.: натёртые рога).

Характеристика по физическому состоянию оленя: каз., шур. *кәрийәм*, приур. *курийәм* ‘истощённый’, в казымском диалекте также зафиксирована лексема *хоңщәм* ‘истощённый’; каз., шур., приур. *мукарәң* ‘горбатый’, олень с толстой шеей каз. *сапләң* (букв.: с шеей), шур. *кӱл сапләп*, приур. *кӱл сапләң* (букв.: имеющий толстую шею); кастрированный бык шур. *мӧлха*, приур. *хоптыйәм кӱләң*; шур. *йрлы*, приур. *щомлы* ‘немошный, бессильный’; приур. *һар сәм* ‘олень, со светлой радужной оболочкой на глазах’

Прилагательные, характеризующие оленя по поведению, характерная черта животного, которое имеет огромное значение в суровых условиях севера, позволяя оленям избегать негативных факторов окружающей среды: каз. *һивәцта*, шур. *һицта*, приур. *һурутли* ‘олень, которого ещё не запрягали и не приручали’; каз. *хитсүхәп*, шур., приур. *хуры* ‘боязливый (об олене)’; приур. *пӱлты кӱләң* ‘пугливый олень’; шур. *һикәң* ‘злой’, приур. *йуцтантыты кӱләң* ‘бодливый олень’; шур., приур. *майа кӱләң* ‘олень, который зимой лижет мочу’. Также в наших материалах зафиксировано несколько характеристик оленя в приуральском диалекте *һовләм* ‘спокойный’, *сустув һалув* ‘годовалый олень, который все лижет вокруг, при нехватке полезных веществ’.

Характеристика по приспособленности к «труду»: каз. *йанәв*, приур. *йанув* ‘ленивый’; каз. *ләһ*, шур., приур. *ләһ* ‘ленивый’; в шурышкарском диалекте данная лексема *мӧрүв* имеет значение ‘упрямый’, в приуральском *мӧруй кӱләң* ‘упрямый олень’, также в приуральском диалекте зафиксировано *мороккув кӱләң* ‘упрямый олень’; каз. шур., приур. *ром* ‘смирный, спокойный, приучённый’; шур. *итәң* ‘быстрый, скорый, резвый’; шур. *ипаң*, приур. *нумпи кӱләң* ‘неукротимый, неуправляемый’; каз. *оһи* ‘меланхолический, медленный (об олене)’, данное состояние в шурышкарском и приуральском передаётся общей лексемой *ром* (букв.: спокойный).

Олень, которого не смогли приручить для езды в упряжке шур. *һылтәм вулы* (букв.: помешанный олень), приур. *морыйәм кӱләң* (букв.: сломанный олень).

Необузданный олень шур. *нуротлы*, приур. *нирутли*, в приуральском также *ант щантыйэм кялаң* 'необузданный' (букв.: не одевали намордник).

Олень, который ходит только по наезженной дороге, в казымском диалекте *ропхәң*, а в приуральском выражается сравнением *Шовар хорпи кялаң* (букв.: как заяц олень); приур. *нохты кялаң* 'беспокойный олень'.

Характеристика оленя по местонахождению в упряжке или же в стаде: каз. *күтләп*, шур., приур. *күтәп* 'средний олень в упряжке'; каз. *сыры*, шур., приур. *оләң* 'передовой' (букв.: первый); шур. *оләң пуңәл*, приур. *оләң хоцәң* 'олень в упряжке правее передового'; шур. *пеләк пуңәл*, приур. *пеләк хоцәң* 'олень в упряжке рядом с крайним'; каз. *пеләк*, шур., приур. *пеләк* 'олень, крайний в упряжке'. Олень, который постоянно отбивается от основного стада каз. *кални вўлы*, приур. *йовра мәнты калаң* (букв.: криво идущий олень), *урна мәнты кялаң* (в лес идущий олень).

Прилагательные, дающие общую характеристику оленя: телёнок оленя, росший без матери каз. *Йивлы-әслы енмәм хәләм ай пеши* 'Без отца без матери росшие три маленьких телёнка', шур., приур. *йэвәкку пеши/сыйуу*; шур., приур. *хөрамәң* 'красивый'.

Характеристика по принадлежности: каз. *йукан*, шур. *шайши*, приур. *йира* 'собственный личный'; шур. *шўк ўләт* 'олени, которых содержать по сезонам', приур. *сәк кялаңәт* 'олени, разного возраста и пола (стадо оленей без быков, которых запрягают)'; приур. *хот кялаңәт* 'олени, которых пасут возле деревни, не мигрирующие олени'; каз., шур., приур. *йәм* 'хороший'.

Таким образом, мы рассмотрели адъективную лексику хантыйского языка, характеризующую оленя в аксиологическом и семантическом аспектах. Нами выявлен наиболее полный список прилагательных, характеризующих оленя в хантыйском языке, в научный оборот введены новые материалы по исследуемой теме, выявлены диалектные особенности. Вышеизложенный материал позволяет нам сделать вывод о том, что наибольшую значимость для картины мира имеет эстетическая сторона, так как наибольшее количество языковых единиц зафиксировано в семантической группе масть оленя, и в хантыйском языке имеется прилагательное практический, на все возможные оттенки окраса оленя. Немаловажным также является характер и поведение животного, что также ярко отражено в языковом материале.

Список литературы

1. Авазбакиева Ф. Р. Семантический и аксиологический аспекты прилагательных положительно характеризующих человека по уровню воспитанности // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2 (33). – С. 240–243.
2. Куулар Е. М., Сувандии Н. Д. Половозрастные названия оленей в диалектах тувинского языка // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 4. – С. 146–151.
3. Алексеев А. А. Обычаи и обряды, связанные с оленем, и некоторые проблемы доместики северного оленя в Якутии // Наука и образование: научный и общественно-политический журнал. – 2014. – 3 (35) – С. 13–19.
4. Полуэктова М. А. Лексико-семантическая группа «анатомические названия частей тела оленя» в языке русскоговорящих эвенков Камчатского края // Казанская наука. – 2015. – № 12. – С. 138–144.
5. Полуэктова М. А. Системная организация лексико-семантической группы «названия детёнышей оленей» в тематической группе «оленоводство» в языке русскоговорящих эвенков Камчатского края // Казанская наука. – 2015. – № 12. – С. 145–147.
6. Сорокин А. А. Лексико-семантическая группа «названия оленей» в языке олюторских коряков // Казанская наука. – 2015. – № 12. – С. 156–161.
7. Люблинская М. Д. Названия масти домашнего оленя у народов Севера // Оленья тропа: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Традиционные и инновационные формы сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера» – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – С. 71–73.
8. Андреева Т. Е., Садовникова И. И., Стручков К. Н. Половозрастные характеристики оленя в эвенском и эвенкийском языках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 12. – С. 132–135.
9. Кузьмина Р. П. Образные признаки концепта "олень" в языковой картине мира эвенков // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 128–137.
10. Петров А. А. Оленеводческая лексика эвенского и долганского языков: опыт сравнительного анализа // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2020. – № 3 (32) – С. 99–109.
11. Кузьмина Р. П., Бекмурзаева Ф. Ш. Этнолингвокультурный концепт "олень": образные признаки в русской и эвенской языковых картинах мира // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 9-3(111). – С. 153–157.
12. Онина С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. – 154 с.
13. Рандымова З. И. Оленеводческая культура приуральских хантов. – Томск: Том. ун-т, 2004. – 136 с.
14. Рандымова З. И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект) – Салехард: Издательство «Красный Север», 2011. – 96 с.
15. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова. – Екатеринбург: Баско, 2011. – 208 с.
16. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект) – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. – 689 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.2

Иванченко Т.А. Национальная специфика устойчивых сравнений немецкого языка с компонентом-зоонимом

Иванченко Татьяна Анатольевна

канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
РФ, г. Санкт-Петербург
tivan777@mail.ru

National specifics of culturally-marked fixed similes of the German with animal names

Ivanchenko Tatiana Anatolevna

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Russia, Saint Petersburg

Аннотация. Статья посвящена исследованию национально-специфичных устойчивых сравнений немецкого языка с компонентом-зоонимом. Цель исследования заключается в выявлении способов выражения национальных особенностей данных устойчивых сравнений и истоков возникновения их лингвокультурной специфики. Автор приходит к выводу о связи национальной специфичности устойчивых сравнений с выбором особых нетипичных образов-эталонов и оснований для сравнения, основанном на использовании национально-культурных ассоциаций и стереотипов при интерпретации образов животных, а также о важной роли национально-культурных феноменов в создании и интерпретации устойчивых сравнений данного типа.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, фразеологизм, лингвокультурология, языковая картина мира, культурно-маркированный

Abstract. The article is devoted to the study of culturally-marked fixed similes of the German which include animal names. The purpose of this study is to identify ways to express the national characteristics of the culturally-marked fixed similes and the origins of their linguistic and cultural specificity. The following conclusions are drawn: the national specificity of culturally-marked fixed similes is connected with the choice of special atypical images-standards and grounds for comparison, which are based on the cultural associations and stereotypes of animals. An important role in the creation and interpretation of culturally-marked fixed similes is played by phenomena of national culture.

Key words: fixed simile, idiom, cultural linguistics, linguistic worldview, culturally-marked

Устойчивые сравнения (компаративные фразеологизмы) как и другие фразеологизмы относятся к так называемым лингвокультурным языковым единицам, поскольку являются средствами передачи языковой картины мира, фиксируют национально-культурные представления, стереотипы носителей языка об

окружающей действительности. Адекватная интерпретация всего объёма семантического содержания подобных языковых единиц важна как при изучении иностранных языков, межкультурной коммуникации, так и в переводческой деятельности.

Описанию национальной специфики фразеологизмов (в том числе компаративных и включающих зоонимы) посвящён ряд исследований последних лет, в частности, таким аспектам, как выявление универсальных и национально-специфичных компонентов, культурологических особенностей компаративных конструкций в разных индоевропейских языках [1], лингвокультурологическое описание русских устойчивых сравнений в сопоставлении с китайским языком [2, 3, 4, 5, 6], изучение своеобразия и лингвопрагматического потенциала фразеологизмов с национально-специфичным компонентом в австрийском варианте немецкого литературного языка [7], перевод немецких фразеологизмов с зооморфизмами на русский язык [8], исследование анималистических образов во фразеологизмах немецкого и русского языков [9], изучение особенностей устойчивых сравнений немецкого языка с названиями птиц, описывающих внешность и характер человека [10].

Изучение компаративных фразеологизмов способствует, таким образом, пониманию национального характера, стереотипов и особенностей менталитета носителей языка и соответствует лингвокультурной направленности изучения языка столь актуальной в настоящее время.

Устойчивое сравнение или компаративный фразеологизм – «относительно устойчивое, экспрессивное словосочетание с компаративной семантикой, обладающее при компонентной раздельнооформленности целостным или частично переосмысленным значением» [11, с. 4]. Фразеологизмы данного типа являются трёхкомпонентными языковыми образованиями и состоят из субъекта сравнения (то, что сравнивается), объекта сравнения или эталонного образа для сравнения (то, с чем сравнивается), а также основания или признака, по которому субъект сравнения сравнивается с объектом [12, с. 169]. Устойчивые сравнения обладают присущими фразеологизмам свойствами раздельнооформленности и семантической целостности, воспроизводимости и устойчивости. В компаративных фразеологизмах связь между объектом и основанием для сравнения носит устойчивый, закреплённый в данном языке и зачастую особый опосредованный национальной культурой характер, передавая образное сравнение. Соединения образов-эталонов с теми или иными основаниями для сравнений – словами, выражающими общий признак

сравниваемых объектов – образуют, по мнению В.Н. Телии, «ценный лингвокультурологический комплекс» [13, с. 241 – 242]. В особенности это касается фразеологизмов, которые содержат в себе национально-специфичные образы, закрепленные в сознании носителей языка в виде эталонов, и передают национальные представления об окружающем мире [14, с. 102].

В данной статье описываются результаты анализа национально-специфичных или культурно-маркированных устойчивых сравнений немецкого языка, в которых в качестве объектов сравнения или образов-эталонов выступают зоонимы – имена нарицательные, обозначающие животных. В качестве источников материала исследования выступили словарь устойчивых выражений немецкого языка Redensarten-Index [19], толковый электронный словарь немецкого языка издательства Дуден [18], электронный словарь и корпус немецкого языка [17], а также «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [15] и данные Национального корпуса русского языка [16].

В ходе исследования из более 180 компаративных фразеологизмов к зоонимами были отобраны устойчивые сравнения, обладающие национально-культурной спецификой. Поскольку сравнительно-сопоставительный анализ проводился только между фразеологизмами немецкого и русского языка, национальная специфичность выделенных фразеологизмов носит относительный характер, проявляется только в сравнении с фразеологической системой русского языка и актуальна при интерпретации подобных фразеологизмов носителями русского языка, а также переводе данных фразеологизмов с немецкого языка на русский.

Анализ изученных нами компаративных фразеологизмов показал, что их национально-культурная специфика может проявляться в семантическом содержании разных структурных компонентов устойчивого сравнения, а именно:

- в использовании нетипичных (в частности для устойчивых сравнений русского языка) образов-эталонов (объектов сравнения);
- в специфике выражения основания, признака для сравнения;
- в установлении нетипичной связи между основанием, признаком для сравнения и образом-эталонном (объектом сравнения);
- в частоте употребления образа-эталона сравнения.

К особым для немецкой лингвокультуры образам-эталонам, нетипичным для фразеологизмов с зоонимами русского языка, относятся: *Wiedehopf* (удод), *Luchs* (рысь), *Wiesel* (ласка), *Rohrspatz* (камышовая овсянка, камышовка), *Flunder*

(камбала речная), *Stint* (корюшка), *Molch* (саламандра), *Spitz* (шпиц), *Mops* (мопс), *Lemminge* (лемминги), *Made* (личинка, червь), которые используются в следующих устойчивых сравнениях: *stinken wie ein Wiedehopf* (вонять как угод (здесь и далее дословный перевод автора статьи – Т. И.)), *aufpassen wie ein Luchs* (быть внимательным, быть настороже / начеку как рысь), *Augen / Ohren haben wie ein Luchs* (глаза / уши как у рыси в знач. очень хорошо видеть / слышать), *flink / laufen wie ein Wiesel* (проворный, быстрый / бегать как ласка), *schimpfen wie ein Rohrspatz* (ругаться как камышовка), *platt wie eine Flunder* (плоская, плоскогрудая / о женщине, девушке/, а также в перен. знач. – глупый, поверхностный, незамысловатый / обессиливший, измождённый / обанкротившийся как речная камбала), *sich wie ein Stint freuen* (радоваться как корюшка), *falsch wie ein Molch* (коварный как саламандра), *neugierig wie ein Spitz* (любопытный как шпиц), *sich ärgern / sich langweilen wie ein Mops* (сердиться / скучать как мопс), *wie die Lemminge handeln* (поступать, действовать как лемминги), *wie die Made im Speck leben* (жить как личинка в сале, ср. с русс. фразеологическим аналогом «кататься как сыр в масле»).

Во многих случаях национально-культурная специфика объекта для сравнения формируется за счёт передачи его определённых специфических характеристик, признаков, которые выражаются либо посредством определяющего компонента типичных для немецкого языка композитов подчинительного типа: *Schießhund* (охотничья собака), *Schlosshund* (собака в замке), *Fleischerhund / Metzgershund / Schlachterhund* (собака мясника), *Breitmaulfrosch* (досл. лягушка с широким ртом / народное название рогатой лягушки, рогатки, имеющей очень большой рот; калька с англ. wide-mouthed frogs/), *Scheißhausfliege* (туалетная муха /груб./), *Kutschpferd* (упряжная лошадь), либо посредством зависимых слов: *Schmidts / Schmitts / Schmitz Katze* (происходит от словосочетания *die Katze des Schmieds*, т.е. кошка кузнеца), *ein begossener Pudel* (облитый (водой), мокрый пудель), *ein bunter Hund* (разноцветная собака), *ein geprellter Frosch* (раздавленная лягушка), *eine gebadete Maus* (искупавшаяся (в воде), т.е. мокрая мышь), *ein Storch im Salat* (аист в салате), *der Mops im Paletot / Haferstroh* (мопс в пальто / соломе), *ein Mops im Tischkasten* (мопс в ящике стола).

Часть устойчивых сравнений с указанными выше специфичными образами-эталоном хотя и содержат отсылки к реалиям немецкоязычных стран, но обладает вполне прозрачной внутренней формой, поскольку понятен выбор образа для сравнения, сформированного на основе исходного свободного словосочетания и мотивирующего значение компаративного фразеологизма. Они опираются на

сходство субъекта и объекта сравнения относительно тех или иных внешних или внутренних признаков: *heulen wie ein Schlosshund* (выть как собака в замке), *aufpassen wie ein Schießhund* (быть настороже как охотничья собака), *ein Gemüt wie ein Fleischerhund / Metzgershund / Metzgerhund / Schlachterhund haben* (обладать нравом собаки мясника в знач. «обладать спокойным, невозмутимым характером, выдержкой»), *grinsen wie ein Breitmaulfrosch* (ухмыляться как лягушка с широким ртом), *daliegen wie ein geprellter Frosch* (лежать как раздавленная лягушка в знач. «обессилеть, быть в изнеможении»), *abgehen / rennen wie Schmidts/Schmitts/ Schmitz Katze* (убегать как кошка кузнеца в знач. «убегать быстро, стремительно» (как кошка, которая испугалась громких звуков в кузнице)), *dastehen wie ein begossener Pudel* (стоять как мокрый пудель в знач. в знач. «смущённый, пристыженный, сконфуженный, запуганный, чувствующий себя неловко»), *bekannt wie ein bunter Hund* (известный как разноцветная, пёстрая собака), *lästig wie eine Scheißhausfliege sein* (быть назойливым как туалетная муха), *stolz wie ein Kutschpferd* (гордый как лошадь в упряжи), *wie eine gebadete Maus aussehen* (выглядеть как мокрая мышь в знач. «иметь жалкий вид»).

Однако правильная интерпретация отдельных устойчивых сравнений данной группы требует наличия культурных фоновых знаний. Обращение к лингвокультурному контексту помогает понять, что, к примеру, в устойчивых сравнениях *sich wie ein Stint freuen* (досл. радоваться как корюшка), *verliebt / patzig sein wie ein Stint* (досл. влюблённый / дерзкий, наглый как корюшка), *sich ärgern wie ein Stint* (злиться как корюшка) лексема *Stint* как образ-эталон для сравнения употребляется в переносном значении, характерном для языкового варианта немецкого языка в северной части Германии, обозначая молодого человека, весёлого, беззаботного, отчасти беспечного и озорного, что и обеспечивает понятную мотивировку совокупного значения компаративных фразеологизмов с этим объектом сравнения. Истоки же этого фразеологизма восходят к одному из произведений (так называемых «сельских стихов») германского поэта Фридриха Вильгельма Августа Шмидта, которое было написано ещё в 1797 году и которое, по-видимому, и послужило мотивом для появления нетипичного значения лексемы *Stint* и появления устойчивого сравнения:

O sieh! wie alles weit und breit
 Von lindem Schmeichelwind
 Mit Wonneblüten überstreut,
 An warmer Sonne minnt!
 Vom Storche bis zum Spatz sich freut,
 Vom Karpfen bis zum Stint!

[10]

Внутренняя форма компаративного фразеологизма *wie ein Storch im Salat staksen, laufen* (досл. ходить, передвигаться как на ходулях, бегать как аист в салате в знач. «ходить неуклюже, неловко, пошатываясь, как на ходулях»), которое зафиксировал германист Карл Вайнхольд ещё в 1855 году, с одной стороны, вполне прозрачна благодаря возникающему в сознании образу неуклюжей походки аиста, с другой стороны, совсем не понятно использование слова *Salat*. Мотивировка фразеологизма несколько проясняется, если принять во внимание переносное значение слова *Salat*, которое согласно словарю немецкого языка издательства Duden может обозначать беспорядок, неразбериху, суматоху, хаос [9].

Объектом сравнения в компаративном фразеологизме *dastehen wie ein begossener Pudel* (в знач. «смущённый, пристыженный, сконфуженный, запуганный, чувствующий себя неловко» ср. с русс. фразеологическим аналогом «как в воду опущенный») является образ облитого (водой), мокрого пуделя. Обозначение данной породы собак обладает немецкоязычной спецификой, поскольку восходит к нижненемецкому слову *Pudel* в значении «лужа, болото, трясина». Нижненемецкий глагол *sich pudeln* имеет соответствующее значение «плавать в воде туда-сюда». Пуделям как собакам охотничьей породы зачастую приходилось оказываться в воде, плавая за добычей. Жалкий вид мокрого и дрожащего пуделя послужил ярким образом для появления данного устойчивого сравнения [10].

Образ другой породы собак – мопса – довольно продуктивен и используется в нескольких устойчивых сравнениях: *dick wie ein Mops* (толстый как мопс), *sich langweilen / sich amüsieren wie ein Mops (im Tischkasten / auf der Thürklinke)* (скучать как мопс (в ящике стола / на ручке двери) в знач. очень скучать, ср. русс. фразеологический аналог «умирать со скуки»), *leben / ein Leben führen wie der Mops im Paletot / Haferstroh* (досл. жить как мопс в пальто / соломе в знач. «быть бодрым и очень довольным, в приподнятом настроении», ср. русс. фразеологический аналог «чувствовать себя чертовски хорошо»). Внутренняя форма устойчивых сравнений с данным образом-эталонном, с одной стороны, понятна, с другой стороны, значение

зависимых слов, дополняющих образ мопса в отдельных компаративных фразеологизмах, требует обращения к лингвокультурному контексту, в том числе знания характерных для немецкоязычного общества культурных феноменов, и может быть не ясна даже некоторым носителям современного немецкого языка.

Мопс, будучи с давних времён популярной в Западной Европе породой, известен живым, весёлым нравом не смотря на кажущееся мрачное выражение мордочки. Несколько устаревшие в современном немецком языке устойчивые сравнения *sich amüsieren wie der Mops im Tischkasten / auf der Türklinke* известны уже давно и вопреки значению глагола, который выступает основанием для сравнения, обозначают состояние смертельной скуки, опираясь на образ мрачной, скучающей мордочки мопса. Тем не менее, значение зависимых слов *im Tischkasten* и *auf der Türklinke* не вполне понятно. Возможно, имелись в виду фарфоровые фигурки мопса, которые пылились в ящиках стола или в качестве брелока для ключей, будучи забытыми на ручке двери. История происхождения фразеологизмов *leben / ein Leben führen wie der Mops im Paletot / Haferstroh* известна, поскольку они восходят к популярным с 1870 г. стишкам, которые молодые девушки любили записывать в так называемые поэтические альбомы: „*Lebe glücklich, lebe froh, wie der Mops im Paletot*“, „*Lebe glücklich, lebe froh, wie der Mops im Haferstroh*“. Зависимые слова *im Paletot, im Haferstroh* не передают какого-либо существенного смысла, поскольку они были нужны для создания рифмы и забавного контекста.

Национально-культурная специфика устойчивых сравнений может также заключаться в употреблении особенного основания / признака для сравнения. При этом типичные образы-эталоны для сравнения соединяются с нетипичными для других языков основаниями, как в следующих компаративных фразеологизмах: *wie die Katze um den heißen Brei schleichen / herumschleichen / laufen / herumlaufen / herumgehen / herumreden* (досл. как кошка ходить / бегать вокруг горячей каши, ср. с русс. фразеологическим аналогом «ходить вокруг да около»); *rangehen wie Hund an die Buletten* (досл. как собака братья за котлеты в знач. «решительно взяться за дело»), *wie ein Affe auf dem Schleifstein sitzen / dasitzen* (сидеть на точильном камне как обезьяна в знач. «сидеть согнувшись, в неудобной позе»); *wie ein Schwein ins Uhrwerk schauen / blicken / gucken / glotzen* (досл. как свинья глядеть на часовой механизм в знач. «смотреть на к.-л. (техническое) устройство, ничего не понимая, не разбираясь в нём»); *sich aufblasen wie ein Frosch / eine Kröte* (досл. раздуваться как лягушка в знач. «зазнаваться, важничать») и др.

Устойчивые сравнения могут приобретать национально-специфичный характер, если в языках не совпадает связь, которая устанавливается между типичными для сопоставляемых языков основаниями и образами-эталоном для сравнения: *frieren wie ein junger Hund* (мёрзнуть как молодой пёс, щенок), *geduldig wie ein Lamm* (терпеливый как ягнёнок), *zittern wie ein Lamm / ein Aal* (дрожать как ягнёнок / угорь), *wie ein Kaninchen die Schlange anstarren* (как кролик смотреть на змею, ср. русс. «как удав на кролика»), *eitel wie ein Affe* (заносчивый как обезьяна), *stinken wie ein nasser Fuchs* (вонять как мокрая лиса), *nachtragend wie ein Elefant* (злопамятный как слон), *gesund wie ein Reh* (здоровый, здоровая как косуля), *scheu wie ein Eichhörnchen* (робкий как белка), *neugierig wie eine Dohle / eine Elster / ein Spitz / eine Ziege* (любопытный как галка / сорока / шпиц / коза), *schlau / dreist wie ein Dachs* (хитрый / дерзкий как барсук), *saufen wie ein Igel* (пить как ёж в знач. «пить много жидкости») и др.

Национальная специфика связана не только с понятием лакунарности, т.е. отсутствия определенных языковых элементов, связей между ними в системе одного языка и их наличия в системе другого языка. Национально-культурные особенности проявляются и в так называемой номинативной плотности языковых единиц, под которой применительно к теме настоящего исследования понимается общее количество устойчивых сравнений с тем или иным эталоном (компонентом-зоонимом) в сопоставляемых языках, что «указывает на особую значимость их в языковой картине мира носителей разных лингвокультур» [2, с. 8]. Так, для системы устойчивых сравнений немецкого языка достаточно частотны оказались следующие зоонимы, выступающие в качестве образов-эталонных для сравнений: *Sau* (свинья (самка)), *Hund* (собака), *Ochse / Ochs* (бык / вол), *Schwein* (свинья), *Esel* (осёл), *Katze* (кошка), *Fisch* (рыба), *Elster* (сорока), *Affe* (обезьяна), *Bär* (медведь). В тематическом отношении наиболее многочисленной оказалась группа компаративных фразеологизмов, обозначающая черты характера, моральные и деловые качества, что не удивительно, поскольку людям уже давно было свойственно приписывать живым существам те или иные человеческие качества, что лишний раз подтверждает антропоцентрический характер видения мира и языковой картины мира. При этом наиболее частотны в количественном отношении и разнообразны в смысловом оказались такие тематические группы компаративных фразеологизмов, как «Черты характера, моральные и деловые качества», «Физические действия», «Внешний облик», «Физиологические состояния», «Эмоциональные состояния, чувства, настроения», «Движение, перемещение», «Физические качества, умения и

способности», т.е. в тех сферах, где возможно провести прямую аналогию между действиями, состояниями и качествами животных и человека.

Таким образом, национальная специфика устойчивых сравнений немецкого языка с компонентом-зоонимом связана, прежде всего, с особенностями подбора тех или иных образов-эталонов (объектов сравнения) для наглядного описания тех или иных признаков, свойств, качеств, действий и процессов, служащих основаниями для сравнения. Истоки появления лингвокультурной специфики компаративных фразеологизмов кроются в особенностях национально-культурных ассоциаций и стереотипов, обеспечивающих соединение обозначений определённых животных с теми или иными основаниями для сравнения, а также могут содержать в некоторых случаях отсылки к национальным культурным феноменам.

Список литературы

1. Бхатти Н.В., Ковш Е.В., Харитонов Е.Ю. Культурологические особенности фразеологических компаративов в индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23, № 3 (87). – С. 760-772.
2. Чжоу Я. Лингвокультурологическое описание русских устойчивых сравнений с компонентом-зоонимом (на фоне китайского языка): автореф. дисс. ... к.ф.н. – Санкт-Петербург, 2022. – 24 с.
3. Чжоу Я. Русские устойчивые сравнения с компонентом-зоонимом, характеризующие образ жизни, жизненные условия, обстоятельства (на фоне китайского языка) // Университетский научный журнал. – 2021. – № 62. – С. 246-255.
4. Чжоу Я., Якименко Н.Е., Писарская, Т. Р. Описание внешности человека в русском и китайском языках на материале устойчивых сравнений: лингвокультурологический аспект // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2021. – № 2 (74). – С. 41-46.
5. Чжоу Я. Особенности оснований и эталонов устойчивых сравнений, используемых в русском и в китайском языках // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности: Материалы докладов и сообщений XXIV международной научно-методической конференции. Санкт-Петербург, 08 февраля 2019 г. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2019. – С. 189-192.
6. Ян Вэнхуэй. Русские устойчивые сравнения с зоонимами, описывающие черты характера человека, в русском и китайском языках // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 3-2. – С. 436-451.
7. Сутурина О.С. Фразеологизмы с национально-специфичным компонентом в текстах немецкоязычной прессы Австрии // Студент - Исследователь - Учитель: материалы 22 Межвузовской студенческой научной конференции. Санкт-Петербург, 01 апреля – 31 2020 г. – СПб: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. – С. 1291-1299.

8. Коршунова Н.Г., Солдаткина Р.В. Приемы перевода немецких фразеологизмов на русский язык на примере зооморфизмов // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2021. – № 17. – С. 59-67.
9. Лиджиева Э.А., Чудутова А.М., Боваева Г.М., Буреаева Т.В. Анималистические образы в немецких и русских фразеологизмах // Казанская наука. – 2022. – № 6. – С. 110-113.
10. Сазанова О.В. Использование устойчивых сравнений немецкого языка, содержащих название птиц, как способ описания и характеристики человека // Время науки. – 2019. – № 2. – С. 32-36.
11. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: Издательство ЛГУ, 1978 – 192 с.
12. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1999 – 270 с.
13. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996 – 288 с.
14. Долгова А.О. Лингвокультурологическая значимость компаративной фразеологии // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. Вып. 1. – Гомель: ГГУ, 2011. - С. 100-103.

Список источников

15. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. – М.: ООО «Русские словари», 2001 – 797 с.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 01.03.2023).
17. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения 01.03.2023).
18. Onlinewörterbuch Duden. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения 01.03.2023).
19. Redensarten-Index: Wörterbuch und Portal für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения 01.03.2023).

UDC 82-31

**Родина М. М. Verbalization methods of the main characters
(based on the work of Jack London "Martin Eden")**

Rodina Mariya Mikhailovna

student of Foreign Languages faculty (English language)
Volgograd State Socio-Pedagogical University
maria-rodina2000@mail.ru

**Способы вербализации главных героев в произведении
Джека Лондона "Мартин Иден"**

Родина Мария Михайловна

студентка Института иностранных языков, профиль подготовки "Иностранный (английский) язык" Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Abstract. The article presents the analysis of stylistic devices that contribute to the expression of the verbalization of the main characters based on the text of the novel by Jack London "Martin Eden". The methodological bases of the study are functional and structural analysis, the continuous sampling method and the quantitative method. It is noted that in works of fiction emotivity serves as a way of forming a literary image, describing the feelings and thoughts of the characters, creating a general picture of their inner world, and also allows you to convey the relationship between the characters. The conclusion is summing up the results of numerous stylistic devices that were used by the author to create stylistic expressiveness. The most common are metaphor, metonymy, and simile. Several stylistic devices are often used in one sentence to reveal the main character.

Keywords: verbalization, emotivity, expressiveness, stylistic devices, metaphor, personification, novel.

Аннотация. В статье на материале текста романа Джека Лондона «Мартин Иден» анализируются стилистические приемы, способствующие выражению вербализации главных героев романа. Методологической основой исследования служат функциональный и структурный анализы, метод сплошной выборки и количественный метод. Отмечается, что в художественных произведениях эмотивность служит способом формирования литературного образа, описания чувств и мыслей персонажей, создания общей картины их внутреннего мира, а также позволяет передать взаимоотношения между говорящими. Сделан вывод, что для создания стилистической выразительности писатель использует многочисленные стилистические приемы. Наиболее часто встречаются метафора, метонимия, сравнение. Для большей выразительности и раскрытия образа главного героя нередко используется несколько стилистических приемов в одном предложении.

Ключевые слова: вербализация, эмотивность, экспрессивность, стилистические приемы, метафора, олицетворение, роман.

The issue of verbalization of emotions in linguistics has repeatedly become the subject of scientific analysis, which is due to both the complexity of the mechanism for designating human mental experiences and their very nature. According to G.G. Verbina's definition,

emotion is a mental reflection in the form of a direct biased experience of the relationship of phenomena and situations to needs. Thus, the relevance of the article proposed to the reader is due to the increased interest of scientists in the study of the emotional sphere of a person [1, p.38].

The relevance of a study is determined by the presence in modern linguistics of an increased interest in the emotional sphere of a person, in the study of techniques and means of expressing emotionality in language and speech. In this regard, a more detailed study of linguistic and stylistic means of verbalization of emotions in artistic discourse, which is a reflection of the linguistic and cultural specificity of the emotional conceptual sphere of language, is of particular importance.

The object of the study is the text of Jack London's novel "Martin Eden".

The subject of the study is the means of expression of verbalization, stylistic techniques, linguistic and stylistic features of Jack London's artwork "Martin Eden".

The purpose of this work is to analyze stylistic techniques that contribute to the expression of the verbalization of the main characters of the novel.

The purpose of the study determined the formation of the following research tasks:

1. To study the concept and signs of verbalization;
2. Consider the factors that determine verbalization in the work;
3. To identify ways of verbalization and its transmission through stylistic techniques.

The methodological basis of the research was used in the work, such as functional and structural analysis of the context of the work, the method of continuous sampling, the quantitative method.

The theoretical significance of the work is that it contributes to the development of linguistic theory of emotions, as well as solving the problem of verbalization of emotions in a literary text, in particular, the concept and signs of verbalization are studied; factors determining verbalization in a work of art; methods of verbalization of emotions and their transmission using stylistic techniques are determined.

The practical significance of the work lies in the fact that its results can be used in courses on cognitive linguistics, text linguistics, linguistics, theory and practice of translation.

53 stylistic units selected by the selective method were used as the research material.

The representation of emotions and feelings in language has been the focus of attention of linguists for a long time and is studied within the anthropocentric paradigm by methods of psycholinguistics, cognitive linguistics, linguoculturology, discourse theory, stylistics and other areas of science.

The study of verbalization in works of art is an important and urgent task, since emotions play an important role in the conceptual and linguistic picture of the human world, they form the motivational basis of consciousness and social behavior.

Let's consider the key concepts for the study – the concepts of emotivity, emotion and verbalization in fiction. In works of fiction, emotivity acts as a way of forming a literary image, describing the feelings and thoughts of the characters, creating a general picture of their inner world, and it also conveys the relationship between the speakers well. Artistic communication does not correspond to speech: in verbal communication, gestures and facial expressions are arbitrary, but in works of art they are a specially created stylistic device. According to E. Sepir, who regarded language as an intuitive means, "the formation of an idea for language is more important than the manifestation of will and emotion" [2]. Nowadays, it is impossible to express support for his opinion, since everything in people is susceptible to emotions, including our creative thinking, evaluative behavior, internal introspection, etc.

First of all, we selected and analysed the metaphors in the novel.

Metaphor is the transfer of a name based on the similarity of features in the absence of real connections between traditional and figurative meanings. There are examples of metaphors used in the text of the novel:

(1) «with a wealth of golden hair» (p.8)

(2) «...there was the servant, an unceasing menace, that appeared noiselessly at his shoulder, a dire Sphinx that propounded puzzles and conundrums demanding instantaneous solution» (p. 18).

(3) "He was no gentle lamb ..." (p. 20).

(4) "... lily-pale spirit sitting beside him" (p. 23).

(5) «Her music was a club that she swung brutally upon his head...» (p. 24).

(6) «Her pale face under its crown of golden hair» (p. 39).

(7) «A stream of short stories flowed from his pen...» (p. 95).

(8) «The pages of his mind were blank, and, without effort, much he read and liked, stanza by stanza, was impressed upon those pages...» (p. 57).

(9) "He was clay in her hands immediately, as passionately desirous of being moulded by her as she was desirous of shaping him into the image of her ideal of man" (p. 83).

(10) «But he did not meet that exalted personage, thanks to a Cerberus of an office boy, of tender years and red hair, who guarded the portals» (p. 93).

The use of metaphors by Jack London gives beauty, expressiveness and emotionality to speech, contributes to the creation of colorful images.

Personification is a kind of metaphor. The essence of this technique is that properties and qualities of living objects are attributed to inanimate objects, i.e. there is a transfer by similarity. Examples in the novel:

(11) "... his thoughts, sympathies, and emotions leapt and played like lambent flame" (p. 8).

(12) "... and delicious little thrills crawled up and down his spine..." (p. 13). "... delicious goosebumps crawled up and down my back..." (p. 15).

(13) "Her purity smote him like a blow" (p. 28).

(14) "... his blood turned to wine and sang through his veins" (p. 48).

(15) "The golden year was dying as it had lived, a beautiful and unrepentant voluptuary, and reminiscent rapture and content freighted heavily the air" (p. 171).

The transfer of the properties and qualities of a living being to inanimate objects and abstract concepts contributes to the creation of imagery and expressiveness of the writer's speech. Personifications are used by the author to create vivid images in the text of the novel.

Metonymy can be defined as a stylistic device based on transference by adjacency. The peculiarity of such a transfer is that it is based on real connections between direct and figurative meanings (concepts). A kind of metonymy is the name of a part instead of a whole - synecdoche. Examples of metonymy in the novel:

(16) "The eyes, weasel-like and cruel were looking at him complainingly" (p. 31).

(17) «Those bold black eyes he had nothing to offer. But those saint's eyes alongside – they offered all he knew and more than he could» (p. 53).

(18) "Behind those black eyes he knew every thought process. It was like clockwork» (p. 54).

The stylistic technique of replacing a word with another based on the connection of their adjacent meanings – metonymy is used for the purpose of figurative representation of the facts of reality, creating visually more tangible representations of the phenomenon being described. **Allegory** is an expression of an abstract thought through a concrete image.

The first allegory we encounter in the novel is a painting.

(19) «An oil painting caught and held him. (...) There was beauty, and it drew him irresistibly. He forgot his awkward walk and came closer to the painting, very close. The beauty faded out of the canvas. His face expressed his bewilderment. He stared at what seemed a careless daub of paint, then stepped away. Immediately all the beauty flashed back into the canvas. "A trick picture", was his thought ..." (p. 7). Martin Eden enters Ruth's house, he is amazed by the beauty of this house. He is amazed by the people who live in this house.

Another allegory is Martin Eden's laundry job.

(20) «...he toiled and suffered over the beautiful things that women wear when they do not have to do their own laundry. “Fancy starch” was Martin’s nightmare, and Joe’s, too. It was “fancy starch” that robbed them of their hard-won minutes. They toiled at it all day. At seven in the evening they broke off to run the hotel linen through the mangle. At ten o’clock, while the hotel guests slept, the two laundrymen sweated on at “fancy starch” till midnight, till one, till two. At half-past two they knocked off» (p.147). This job seemed to him the most difficult of all, to him, a seasoned sailor accustomed to difficulties. Because there is nothing more difficult than washing the dirty laundry of high society (especially vivid descriptions are devoted to underwear).

In the text of Jack London's novel "Martin Eden", the structural diversity of simile is widely represented as a stylistic device used by the author in the work to perform certain stylistic functions. Examples of the use of **simile** in the novel:

(21) "... he lurched away like a frightened horse" (p. 5).

(22) "... the amused glance... burned into him like a dagger-thrust" (p. 6).

(23) "Into his eyes leaped a wistfulness and a yearning as promptly as the yearning leaps into the eyes of a starving man at sight of food" (p. 7).

(24) "... his thoughts, sympathies, and emotions leapt and played like lambent flame" (p. 8).

(25) "He likened her to a pale gold flower upon a slender stem" (p. 8)

(26) "...smiling with pity and tenderness as only a spirit could smile, and pure as he had never dreamed purity could be" (p. 28).

(27) "He staggered along like a drunken man ..." (p. 29).

(28) "... glimmered Her pale face under its crown of golden hair, remote and inaccessible as a star" (p. 39).

(29) «His nature opened to music as a flower to the sun...» (p. 69).

(30) "Though he slept soundly, he awoke instantly, like a cat..." (p. 137). Simile is one of the stylistic devices often used by Jack London. In a literary text, simile, like metaphors, are a powerful means of characterizing phenomena and objects of reality. They greatly contribute to the disclosure of the author's worldview.

In the novel, the following **epithets** were used to describe Martin Eden:

(31) “He forgot about himself and stared at her with hungry eyes” (p. 12)

(32) “...his aggressive pride was forgotten...” (p. 20)

(33) “He looked over the newspaper he was reading, showing a pair of dark, insincere, staring eyes” (p. 30) These epithets contribute to the creation of a vivid representation of the hero; they cause a certain emotional attitude towards them.

Anaphora is a stylistic device consisting in the repetition of the initial element (one or more) in successive sentences. Anaphora refers to the means of the so-called poetic syntax. Being one of the richest sources of speech expressiveness, anaphora is widely used in literary texts:

(34) "Not a word had been spoken, and not a word was spoken for a long time" (p. 117).

Parallelism is a stylistic device based on the identical construction of two (or more) sentences or their parts. Depending on the lexical content of the elements of parallel structures, parallelism can express juxtaposition or opposition. In fiction, the main function of parallel constructions is to enhance the communicative and expressive significance of the utterance:

(35) «You wanted to create beauty, but how could you when you knew nothing about the nature of beauty? You wanted to write about life when you knew nothing of the essential characteristics of life. You wanted to write about the world and the scheme of existence when the world was a Chinese puzzle to you...") (p. 113).

Putting an adverb at the beginning of a sentence gives the utterance an emotional coloring:

(36) "At once began to rise the cries that were fiercely sad..." (p. 90). The concept of distance, as a syntactic phenomenon, is based on the potential ability of sentence components to move relative to each other within a sentence without changing their function. An example of breaking the components of a syntactic structure in the reverse order of their sequence:

(37) «Of his own class he saw nothing» (c. 85). "Being middle class, he didn't see anything."

(38) "He saw her hand coming out to his, and she looked him straight in the eyes as she shook hands, frankly, like a man" (p. 10)

(39) "Like her feminine eye took in the clothes he wore, the cheap and unaesthetic cut, the wrin kling of the coat across the shoulders" (p. 11)

(40) "His feet were no longer clay, and his flesh became spirit" (p. 31)

(41) "... while her instincts rang clarion-voiced through her being ..." (p. 12)

(42) «What I read was the real goods. It was all lighted up an'shining, an' it shun right into me an' lighted me up inside, like the sun or a searchlight" (p. 17)

(43) "Her gaze rested for a moment on the muscular neck, heavy corded, almost bull-like, bronzed by the sun" (p. 18) contains a bull-like comparison.

(44) Martin Eden's phrase "Yes, I ain't no invalid" he said (p. 19), which has a direct meaning No, I'm not disabled.

(45) "And to add confusion to confusion, there was the servant, an unceasing menace, that appeared noiselessly at his shoulder, a dire Sphinx that posed puzzles and conundrums demanding instantaneous solution" (p. 22), characterizing the servant, compares him to a sinister sphinx.

(46) "Sound ports we worked like niggers, storing cargo-mixed freight, if you know what that means" (p. 26) The author characterizes the work of Martin Eden and his friend in the laundry.

Jack London tries to characterize all the lawsuits and torments of the heroes.

(47) "I can hit like a mule with my arms and shoulders" (p. 27).

(48) "She wanted to lean towards this burning, blazing man that was like a volcano spouting forth strength, robustness, and health" (p. 29).

When phraseological turns are used for certain artistic purposes without change, they appear in the author's speech as one of the means that make speech more diverse, picturesque, expressive, and in the speech of characters – as one of the means of their linguistic and stylistic characteristics. Let's consider examples of **phraseological units** found in the novel:

(49) «...his speech had been so much Greek to her...» (c. 11).

(50) "He was no gentle lamb and the part of the second fiddle would never do for the high-pitched dominance of his nature" (p. 20).

(51) "Martin Eden came back to earth" (c. 29).

(52) "Oh, he knew it all, and knew them well, from A to Z" (p.52).

(53) «They were putting him more on a par with the young men of her class» (c. 110).

The analysis of examples of linguistic stylistic units used in Jack London's novel "Martin Eden". To create stylistic expressiveness, the writer uses numerous stylistic techniques. The novel widely presents the use of stylistic means of semasiology, namely substitution figures and combination figures.

1. Such substitution figures as parallelism (26% of the analyzed material), metaphor (19%) and simile (19%), personification (10%) and phraseological units (10%), metonymy (6%) and epithets (6%), allegory (3%) and anaphora occurs less frequently in the novel (1%).

2. To create more imagery, Jack London filled the novel with a variety of phraseological units. The text of the novel often uses a set of stylistic units – convergence (about 80% of the work). As the linguistic analysis of Jack London's novel "Martin Eden"

has shown, the author often uses several stylistic techniques in one sentence at the same time to describe and reveal the image of the main character.

3. Convergences play an important role in the creation of images by the writer, based on the choice of words, metaphors, epithets, metaphorical periphrases, metonymy, repetitions and rhetorical questions. These stylistic means serve to give speech expressiveness and imagery.

Thus, the linguistic analysis of the novel showed that the stylistic devices most often used by the author are metaphor, metonymy, simile. Convergences based on the choice of words, metaphors, epithets, metaphorical periphrases, metonymy, repetitions and rhetorical questions play an important role in the creation of vivid images by the writer. The use of various stylistic devices contributes to the strengthening of expressiveness, the creation of vivid images in the novel.

List of literature

1. Вербина Г.Г. Психология эмоций // Учебное пособие. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2008. 308 с. URL: <https://studylib.ru/doc/1021212/psihologiya-e-mocij-verbina-g.g.?ysclid=ljffgrkorj337279333> (дата обращения: 28.06.2023)
2. Лунина И.Е. Творчество и творческая личность в понимании Джека Лондона // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2018. №5. С. 185-194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-i-tvorcheskaya-lichnost-v-ponimanii-dzheka-londona> (дата обращения: 15.03.2023).

List of sources

1. London J. Martin Eden. - Moscow, 2018. - 488 p.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.161.1

Кушакова И.И. Неологизмы в современном французском языке (словообразовательный анализ словаря «le Petit Robert 2022»)

Кушакова Ирина Ивановна

канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого и романских языков
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, РФ, г. Санкт-Петербург
step_ir@mail.ru

Neologisms in Modern French (word-formation analysis of the dictionary «le Petit Robert 2022»)

Kushakova Irina Ivanovna

Cand. Sci (Philology), assistant professor of German and Romance languages department
Saint-Petersburg University of the Humanities and the trade unions
Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Целью статьи является словообразовательный анализ новых слов в словаре «le Petit Robert 2022» с выделением продуктивных деривационных моделей. Новые слова или новые значения уже существующих слов распределены по следующим рубрикам: здоровье, медицина; наука, окружающий мир; гастрономия; спорт; общество; культура, повседневная жизнь; разговорный язык; слова, пришедшие из региональных вариантов французского языка или из других франкоговорящих стран. Исследование показало продуктивные модели словообразования: морфологические, семантические, аналитические и заимствования. Говоря об аффиксальных моделях, необходимо подчеркнуть, что выбор аффикса не произволен, а подчиняется конкретной словообразовательной задаче, которую может решить деривационное значение префикса и суффикса. Анализ заимствованных слов показал значительное влияние английского языка в сфере науки и цифровых технологий.

Ключевые слова: Неологизм, словообразовательная мотивация, префикс, суффикс, словосложение, аббревиация, заимствование.

Abstract. The purpose of the article is a word-formation analysis of new words in the dictionary "le Petit Robert 2022" with the identification of productive derivational models. New words or new meanings of already existing words are distributed under the following headings: health, medicine; science, the world around; gastronomy; sport; society; culture, everyday life; colloquial; words that come from regional varieties of French or from other French-speaking countries. The study showed productive models of word formation: morphological, semantic, analytical and borrowing. Speaking about affix models, it should be emphasized that the choice of an affix is not arbitrary, but is subject to a specific word-formation task, which can be solved by the derivational meaning of the prefix and suffix. The analysis of borrowed words showed a significant influence of the English language in the field of science and digital technologies.

Keywords: Neologism, word-building motivation, prefix, suffix, composition, abbreviation, borrowing.

Каждый год во французском языке появляются новые слова в результате морфологических или семантических изменений уже существующих слов, или словосочетаний, в результате заимствований из других языков. Появление новых слов свидетельствует о живучести языка, о его гибкости, способности отражать новые явления и предметы быстроменяющегося и многообразного мира. Известно, что неологизм – это новое слово, новое значение уже существующего слова или словосочетания, которое появилось в языке недавно.

Целью нашей статьи является словообразовательный анализ новых слов, которые засвидетельствованы во французском словаре «le Petit Robert 2022» с выделением продуктивных деривационных моделей.

В словаре «le Petit Robert 2022» новые слова (подчеркнуты линией) или новые значения уже существующих слов распределены по следующим рубрикам:

1. Слова, связанные со здоровьем, здравоохранением, медициной: **coronavirus**, **covid**, **confinement**, **déconfinement**, patient **zéro**, **épicentre**, **foyer**, **cluster**, **traçage numérique**, **vague épidémique**, **immunité collective**, **écouvillon**, **nasopharynx**, **oxymètre**, **saturomètre**, **ventilateur**, **choc**, **orage ou tempête cytokinique**, **distanciation sociale/physique**, **téléconsultation**, gestes et mesures **barrières**, **corona**, **aérosolisation** du virus, de virus **aéroporté**, de cas **contact**, **détresse respiratoire aigüe**, **intubé**, **biotechs**, **vaccinodromes**, **couverture vaccinale**, **antivaccins**, **antivax**, **en distanciel**, **en visio**, **jauge imposée**, **psychiatriser**, **psychotraumatique**, cerveau **reptilien**, relations sous **emprise**, **passifs-agressifs**, **proprioception**, **bobologie**. Слова с префиксом **pauci** – (**paucisymptomatique**).

2. Слова, связанные с экономической стороной жизни людей, с интернетом: **VPN**, **vlog**, **vlogueurs/vlogueuses**, moyen du **placement de produits**, **démonétiser**, **délinéarisé**, **fintech**, le web **sémantique**.

3. Слова, связанные с науками, с окружающим миром: substance **génotoxique**, composés organiques **perfluorés**, fascinant **blob**, **biobanque**.

4. Слова, связанные с гастрономией: **bao**, **chawarma**, **truffade**, légumes **racines**, **konjak**, **malbec**, **moka**.

5. Слова, связанные со спортом: **fentes**, **une période de sèche**, **longe-côte**.

6. Слова, связанные с социальной стороной общества: **déconsommation**, **frugalisme**, **essentialiser**, **silencier** une minorité, culture du **viol**, **intersectionnalité**, procès **en appropriation** culturelle ou en racisme **systemique**, **transidentité**, **dysphorie**, **validisme**.

7. Слова, связанные с культурой, с повседневной жизнью людей: **cinéconcert, coffee-shop, réédition, DIY.**

8. Слова, относящиеся к разговорному, просторечному стилю языка: **mythonner, se taper l'affiche, se mentir, au fond du trou, tousser, mettre une balayette, être refait.**

9. Слова, пришедшие из региональных вариантов французского языка или из других франкоговорящих стран: **s'entrucher, trisser, il goutine, on a de l'eau dans les caves, le (ou un) gros cou, «Tu peux danser sur ta tête!», mordre votre chique, prix démocratique, têteux, vlimeuse, chefferie, usé au coton, giblotte, avoir déjà vu neiger, on est sur la trotte, «Tout de bon!», monter, descendre, la viande de brousse, un café jetable.**

Рассмотрим словообразовательные модели только новых слов: covid, déconfinement, oxymètre, saturomètre, téléconsultation, aérosolisation du virus, biotechs, vaccinodromes, antivaccins, antivax, en distanciel, psychotraumatique, proprioception, bobologie, VPN, vlog, vlogueurs/vlogueuses, fintech, substance génotoxique, composés organiques perfluorés, le fascinant blob, biobanque, bao, chawarma, truffade, konjak, malbec, longe-côte, déconsommation, frugalisme, essentialiser, silencier, intersectionnalité, transidentité, validisme, cinéconcert, coffee-shop, mythonner, s'entrucher, il goutine, têteux, vlimeuse.

При всем многообразии работ по способам номинации можно выделить всего пять источников новых обозначений: 1) создание нового слова (произвольно); 2) морфологическое словообразование, включающее аффиксацию и аналитическую деривацию; 3) семантический способ номинации; 4) образование словосочетания; 5) заимствование. Сразу отметим, что первый способ номинации не представлен нашими неологизмами.

Известно, что значение слова обусловлено значением его словообразовательных формантов. В этом суть словообразовательной мотивации, которая «распознается путем расчленения мотивированного знака на составные части и установление логических связей между значениями этих частей» [1, с.38]. Принимая это во внимание, особо отметим значение словообразовательных аффиксов и суффиксов, участвующих в формировании значения неологизма.

Морфологический, а именно суффиксальный способ словообразования наблюдается у следующих слов: существительное **aérosolisation** (*diffusion aérienne de fines particules par aérosol*) образовано путем прибавления к слову aérosol суффикса -isation со значением действия, состояния, процесса, результата; существительное/

прилагательное **téteux, euse** (*flatteur, flagorneur (fam.)*) – путем прибавления суффикса – eux со значением оценки личности человека; существительное **validisme** (*systeme faisant des personnes valides la norme sociale. (Par ext.) Discrimination envers les personnes en situation de handicap*) – путем прибавления суффикса –isme со значением «теория, учение, течение». И от него существительное/ прилагательное **validiste** – путем прибавления суффикса –iste со значением «деятель». Параллельно наблюдаем и конверсию слова. Подобным способом образовано существительное **frugalisme** (*mouvement prônant un mode de vie simple pour atteindre l'indépendance financière et profiter d'une retraite précoce*) - frugal+isme и существительное/прилагательное **frugaliste** –frugal+iste в купе с конверсией. Суффикс –iel со значением «относящийся к чему-либо» послужил образованию прилагательного/существительного **distanciel, ielle** (*qui a lieu sans présence physique des personnes concernées*). И здесь снова пример и конверсии - прилагательное/существительное.

Суффикс греческого происхождения со значением измерения –mètre используется для образования двух слов **oxymètre** (*appareil qui mesure le taux d'oxygène d'un mélange gazeux ou d'un liquide*) и **saturomètre** (*appareil qui mesure la saturation du sang en oxygène*). Одновременно здесь используется и аббревиация: к усеченным словам **oxygène** и **saturation** прибавляется суффикс –mètre. Неологизм **bobologie** (*prise en charge medical des petites blessures et des maux bénins*) образовано от существительного **bobo** и суффикса –logie со значением «изучение», но употребляется в разговорной речи в ироническом значении, так как **bobo** – детское слово.

Среди новых слов есть 4 глагола, образованных от существительных путем прибавления определенных суффиксов. Глагольный уменьшительно-ласкательный суффикс –iner образовал глагол **gouttiner** (*pleuvoir légèrement*) от слова **goutte**. В слове **silencier** (*réduire (qqn)au silence, faire taire(qqch)*), образованном от существительного **silence**, суффикс –ier подчеркивает дуративный аспект глагола. В лексеме **essentialiser** (*considérer d'un point de vue essentialiste. Essentialiser une communauté*) суффикс –iser означает «вести себя, обращаться с кем-то, иметь взгляд согласно семантики словообразовательной основы (essential)». Глагол **mythonner** (*mentir, raconter des histoires*) образован от разговорного слова **mytho** с прибавлением суффикса часто пейоративного значения – onner, относящегося к тому же регистру.

Префиксальный способ словообразования наблюдается у следующих слов. Существительное **antivaccin** (*qui est hostile à la vaccination; qui refuse de se faire*

vacciner) образовано путем прибавления приставки *anti-* к слову *vaccine*. От слова **antivaccin** путем сокращения появилось существительное **antivax**. Приставка *anti-* греческого происхождения со значением «против» появилась во французском языке в XVI-XVII веках и остается продуктивной и по сей день.

Следующие слова также образованы при помощи «греческих» приставок: **biobanque** (*bio- et banque*), где *bio-* имеет значение «жизнь»; **psychotraumatique** (*qui provoque un traumatisme psychique (psychotraumatisme n. m.) ou qui en résulte*), где приставка *psycho-* означает «душа»; **téléconsultation** (*consultation médicale à distance, grâce aux moyens de télécommunication*), где префикс **télé-** несет значение «далеко, на расстоянии».

Отрицательно-привативный префикс *dé-* участвует в образовании таких слов как **déconfinement** (*levée du confinement*), **déconfiner** (*mettre fin au confinement de (qqn.)*), **déconsommation** (*tendance à consommer moins, à réduire sa consommation*).

Прилагательное **perfluoré, ée** (*se dit d'un composé organique dont la chaîne carbonée est totalement fluorée*) образовано при помощи приставки *per-* со значением избытка, особенно в словаре химической сферы, и слова *fluoré*.

Приставка **pauci-**, имеющая латинское происхождение со значением «незначительное, несущественное наличие какого-то признака или свойства», в словаре приводится как новый элемент для образования слов в медицинской сфере, например, *paucisymptomatique*.

Большой пласт заимствований представлен англицизмами. Но многие из них не воспринимаются как иностранные, потому что состоят из интернациональных деривационных основ латинского или греческого происхождения, или из слов, которые встречаются и в самом французском, а английский язык их заимствовал много веков назад. Так слово **biotech** (*abréviation de biotech- nology biotechnologie ANGUC.1 Biotechnologie. 2 (1993) Start-up de biotechnologie*) имеет французский омоним *biothèque*. Следующие слова также прекрасно вписываются во французский язык: **fintech** (*entreprise innovante utilisant les nouvelles technologies pour proposer des services bancaires et financiers*); **intersectionnalité** (*concept associant les aspects qui constituent l'identité d'une personne (sexe, genre, classe, origine ethnique, âge, orientation sexuelle...) aux systèmes de discrimination et de domination*); **proprioception** (*sensibilité proprioceptive, capacité à se percevoir dans l'espace participant à l'équilibration (> schéma corporel)*); слово-чемодан **vlog** (*vidéo+blogue*). От последнего слова с использованием французского суффикса *-eur* со значением деятеля появилось существительное **vlogueur, euse**.

Два англицизма, которые вошли, на наш взгляд, во многие языки, это аббревиатуры **covid** (*maladie infectieuse et contagieuse causée par un coronavirus*) и **VPN** (*systeme qui permet une activité en ligne privée et sécurisée, en isolant et chiffrant les données – Virtual Private Network*).

Существительное **blob** (*organisme unicellulaire (Physarum polycephalum) pouvant atteindre une taille importante, protozoaire capable de se déplacer, de mémoriser, traiter et transmettre certaines informations*) пришло из английского языка благодаря популярности фильма-фантастики «Капля».

Сложное слово **coffee shop** (*établissement où l'on peut consommer du café de qualité, des pâtisseries et des plats simples faits maison*) состоит из легко угадываемых слов «кофе» и «магазин».

Другие заимствования связаны с появлением нового предмета материальной культуры во французской жизни. Слово **bao** (*petite brioche farcie, cuite à la vapeur (cuisine asiatique)*) пришло из китайского языка; слово **chawarma** (*viande épicée grillée sur une broche verticale, puis tranchée en lamelles (cuisine du Moyen-Orient)*) - из арабского языка; **konjac** (*plante vivace (aracées) originaire d'Asie du Sud-Est, cultivée pour son rhizome tubéreux qui fournit une farine riche en fibres et peu calorique*) – из японского языка; **truffade** (*préparation de pommes de terre rissolées mélangées à du cantal qui fond à leur contact (cuisine auvergnate)*) – из окситанского языка. Прилагательное/существительное **vlimeux, euse** (*rusé, sournois; malicieux, espiègle (d'un enfant)*) пришло из канадского варианта французского языка, несет уничижительное значение при характеристике человека. А вот нейтральное значение не прижилось бы, как в случае с первыми выше рассмотренными заимствованиями, т.к. во французском языке уже существует слово для обозначения хитрого человека, эта лакуна заполнена.

И одно слово, пришедшее из регионального регистра, зарегистрированное в словаре Le Petit Rodert 2022 – это местоименный глагол **entrucher (s')** (*s'étouffer en avalant de travers, s'étrangler*) из провинции Шампань.

Слово-эпоним **malbec** (*cépage rouge cultivé dans le Sud-Ouest. Le malbec donne des vins tanniques et colorés, comme le cahors*) образовано от имени собственного Malbeck является примером семантического словообразования, фразеологизации. [5].

Аналитическое словообразование, представленное примерами словосложения и аббревиации, также остается продуктивным способом образования новых слов во французском языке.

Слово **cinéconcert** (*spectacle associant à la projection d'un film un accompagnement musical interprété en direct*) образовано путем усечения слова *cinéma* с прибавлением существительного *concert*. Хотя и существует «греческий» префикс *ciné-*, но в нашем случае компонент *ciné-* является частью слова с узким конкретным значением «кино». Он также используется как производящая основа, например, в слове *cinéaste*. Подобным образом рассматриваем и слово **transidentité** (*identité de genre des personnes trans*), в котором компонент *trans* – это не приставка со значением «через», а усеченное слово *transsexuel*. Интересно рассмотреть слово **vaccinodrome** (*centre de vaccination collective aménagé dans un vaste espace*), образованное от слова *vaccin* с прибавлением компонента *drome*. Изначально суффикс греческого происхождения *-drome* имел значение «бег, скачки», которое легко читается в слове *hippodrome*. Но затем появились слова *aérodrome*, *vélodrome*, *cosmodrome* и т.д., и у суффикса появилось значение «пространство, площадка, большое помещение», поэтому можно его считать производящей основой. Слово **longe-côte** (*marche en mer pratiquée en bord de plage, de l'eau jusqu'au thorax. randonnée aquatique*) образовано от усечения глагола *longer* с прибавлением слова *côte*. Надо отметить, что «модель Verbe + Nom была самой продуктивной в XX веке, по которой было создано значительное количество сложных слов». [2, с.486]. Существительное **génotoxique** (*qui peut endommager l'ADN, le matériel génétique*) образовано путем словосложения *gène* и *toxique*. Неологизмы, образованные по смешанной модели: аббревиация и суффиксация, рассмотрены в разделе суффиксального словообразования.

Анализ словообразовательных моделей, по которым образовались неологизмы, представленные в словаре «le Petit Robert 2022», показал, какие модели жизнеспособны, активны, продуктивны на современном этапе: морфологические (суффиксальное и аффиксальное словообразование), семантические (конверсия, фразеологизация), аналитические (словосложение и аббревиация) и заимствования. Говоря об аффиксальных моделях, хотим подчеркнуть, что, хотя основа слова несет конкретное понятийное содержание, выбор того или иного аффикса не произволен, а подчиняется конкретной словообразовательной задаче, которую может решить деривационное значение префикса и суффикса [3, с.16–23]. И выбор аффиксов свидетельствует об их живучести в данный исторический момент. Так, продуктивными оказались такие суффиксы как *-isation*, *-isme*, *-iel*, *-iste*, *-mètre*, *-iner*, *-ier*, *-iser*, *-onner*, *-eur*. Префиксы представлены следующими формами: *anti-*, *bio-*, *psycho-*, *télé-*, *dé-*, *per-*, *pauci-*. Высока доля греколатинских дериватов, так называемое *composition savante* [4, с.133]. Нередко встречаются смешанные модели

аффиксация+аббревиация. Говоря о заимствованиях, отметим значительное влияние английского языка в сфере науки и цифровых технологий. Однако, остается ряд неологизмов словаря «le Petit Robert 2022», которые заслуживают отдельного рассмотрения, – это слова, уже существующие в языке, но получившие новые значения, которые необходимо рассматривать в контексте фразеологии.

Список литературы

1. Степанова 2004 – Степанова И.И. Номинация мучных изделий в современном французском языке (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. наук. СПб., 2004. —209с.
2. Зияева, Ш.Н. Современные проблемы французского словообразования и словосложения / Ш.Н. Зияева. // Молодой ученый. – 2018. – № 50 (236). – С. 484-488. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/236/54705/> (Дата обращения: 20.06.2023).
3. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке / Предисл. И.Б. Воронцовой. - Изд. 4-е. - М.: КомКнига, 2012. – 112 с.
4. Цыбова И.А. Словообразование в современном французском языке. – М., Ленанд, 2022. – 200с.
5. Pascal Griset et Léonard Laborie. " Introduction. De qui, de quoi, malbec est-il le nom ? " / "Whom and What is Malbec About?" / "¿De qué, de quién es el nombre malbec?". RIVAR Vol. 3 Nº 7, ISSN 0719-4994,IDEA-USACH, Santiago de Chile, enero 2016, pp. 1-10.

Список источников

1. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr>. (Дата обращения: 20.06.2023).
2. Dictionnaire français [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr>. (Дата обращения: 20.06.2023).
3. Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.larousse.fr>. (дата обращения: 20.06.2023).
4. Petit Robert 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://manuscritdepot.com/dictionnaire_le_robert_mots_nouveaux_2022.pdf (Дата обращения: 20.06.2023).
5. Trésor de la langue Française informatisé [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.atilf.fr/tlfi>. (Дата обращения: 20.06.2023).

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-119

Адащик Д.Н. Подходы к рассмотрению коммуникативной стратегии самопрезентации в англоязычном политическом дискурсе

Адащик Дмитрий Николаевич

Преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорский государственный университет, РФ, г. Пятигорск

Approaches to the research of the communicative strategy of self-presentation in the English political discourse

Adashchik Dmitry Nikolaevich

Professor of English Language Department and professional communication
Pyatigorsk State University, Russia, Pyatigorsk

Аннотация. В данной обзорно-практической статье вниманию читателя представляются различные подходы к пониманию коммуникативной стратегии самопрезентации в англоязычном политическом дискурсе. Опираясь на ряд теоретических основ и эмпирические данные, автор анализирует, каким образом политический лидер может реализовывать коммуникативную стратегию самопрезентации, чтобы заручиться общественной поддержкой со стороны массового адресата и реализовать собственные коммуникативные интенции. В статье подчеркивается важность когнитивных, риторических и прагматических факторов в формировании стратегии самопрезентации, а также описывается влияние социально-культурных контекстов на стратегию самопрезентации. На примере официальных выступлений премьер-министра Великобритании Б. Джонсона автор демонстрирует примеры реализации коммуникативной стратегии самопрезентации, используемой политиком для регулирования настроений в социуме в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: политический дискурс, стратегия самопрезентации, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, стратагемно-тактическая коммуникация.

Abstract. In this review and practical article, the reader is presented with various approaches to understanding the communicative strategy of self-presentation in the English-language political discourse. Based on a number of theoretical foundations and empirical data, the author analyzes how a political leader can implement a communicative strategy of self-presentation in order to enlist public support from the mass addressee and realize their own communicative intentions. The article emphasizes the importance of cognitive, rhetorical and pragmatic factors in the formation of a self-presentation strategy, and also describes the influence of socio-cultural contexts on the self-presentation strategy. Using the official speeches of British Prime Minister B. Johnson as an example, the author demonstrates examples of the implementation of the communicative strategy of self-presentation used by a politician to regulate moods in society during the COVID-19 pandemic.

Key words: political discourse, self-presentation strategy, communicative strategies, communicative tactics, stratagem-tactical communication.

Исследование коммуникативных стратегий в англоязычном политическом дискурсе остается по-прежнему актуальным предметом в сфере лингвистики. Политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий. Основное назначение политической коммуникации состоит в борьбе за власть [1, с. 23]. Политический дискурс – это способ коммуникации, используемый политическими лидерами, партиями и организациями для передачи своих идей, убеждений и политических программ обществу. Ценности политического дискурса, которые сводятся к обоснованию и отстаиванию своего права на власть, постоянно акцентируются в речах политиков. Задача политического лидера – завоевать и удержать симпатии населения, привязанность, понимание, поддержку, его доверие – не всегда выполнима с помощью «корректного» рационального убеждения, основанного на логическом доказательстве. С целью выстраивания наиболее эффективного коммуникативного поведения, политическому адресанту приходится задействовать ряд коммуникативных стратегий, являющихся важным инструментом для анализа и понимания политической коммуникации, формирования общественного мнения и принятия политических решений. Кроме того, анализ коммуникативных стратегий позволяет проследить, какие риторические приемы используют политические лидеры для реализации коммуникативного влияния на общественное мнение.

На сегодняшний день существует множество интерпретаций касательно коммуникативных стратегий. Одним из первых исследователей можно выделить голландского исследователя Т.А. ван Дейка, который описывает коммуникативную стратегию как «некую общую инструкцию для каждой конкретной ситуации интерпретации». При этом посредством той или иной стратегии могут достигаться как какие-либо личные цели говорящего, так и общие социальные цели. На выбор же определенной линии речевого поведения, по мнению лингвиста, влияет конкретное намерение коммуникатора, проявляющееся в данной ситуации (когнитивно-дискурсивный подход). Рассматривая данный феномен в рамках когнитивно-дискурсивного и критического подхода, исследователь определяет когнитивную стратегию как «способ обработки информации в памяти» [2, с. 274-276].

Отечественный исследователь О.С. Иссерс, развивая идеи голландского ученого, в свою очередь утверждает, что стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определённых долговременных результатов. Под стратегией в данной работе понимается совокупность речевых действий, направленных на решение общей

коммуникативной задачи говорящего, а речевой тактикой считается одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии [3, с. 109]. В самом общем смысле стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. В свою очередь исследователь Е.В. Ключев рассматривает коммуникативную стратегию как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [4, с. 288].

На сегодняшний день учеными лингвистами выделяется множество классификаций коммуникативных стратегий (ими могут быть стратегии убеждения, аргументативные, агитационные и т.д), выделяемых в зависимости от целей и интенций адресанта. Однако в настоящем исследовании мы сосредоточимся на стратегии самопрезентации, которая, на наш взгляд, является одной из наиболее значимых в политическом дискурсе, в рамках которого адресант использует язык для выражения своей идентичности, ценностей, убеждений и намерений с целью реализации коммуникативного влияния на массового адресата [5, с. 1847]. Опираясь на подобные интенции, адресант выстраивает коммуникативную стратегию самопрезентации, что позволяет политическому деятелю произвести положительное впечатление на аудиторию, представляя себя как компетентную и заслуживающую доверия фигуру.

Т. Ван Дейк считает, что самопрезентация является сложным процессом, который зависит от контекста и целей коммуниканта. Ученый уделяет внимание роли когнитивных процессов в самопрезентации, описывая, каким образом участники коммуникации вербализуют определенные аспекты своей личности, с целью репрезентации ожидаемых впечатлений на аудиторию. В рамках когнитивного подхода, исследователь полагает, что новое знание должно быть введено в модель мира адресата таким образом, чтобы он «принял его, соотнес с уже известным и осознал как свое, так личное» [2, с. 277]. Следовательно, когнитивный процесс в рамках стратегии самопрезентации есть план, цель которого - помочь адресату в процедуре обработки информации, то есть приватизации нового знания. Адресату необходимо «помочь» перейти от частного примера к обобщению, из общих положений сделать выводы о частностях, перенести информацию (в нашем случае отрицательную) из одной когнитивной области в другую и т.д.

Как утверждает О.С. Иссерс, самопрезентация является вспомогательной стратегией при любых условиях коммуникации, однако в некоторых случаях она одновременно выступает как основная и вспомогательная стратегия. Конкретно речь идет о коммуникативных ситуациях, где самопрезентация является первоочередной целью говорящего. О.С. Иссерс отмечает, что формирование имиджа политика как важнейшего элемента на пути к успешной политической карьере невозможно представить без корректного использования стратегий самопрезентации. Например, в массово-информационном дискурсе, где основные функции состоят в информировании, воздействии и развлечении массовой аудитории, самопрезентация выступает в качестве одной из важнейших стратегий [3, с. 112]. Отсюда следует, что в современном социуме политические деятели постоянно находятся под пристальным вниманием массовой аудитории, вследствие чего адресанту необходимо формировать собственный имидж, чтобы соответствовать ожиданиям публики и, тем самым, реализовать коммуникативные интенции.

В свою очередь отечественный исследователь О. Н. Паршина определяет самопрезентацию как «эмоциональную “самоподачу” оратора, косвенную демонстрацию психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [6, с. 7]. Паршина рассматривает самопрезентацию в контексте социальных отношений и взаимодействия коммуникантов. Ученый полагает, что социальные нормы, роли и ожидания непосредственно влияют на выбор вербализацию стратегии самопрезентации. Кроме того, О.Н. Паршина уделяет внимание влиянию культурных факторов на самопрезентацию, анализируя какие аспекты культуры могут влиять на восприятие и оценку самопрезентации другими людьми. Политическому дискурсу свойственны системообразующие признаки, такие как: цель коммуникации, участники коммуникации, способ коммуникации – избираемые тактики и стратегии. Здесь возникает необходимость в исследовании наиболее используемых коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе, посредством которых адресант (политический деятель) ставит перед собой цель обеспечить выгодную и, главное, эффективную межличностную коммуникацию по отношению к адресату (избирателю). О.Н. Паршина предлагает следующие тактики, репрезентирующие стратегию самопрезентации: отождествления, дистанцирования; солидаризации, оппозиционирования. В целом, Паршина считает, что самопрезентация является сложным и многогранным процессом, который зависит от взаимодействия психологических, социальных и культурных факторов [6, с. 10]

Исследователи О.Н. Мищук, Л.Г. Васильев, Е.В. Белова считают, что самопрезентацию в политическом дискурсе следует понимать, как процесс исполнения социальной роли, о которой у субъекта имеются определенные представления: политик выбирает образы для своей самопрезентации, исходя из имеющихся представлений о них и с обязательной ориентацией на параметры риторической ситуации, в том числе, на конкретику аудитории. Цель политической самопрезентации – создать у аудитории положительный образ политического лидера и государства, представляемого им, с целью получения конкретного результата [7, с. 455-456]. Таким образом, в рамках осуществления стратегии самопрезентации политическому деятелю необходимо выстроить выгодный имидж, являющийся частью его профессионального успеха. Иными словами, чем точнее будет выстроен имидж, тем эффективней будет коммуникация с избирателями, и, следовательно, будет достигаться основная задача - завоевание и удержание одобрительного отношения со стороны избирателей [8, с. 147-149].

Резюмируя все вышеперечисленные подходы, можем выделить следующие интенции политического адресанта в рамках реализации стратегии самопрезентации: убеждение, управление имиджем, акцент на ценностях и идентичности, а также создание доверия у адресата. С целью реализации подобного рода интенций используются различные языковые средства, направленные на репрезентацию идей, выражающих национально-культурную идентичность массового адресата политического лидера. В рамках проведенного анализа официальных выступлений премьер-министра Великобритании Б. Джонсона в период пандемии COVID-19 было выявлено, что стратегия самопрезентации сыграла немаловажную коммуникативную роль в установлении доверия и лидерства в лице массового адресата. В период пандемии COVID-19 в 2020-2022 гг. политическим лидерам было необходимо выстраивать эффективное коммуникативное поведение по отношению к населению с целью его информирования и снижения всеобщего беспокойства в социуме. Кризисные ситуации часто приводят к страху и неуверенности среди населения. Подбирая правильные слова, политики могут помочь укрепить доверие и уверенность среди людей. Отсюда следует, что премьер-министру было необходимо позиционировать себя как сильного лидера, в условиях кризисного периода жизни социума государства Великобритании и выступить гарантом стабильности и безопасности. Было выявлено, что стратегия самопрезентации в речи Б. Джонсона реализуется посредством таких коммуникативных тактик, как солидаризация и отождествление.

Тактика солидаризации позволяет говорящему сообщать слушателю о своем общем опыте, эмоциях, мнениях, интересах и ценностях, укрепляя чувство связи между ними. Данная тактика вербализуется посредством следующих языковых компонентов:

1. Употребление личных местоимений. Для данной тактики характерно использование личных местоимений первого лица «*I*», «*we*» и второго лица «*you*», позволяющие создать чувство общности, объединения, а также выстроить косвенный диалог политика с потенциальным избирателем [9, с. 8]. Рассмотрим пример ниже:

- *And I know how difficult it may be, or it may seem right now, but if we do this together we will save, as I say, many thousands of lives.*

В данном речевом фрагменте премьер-министр Великобритании Б. Джонсон реализует коммуникативную стратегию самопрезентации, используя слова, передающие чувство сопереживания, единства и лидерства. Сочетание личных местоимений с глаголом «*know*» и прилагательным «*difficult*», демонстрируют осведомленность политиком проблем, стоящих перед гражданами. Употребление личного местоимения «*we*» в сочетании с наречием «*together*», указывающим на общность, политик подчеркивает готовность государства к коллективной работе с обществом в рамках противостояния пандемии COVID-19. Подобного рода речевое поведение позволяет создать благоприятный образ политика как человека чуткого и ориентированного на благо адресата.

2. Использование неопределенных местоимений. Неопределенные местоимения «*everyone*» и «*anyone*» могут использоваться для вербализации коммуникативной тактики солидарности, подчеркивая инклюзивность и единство. При помощи неопределенных местоимений политический адресант может репрезентировать адресату свою приверженность, что позволяет создать чувство солидарности и общей ответственности, создавая атмосферу сотрудничества и поддержки. Рассмотрим пример ниже:

- *I want to thank the amazing workers in the NHS, everybody working in social care, in every sector, in food distribution, transport, you name it – absolutely everyone who is keeping this country going today.*

В данном примере политик реализует коммуникативную тактику солидарности, выражая благодарность и признавая трудолюбие и самоотверженность различных групп людей. Конкретно упоминая работников NHS, социального обеспечения, распределения продуктов питания, транспорта и других секторов, политик демонстрирует свою поддержку и признательность тем, кто необходим для

поддержания функционирования страны. Обобщая наименования профессий, премьер-министр использует неопределенное местоимение «*everyone*», тем самым подчеркивая, что все люди, независимо от их конкретных ролей или секторов, получают признание и высокую оценку за их вклад, что позволяет адресанту реализовать интенцию по укреплению чувства общности и единства между различными группами в обществе [10, с. 48].

Следующей тактикой, используемой для вербализации стратегии самопрезентации, является отождествления. При помощи тактики отождествления политический адресант может репрезентировать адресату собственную принадлежность к определенной социальной, статусной или политической группе. Если лидер считается принадлежащим к той же группе, что и избиратели, и решает вопросы, которые находят отклик у них, говорящему представляется возможность выстроить доверительное речевое поведение по отношению к потенциальным избирателям. Данная тактика вербализуется посредством следующих языковых компонентов:

1. Употребление слов, апеллирующих к национальному духу и идентичности. Политики могут использовать слова и выражения, которые обращаются к национальной гордости, идентичности и ценностям (*nation, country, union, challenge*). Рассмотрим пример ниже:

- *But if we continue to look out for one another, to pull together in a **united and national effort**, I have no doubt that we can and will rise to that **challenge**.*

В данном случае политик реализует коммуникативную тактику отождествления при помощи лексем «*together*» и «*national efforts*». Посредством этих лексем словами политик подчеркивает идею единства и сотрудничества людей. В данном заявлении политик выражает уверенность в том, что совместными усилиями коронавирусную пандемию можно преодолеть.

2. Использование позитивного языка. Репрезентация позитивных идей в речи политика позволяет представить собственную персону в выгодном свете. Реализацию подобного рода интенций может быть вербализована такими лексемами, как «*success*», «*advance*», «*progress*» и «*hope*», чтобы создать положительный образ [11, с. 114-116]. Рассмотрим пример ниже:

- *I spoke yesterday with each of the First Ministers and again today and I thank them for their collaboration: the health of everyone in these islands depends on **our common success**.*

В данном случае политик подчеркивает важность сотрудничества и единства всех первых министров для достижения общей цели успеха. политик реализует коммуникативную тактику отождествления при помощи лексемы «*success*». Подчеркивая данную лексему при помощи прилагательного «*common*», имеющее семантику общности, адресант стремится создать чувство единства и общей цели среди первых министров и широкой общественности. Данные лексические компоненты вербализуют тактику отождествления, апеллируя к общим интересам всеобщего благополучия и позиционируя премьер-министра как человека, ведущего путь к достижению этого успеха.

В заключение следует отметить, что изучение коммуникативных стратегий в англоязычном политическом дискурсе имеет первостепенное значение, так как позволяет провести глубокий анализ способов влияния языка на общественное мнение. Стратегия самопрезентации является жизненно важным компонентом политического дискурса, используемым политическими деятелями для создания благоприятного имиджа самих себя. Рассмотрев точки зрения и подходы к изучению коммуникативной стратегии самопрезентации, было выявлено, что ключевыми интенциями в политическом дискурсе, которые преследует адресант, являются: убеждение, управление имиджем, создание доверия у адресата, акцент на ценностях и идентичности. Принимая во внимание точку зрения, что коммуникативные стратегии вербализуются посредством коммуникативных тактик, нами было выявлено, что стратегия самопрезентации репрезентируется тактиками солидаризации и отождествления, которые, в свою очередь, вербализуются такими языковыми средствами, как личные и неопределенные местоимения; лексемы имени существительного и прилагательного, имеющие семантику национальной или культурной идентичности определенного языкового социума; использование лексем, репрезентирующих семантику благополучия и позитивных изменений. Таким образом, данное исследование может поспособствовать пониманию идеи того, как политики представляют себя стратегически и формируют общественное мнение в публичных выступлениях.

Список литературы

1. Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса // Филология — Philologica. Краснодар, — 1998. — № 14. — С. 22-29.
2. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н.Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. — 300 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.
4. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и институтов. - М.: Акад. нар. хоз-ва: Дело, 2002. - Т. 1. - 478 с.
5. Сухомлина Т. А. Речевые стратегии современного политического англоязычного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — №. 6. — С. 1846-1850.
6. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / О.Н.Паршина. — Саратов, 2005 — 48 с.
7. Мищук О. Н., Васильев Л. Г., Белова Е. В. К трактовке самопрезентации в политическом дискурсе //Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2020. — Т. 30. — №. 3. — С. 454-460.
8. Почепцов Г.Г. Имиджелогия,- М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000а. - 766с.
9. Беляев А. С., Лазовская Н. В. Роль личных местоимений I, you, we и they в англоязычном политическом дискурсе //Язык науки и профессиональная коммуникация. — 2021. — №. 3 (4). — С. 5-10.
10. Демьянова Т. В. Лингвистические средства реализации стратегий маневрирования (на материале русского и английского языков) //Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. ИЯ Яковлева. — 2021. — №. 2 (111). — С. 46-56.
11. Кононова И. В., Мельничук Т. А. Аксиологическая составляющая американского предвыборного дискурса в динамическом аспекте //Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2021. — Т. 20. — №. 4. — С. 113-125.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811

**Кандыбина А.В. Проявление бинарной оппозиции «счастье-несчастье»
во фразеологических единицах русского и чешского языков.**

Кандыбина Анастасия Викторовна

студент 1 курса магистратуры направления подготовки «Филология»
института филологии и межкультурной коммуникации
Волгоградский государственный университет, РФ, г. Волгоград
av.kandybina@mail.ru

**Manifestation of the binary opposition "happiness-misfortune"
in phraseological units of the Russian and Czech languages**

Kandybina Anastasija Viktorovna

1st year student of the Master's degree in Philology of the Institute of Philology and
Intercultural Communication, Volgograd State University, Russian Federation

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема отражения национальной самобытности в языковых единицах. В качестве материала для анализа выбраны русские и чешские фразеологизмы с семантическим центром, репрезентирующим представления о животном мире, религиозных воззрениях и природных объектах. Выявлены схожие и отличительные черты в характеристике счастья и несчастья как базовых понятий жизни человека представителями родственных славянских народов.

Ключевые слова: фразеологизм, счастье/несчастье, русский язык, чешский язык, этническое мировоззрение.

Abstract. This article deals with the problem of reflecting national identity in linguistic units. Russian and Czech phraseological units with a semantic center representing the ideas of the animal world, religious beliefs and natural objects were chosen as the material for analysis. Similar and distinctive features in the characterization of happiness and unhappiness as basic concepts of human life by representatives of related Slavic peoples are revealed.

Keywords: phraseology, happiness/misfortune, Russian language, Czech language, ethnic worldview.

Мировоззрение любого народа представляет собой сложный феномен, включающий в свой состав совокупность национально-культурных особенностей. Каждый этнос старается сохранить, приумножить и передать сгенерированный предыдущими поколениями опыт. Духовно-нравственные установки и моральные представления активно отражаются в языке, поскольку языковая система аккумулирует результаты мыслительных процессов, обобщающих эмпирические знания этноса. Обращаясь к этой проблеме, С.К. Гураль замечает: «Язык как способ

выразить мысль и передать ее от человека к человеку неразрывно связан с мышлением. Соотношение языка и мышления, а также их взаимодействие с культурой и действительностью – вечный сложнейший вопрос и языкознания, и философии» [1, с. 16]. В связи с этим возникает необходимость поиска наиболее «культурноносных» языковых единиц, которые способны передать национальный колорит.

Такие устойчивые выражения, как пословицы, поговорки, приметы, фразеологизмы, «консервируют» накопленный багаж сведений о мироустройстве. Неслучайно Л.К. Бобрышева говорит о том, что «фразеологическая концептуализация действительности – это познавательно-оценивающий процесс вербализации важных социокультурных смыслов посредством фонда устойчивых единиц языка» [2, с. 87]. В связи с этим на современном этапе развития филологической мысли актуальным представляется исследование фразеологического фонда языка с целью выявления специфических элементов этнической жизненной философии. Это позволяет проследить взаимосвязь лингвистического и культурного кодов, взаимодействие которых формирует самобытность и национальную идентичность любого народа.

Рассматривать весь массив фразеологических фактов невозможно без структурирования и систематизации, поскольку лежащая в основе каждого фразеологизма метафорически-образная система не может оцениваться с одинаковых позиций. Целесообразным с этой точки зрения является поэтапное описание выбранных для анализа языковых единиц по определенным критериям. Сегодня исследователи нередко стремятся изучить устойчивые выражения через систему универсальных антиномий, так как «социальная жизнь человечества, начиная с самых ранних этапов своего развития, во многом детерминировалась сквозь призму контрастных представлений о мировом устройстве (мужчина / женщина, верхний / нижний и т.д.), а поэтому и весь процесс осмысления окружающего мира при подобном укладе был подчинен антитетическому принципу» [3, с. 96]. Кроме того, «выбор универсальных антиномий в качестве предмета сравнительного анализа языков дает возможность выявить превалирующие ценностные установки рассматриваемых этнических групп и установить особенности национального мировосприятия» [4, с. 185]. Особый интерес в этом отношении представляют языки родственных языковых групп, имеющие общую праоснову. Именно в таких случаях удается прийти к результатам, доказывающим предположение об отражении национальной самоидентификации в языке.

Внимание к бинарной оппозиции «счастье-несчастье» детерминируется особой значимостью данных категорий в жизни человека. С позиции философского взгляда «достаточно распространено понимание счастья как состояния наибольшего, высшего, глубокого удовлетворения, полноты бытия (условиями своего существования, осмысленностью жизни, осуществленностью собственного человеческого назначения)» [5, с. 25]. Вся осознанная деятельность человека направлена на поиск и достижение этого состояния удовлетворенности. Однако важно понимать, что путь к истинному счастью проходит через преодоление трудностей, которые воспринимаются как различного рода несчастья. Таким образом формируется антиномия «счастье-несчастье», в рамках которой обнаруживаются типичные представления представителей народа о важных внутренних и внешних проявлениях реакции на то или иное событие.

В предпринятом исследовании в качестве материала для анализа были выбраны фразеологизмы русского и чешского языков бинарной оппозиции «счастье-несчастье» с ключевыми лексемами, формирующими зооморфные, религиозные и природные образы.

Образы живых существ выражают эмоциональное состояние, связанное с ощущением чего-то неприятного, несчастливого: *Кошки скребут на душе; Червячок сосет*. При этом следует обратить внимание на глагольную лексику (*скребут, сосет*), которая метафорически позволяет передать тяжелое чувство, охватывающее человека. Внутри значения этих глаголов заключены семантические компоненты, передающие какие-либо негативно воздействующие на человека факты внеречевого мира. Например, лексема *скрести* - «проводить по какой-л. поверхности чем-л. острым, жестким, издавая при этом царапающий звук» - подразумевает неприятный, монотонный звук. Однако в рассматриваемом фразеологизме компонент «физическое соприкосновение» нивелируется и начинает репрезентировать противоположные материальной выраженности душевные качества.

Оценку уже произошедшей несчастливой, плохой ситуации транслирует фразеологизм *Черная кошка пробежала*, который явно связан с общеизвестной в русской лингвокультуре приметой. Это сближает его с пословицей, поскольку сквозь иносказательность «просвечивается» вполне возможная жизненная ситуация. Подобные примеры демонстрируют тонкую связь между фразеологизмами и паремиями и являются веским доказательством состоятельности широкого подхода к пониманию фразеологии.

Приведенные примеры указывают на тот факт, что русский народ концентрируется на отрицательных моментах собственной жизни в то время, как чешская фразеология репрезентирует иной взгляд: *Mít se jako prase v žitě* (чувствовать себя, как свинья в жите); *Cítit se v sedle* (чувствовать себя в седле). В данных примерах наоборот зафиксировано позитивное отношение к миру. Отдельно прокомментируем второй фразеологизм, где не используется прямой образ животного, но присутствует лексическая отсылка к определённому живому существу.

Религиозная сфера жизни человека разнообразно отражается во фразеологических фондах русского и чешского языков. Базовой является оппозиция светлых и темных сил, выраженная соответственно лексемами *Христос* и *черт*: Как *у Христа за пазухой*; *Черт дернул за язык*. Естественно, что счастье ассоциируется с божественным началом, а несчастье провоцируют представители дьявольского мира. Важно отметить, что значительный пласт фразеологических единиц базируется на представлениях о душе и греховной природе человека, которая мешает обрести вечную жизнь в будущем: *Как на грех*; *Брать/взять грех на душу*; *Вымотать всю душу*; *Падать духом*. Неприятности, нежелательные события могут опосредованно соотноситься с христианскими воззрениями. Например, как во фразеологизме *Вымотать всю душу* уже не прослеживается религиозная суть, поскольку душа рассматривается с психологической точки зрения, на что указывает общее значение исследуемой единицы.

В чешском языке аналогичное лексическое наполнение. Благоприятная, гармоничная жизнь расценивается как дар свыше: *Jako v boží dlaní* ((Жить) как в божьей ладони). Более того, божественные силы репрезентируются как защита от несчастливых моментов: *Až bůh brání* (Так, что господь препятствует). Однако в отличие от русского языка в чешском находим персонализированные конструкции, сущность которых заключается в наличии грамматических форм, «стирающих» безличность: *Čert mi to byl dlužen* (Мне это черт был должен). Появление местоимения *mi* в данном примере говорит о критической оценке собственных действий.

Отметим, что в обоих языках присутствуют идентичные конструкции с компонентом *как* (рус.) и *jako* (чеш.), но если в русском фразеологизме *Как на грех* значение сравнения «сливается» с другими элементами, то в чешском варианте оно прослеживается ясно.

Природные образы, участвующие в формировании семантики фразеологизмов, отражают многообразие явлений окружающего мира и

репрезентируются при помощи следующих лексических единиц: *гора, вода, камень, солнце, небо, пропасть* и т.д. При этом в основу фразеологизма могут быть положены разные аспекты представлений о том или ином природном объекте. Например, рассмотрим фразеологические единицы *Как будто гора с плеч свалилась* и *Идти в гору*. В первом случае сравнительная конструкция основывается на гиперболизации и учитывает физические характеристики горных массивов; во втором – образ горы не является центральным, поскольку важен сам факт восхождения человека на возвышенную поверхность, что в целом характеризует удачу в достижении поставленной цели.

Отдельно следует выделить образы небесных объектов: *Место под солнцем; Родиться под счастливой звездой*. С грамматической точки зрения подобные сочетания с предлогом *под* имеют значение «находиться внизу какого-либо объекта», но в рассматриваемых фразеологизмах происходит некое переосмысление. Значимы именно традиционные народные знания носителей языка о звезде как божественном символе, влияющем на судьбу человека; о солнце как метафорическом образе возрождения и жизни.

Для чешского народного сознания также свойственны приемы гиперболизации для обозначения большого несчастья: *Bouřka se snesla na jeho hlavu* (*Буря обрушилась на его голову*). За основу в данном случае взято стихийное природное явление, несущее разрушение и страх для всего живого, что с точностью характеризует несчастное событие, произошедшее в жизни человека. Счастливая жизнь наоборот ассоциируется с приятными моментами в живой природе: *Kvete ti pšenice* (*У него цветет пшеница*). При этом выбор падает на важное с сельскохозяйственной точки зрения растение.

Подводя итог, необходимо отметить, что в результате проведенного анализа удалось выявить ряд общих и отличительных черт в мировоззрении сравниваемых этнических групп. Среди сходных можно назвать расценивание счастья как проявления божьей благодати и милости, а несчастья как последствия дьявольского влияния на человеческую жизнь. Кроме того, прием гиперболизации пользуется особым успехом при формировании как русских, так и чешских фразеологизмов. Отличия в картине мира выявлены в рамках группы с зооморфными образами: представители чешского этноса фокусируют внимание на счастливых моментах жизни, русского народа – на несчастливых событиях. С позиции языковых средств важно отметить наличие личных местоимений, выполняющих уточняющую функцию: *na jeho, ti*. В русском языке такая своеобразная черта не обнаруживается.

Список литературы

1. Гураль С.К. Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения // Язык и культура. 2008. №1. С. 14-21.
2. Бобрышева Л.К. Фразеологизмы как отражение национально-культурной экзистенциальной картины мира // Научная мысль Кавказа. 2007. №4. С. 86-91.
3. Кургузенкова Ж.В. Лингвистические особенности реализации бинарной оппозиции «Счастье / несчастье» во французской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2-1 (80). С. 96-99.
4. Кандыбина А.В. Специфика отражения этнического мировоззрения в поговорках русского и чешского языков в рамках универсальной антинимии "свое-чужое" // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 185-189.
5. Булычев И.И. О счастье как философской категории // Вестник ТГУ. 1998. №4. С. 25-27.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 8.81

Колобаев В.К., Сеницына Т.А. Именные препозитивные словосочетания в стиле научной литературы

Колобаев Виктор Константинович

канд. филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
РФ, г. Санкт-Петербург
vkolobaev@mail.ru

Сеницына Татьяна Анатольевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
РФ, г. Санкт-Петербург
vkolobaev@mail.ru

Nominal prepositive phrases in the style of scientific speech

Kolobaev Viktor Konstantinovich

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov
Russian Federation, St. Petersburg

Sinitsyna Tatyana Anatolyevna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об именных препозитивных словосочетаниях в научной речи. Описываются результаты проведенного исследования, которое позволило выявить наиболее частотные модели многокомпонентных терминологических словосочетаний. Исследование проводилось на материале современных научных публикаций в англоязычных научных медицинских журналах. Были определены разделы статей, в которых наиболее распространены различные виды терминологических словосочетаний. Также в работе описывается семантико-синтаксическое наполнение различных моделей многокомпонентных словосочетаний, способы и причины их образования, указываются тенденции развития медицинской терминологии. Авторы указывают трудности, с которыми сталкиваются студенты при изучении английского языка, связанные с восприятием и правильным пониманием многокомпонентных терминологических словосочетаний.

Ключевые слова: многокомпонентные атрибутивные словосочетания, научная медицинская литература, восприятие, научный стиль речи, преподавание иностранных языков.

Abstract. The article deals with the issue of nominal prepositive phrases in scientific speech. The results of the study, which made it possible to identify the most frequent models of multicomponent terminological phrases, are described. The study was performed on the material of modern scientific publications in English-language scientific medical journals. Sections of articles were identified in which various types of terminological phrases are most common. The paper also describes the semantic-syntactic content of various models of multicomponent phrases, the methods and reasons for their formation, indicates the trends of development of medical terminology. The authors indicate the difficulties that students face when learning English, related to the perception and correct understanding of multicomponent terminological phrases.

Keywords: multicomponent attributive phrases, scientific medical literature, perception, scientific style of speech, teaching foreign languages.

Вопрос о словосочетании привлекал и продолжает привлекать внимание многих отечественных и зарубежных лингвистов, которые исследуют различные аспекты этого явления и высказывают разные мнения относительно роли этой единицы в языке и речи. В русской и советской лингвистике словосочетание изучали Ф.Ф. Фортунатов, В.В. Виноградов, В.Н. Ярцева, А.И. Смирницкий, Б.А. Ильин, Л.С. Бархударов, В.В. Бурлакова, Л.И. Зильберман и др. В зарубежной лингвистике одним из первых обратил внимание на словосочетание Л. Блумфильд в своей известной книге “Язык”. Словосочетание исследовали также О. Есперсен, Ю. Найда, Ч. Хоккет, Б. Стрэнг и другие. Однако несмотря на то, что словосочетанию уделялось и уделяется достаточно много внимания со стороны исследователей, оно изучено, по справедливому замечанию Л.И. Зильберман, значительно хуже, чем предложение или слово [2, с.70]. Действительно, в настоящее время нет подробных описаний моделей словосочетаний, их структурных особенностей и особенностей функционирования, не выявлены или недостаточно выявлены семантико-синтаксические отношения внутри словосочетаний, не разработана их типология в разных языках. А между тем еще Г.Г. Почепцов отмечал, что на уровне словосочетаний проявляются различия между языками, выявляются единицы несоответствия между ними [7, с.12].

Изучением словосочетаний в пределах отдельных языков и в плане их сопоставления занимается достаточно молодая, но, как представляется, достаточно перспективная наука – синтаксическая семантика, минимальной единицей исследования которой является словосочетание.

Необходимо отметить, что словосочетание является двусторонней единицей, включенной в дихотомию “язык – речь”, и может рассматриваться как в синтагматическом (речь), так и парадигматическом (язык) плане. Вероятно, в этой двусторонней соотнесенности и кроются многие особенности словосочетания. Как

правило, все исследователи не проводят различия между словосочетаниями языка и речи. Но именно в этом разграничении, как представляется, заключаются существенные возможности дальнейшего изучения словосочетания и прогнозирование развития языка в целом.

В настоящей статье проводится анализ словосочетаний в стиле научного изложения. Поскольку все словосочетания были выделены из научных текстов, то в данном случае их следует рассматривать как единицы речи в ее письменной разновидности. Таким образом, цель настоящего исследования – провести анализ словосочетаний в речи научного общения, выявить некоторые лексико-статистические характеристики словосочетаний в научном тексте.

Стиль научного изложения достаточно консервативен, так как каждая статья или монография подвергаются редакторской правке в соответствии с установившимися нормами в языке науки. Именно поэтому для научной речи характерны штампы, определенные грамматические конструкции, лексические обороты. Вместе с тем именно в стиле научного изложения прежде всего прослеживаются основные направления развития языка и речи, которые затем проникают в общелитературный язык. Причина этого в большом количестве научных публикаций, в возрастании заинтересованности населения различными научными вопросами, в повышении общей эрудиции взрослого населения, в результате чего определенные речевые изменения переходят в языковые, реализуется закон диалектики: количество переходит в качество. Критерием того, что явление речи перешло в явление языка следует считать его закрепление в словарях или справочниках или частое употребление в профессиональном общении и научных публикациях. Так, например, в 70-х годах прошлого века в физиологии появилось сочетание *leucetin releasing factor*. Первоначально это был окказионализм или синтагматическая (т.е. речевая) единица, просочившаяся в профессиональную речь. Затем достаточно быстро в профессиональной речи физиологов появились словосочетания, образованные по аналогии с указанным: *hormone releasing factor*, *gastrin inhibiting releasing factor* и др. Это свидетельствует о широком распространении данной речевой модели и ее постепенном переходе из речевых или индивидуальных средств общения в языковые или общепринятые. Более того, эта модель оказалась настолько удобной, что она практически без изменений была заимствована в русский язык. Так, уже в книге П.К. Климова «Функциональные взаимосвязи в пищеварительной системе» [5] встречаются термины типа: «гастрин релизинг фактор», «лейцин ингибирующий релизинг фактор» и др. Это еще раз подтверждает

становление и распространение новой языковой модели, поскольку из речи в язык, как правило, заимствуются только языковые явления, получившие широкое распространение в профессиональном общении и позволяющие дальнейшее развитие и наполнение данной модели новым содержанием.

Однако далеко не все окказионализмы или синтагмы переходят в разряд языковых средств научного изложения. Для этого они должны соответствовать таким требованиям, как точность, краткость, удобство в общении, легкость наполнения языковой модели новым речевым содержанием. Для прогнозирования языка научного общения, а также для целей обучения студентов иностранному языку в рамках подязыка специальности большую помощь может оказать статистическая лингвистика или лингвостатистические исследования.

В последние годы наметилась тенденция к более широкому использованию именных беспредложных многокомпонентных определительных словосочетаний в английской научной литературе. В 1979 году В.В. Шадрова [9] провела исследование особенностей функционирования и качественного состава двукомпонентных терминологических словосочетаний в языке науки. Автор выявил тенденцию роста количества таких словосочетаний в отдельных публикациях. В настоящее время можно говорить о дальнейшем развитии этой тенденции и ее распространении на трех-, четырех- и более компонентные словосочетания. Объясняется эта тенденция следующими факторами. Язык науки, как уже говорилось, консервативен и стремится к сохранению уже сложившихся понятий. Но очень часто эти понятия по мере развития научного знания становятся обобщенными и требуют уточнения и конкретизации.

Чтобы избежать введения нового термина, исследователи прибегают к уточнению старого, уже существующего и закрепившегося в языке науки, применяя для этого различные определения, что ведет к возникновению многокомпонентных терминологических и нетерминологических словосочетаний. Поскольку прогресс в области научного познания в настоящее время идет достаточно быстро, то, соответственно, и количество многокомпонентных словосочетаний резко возрастает.

Однако имеются и другие точки зрения на причины увеличения количества многокомпонентных словосочетаний в языке науки. Так, например, Л.Б. Ткачева считает, что по мере усложнения науки сложнее должны становиться и языковые средства, обозначающие новые понятия, предметы и явления [8, с. 332] Это утверждение не представляется бесспорным, поскольку и в настоящее время

появляется много однокомпонентных терминов, обозначающих сложные и очень сложные явления, приборы, понятия. Например: barograph, oncograph, etc.

В основном считается, что возрастание числа сложных терминологических и нетерминологических образований в языке научной литературы способствует экономии языковых средств и сжатости изложения, которые осуществляются за счет многокомпонентных образований.

Атрибутивные многокомпонентные словосочетания представляют собой сложную единицу в структурном и семантическом отношении. Атрибутивная связь – неотъемлемая черта любого развитого языка, обслуживающего развитое мышление [2, с. 15]. Такой язык должен иметь богатую, сложную и разнообразную систему определений, которая дает возможность передавать сложные понятия и суждения, развернутые характеристики лиц и явлений, без чего не может существовать ни один устный или письменный текст, ни одно научное сочинение.

Категория атрибутивности в английском языке характеризуется практически всеми особенностями, свойственными этой категории, как основной единицы. Однако отмечается целый ряд черт, определяемых общими типологическими особенностями английского языка, как языка аналитического строя, в отличие, скажем, от русского языка, как языка синтетического строя. Проявлением этой особенности является широкое распространение именных атрибутивных словосочетаний типа: stomach ache, liver disorder, heart ventricle tachycardia, то есть $N_1 + N_2 + \dots + N_n$, в которой компоненты объединяются логико-семантическими связями в отсутствии выраженной эксплицитной связи.

В данной работе было проведено качественно-количественное исследование многокомпонентных беспредложных атрибутивных именных словосочетаний в стиле научного изложения. Именные беспредложные многокомпонентные атрибутивные словосочетания были выбраны потому, что, как известно, научный стиль речи имеет именной характер и, кроме того, при работе с научными текстами и при обучении студентов иностранным языкам (в данном случае английскому) именно беспредложные словосочетания вызывают наибольшие затруднения при осмыслении текста и его переводе на русский язык.

Первоначально в ходе анализа путем сплошной выборки было выписано 1642 словосочетания. Затем в ходе дальнейшей работы одинаковые словосочетания, встречавшиеся в пределах одной статьи, были отброшены и в ходе дальнейшего количественного анализа не принимались во внимание. Таких словосочетаний оказалось 545. В результате такого отбора осталось 1097 разных словосочетаний.

Такой метод количественного анализа позволил определить коэффициент рекуррентности как в пределах отдельных текстов, так и во всем обследованном массиве. Общий коэффициент рекуррентности оказался равным 0,33. Коэффициент внутритекстовой рекуррентности оказался в пределах от 0,22 до 0,40. Полученные на этом этапе анализа данные позволяют предположить, что, вероятно, существует какой-то предел, ниже и выше которого коэффициент рекуррентности не бывает.

Представляется, что это связано с особенностями оперативной памяти и восприятия, когда избыток новых словосочетаний в тексте непосредственным образом влияет на их восприятие и осознание. Это предположение нуждается в экспериментальном подтверждении.

На следующем этапе исследования был проведен количественный анализ 2-х, 3-х, 4-х и т.д. многокомпонентных словосочетаний.

В ходе анализа были получены следующие данные;

2-х компонентные словосочетания	614
3-х компонентные словосочетания	322
4-х компонентные словосочетания	111
5-и компонентные словосочетания	43
6-и компонентные словосочетания	2
7-и компонентные словосочетания	1

Полученные данные показали абсолютное преобладание двухкомпонентных словосочетаний в стиле научного изложения. Это подтвердило вывод Э.П. Шубина, который отметил, что “в субъязыках отдельных отраслей науки преобладание двухсловных рекуррентных синтагм над окказиональными видно «простым глазом» [10, с.70].

Теоретически количество определений при одном существительном не ограничено. Как показал проведенный анализ, самыми распространенными являются 2-х - 4-х компонентные атрибутивные словосочетания. Более длинные цепочки, состоящие из 5-8 единиц, встречаются относительно редко. Кроме того, следует отметить, что в исследованном материале максимальное количество элементов, входящих в именованное атрибутивное словосочетание, составило 8. Вероятно, здесь можно усмотреть связь с “магическим числом 7 ± 2 ” Дж. Миллера [6], а также с гипотезой глубины Ингве [4].

И.Г. Ильина считает, что количество элементов в составе словосочетания зависит от различных типов связей, существующих в пределах таких словосочетаний. Автор выделяет координативную связь, субординативную связь, аппозитивную связь

и особый вид связи, отмечающейся в словосочетаниях типа *blood cell membrane* [З, с.223]. Хотя рассуждения автора вполне логичны, все же представляется, что далеко не во всех случаях можно провести такой анализ, какой проводит И.Г. Ильина. Когда речь идет о синтагмах, образованных общенаучным и общелитературным существительным, метод И.Г. Ильиной вполне применим и может дать положительные результаты. (Данный метод заключается в возможности или невозможности опущения одного из элементов синтагмы без ущерба для общего смысла высказывания и структуры предложения). Однако, если взять какое-нибудь возникающее в речи терминологическое словосочетание типа *toxic shock syndrome*, то исходя из структурной точки зрения, можно опустить сначала 1-й элемент синтагмы, а затем второй, однако, если исходить из структуры, содержания и смысла, то делать этого не следует. При анализе любых словосочетаний нельзя забывать о семантике элементов и, может быть, за основу анализа следует брать именно семантическое содержание, а не структурный компонент. Кроме того, выводы автора о зависимости числа компонентов от типа связи в настоящем исследовании подтверждены не были.

В ходе дальнейшего исследования были рассмотрены модели речевых многокомпонентных словосочетаний. Среди двухкомпонентных словосочетаний было выявлено 7 моделей, ведущей среди которых была модель A+N. На втором месте по количественному использованию идет модель N+N, затем $V_{ed}+N$ и $V_{ing}+N$.

Среди трехкомпонентных словосочетаний была зарегистрирована 31 модель, при ведущем положении модели A + N + N (80), затем следует модель A + A + N (73) и модель N + N + N (50).

Четырехкомпонентные словосочетания были представлены в проанализированном материале 40 моделями, среди которых преобладали три модели: A + A + A + N (16), A + N + N + N (11) и A + A + N + N (10).

Пятикомпонентные словосочетания дали 21 модель. Какого-либо существенного преобладания одной из моделей выявить не удалось. Можно отметить несколько большую встречаемость по сравнению с другими моделями модели A + N + A + N + N и A + A + A + N + N, A + A + N + N + N. Однако из данного материала нельзя судить об их преобладающем использовании в стиле научной речи по сравнению с другими пятикомпонентными моделями.

Что касается шести-, семи- и восьмикомпонентных моделей, то их встречаемость оказалась достаточно низкой (2, 2, 1 соответственно) и все модели были индивидуальными.

Среди всех проанализированных моделей наибольший интерес представляют словосочетания, состоящие из цепочек имен существительных, независимо от их количественного компонентного состава. Подобные словосочетания, состоящие из цепочек имен существительных, наиболее трудны для восприятия и осмысления. Они достаточно широко представлены среди всех проанализированных моделей и, как можно предположить, намечается тенденция к их более широкому количественному использованию.

Так, например, наряду с привычным и общепринятым словосочетанием *environmental pollution* все более часто можно встретить в специальной литературе *environment pollution*, которое постепенно вытесняет из профессиональной речи первое из приведенных словосочетаний. Вероятно, это результат дальнейшей номинализации стиля научного изложения. Кроме того, небезынтересно отметить, что в процессе проведенного анализа ни разу не была зарегистрирована модель N's + N, которая также оказалась вытесненной моделью N + N.

Понятно, что с увеличением числа компонентов, входящих в состав словосочетаний, количество моделей может увеличиваться за счет комбинации входящих элементов. Так, если в процессе анализа количество моделей двухкомпонентных словосочетаний было всего 7, то среди трехкомпонентных было зарегистрировано 32, а четырехкомпонентных – 41. В тоже время среди пятикомпонентных словосочетаний количество моделей снизилось до 21. Вероятно, это результат количественного уменьшения использования пяти- и более компонентных словосочетаний и логико-психологических трудностей их построения и восприятия.

Следующим этапом анализа было выявления коэффициента межтекстовой корреляции. С этой целью отбирались, подсчитывались и исключались из дальнейшего анализа словосочетания, построенные по одной модели и имеющие одинаковое семантическое наполнение, т.е. состоящие из одинаковых элементов. Этот коэффициент оказался равным 0,05. Такой низкий коэффициент межтекстовой корреляции объясняется тем, что речь всегда индивидуальна, а каждый говорящий или пишущий даёт свое наполнение существующим моделям. В числе повторяющихся словосочетаний оказались нейтральные, неиндивидуализированные словосочетания типа: *this method, the obtained results, recently performed experiment*. Всего среди всех выписанных словосочетаний в различных текстах повторялось 55 словосочетаний, образованных по различным моделям и с разным количеством составляющих элементов.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Самыми распространенными в современном стиле научного изложения являются двухкомпонентные словосочетания с именем собственным в препозиции. Семантическое содержание таких словосочетаний весьма разнообразно и развертывается линейно. При этом наиболее существенное значение передается самым первым элементом (местоимения не учитываются). Последующие компоненты передают родо-категориальные значения и не могут индивидуализировать предмет или явление, о которых идет речь.

Особый интерес представляют двух- и более компонентные словосочетания, образованные по модели $N + N + N + \dots + N$. Здесь следует выделить два основных случая. Первый, наиболее трудный для восприятия и интерпретации, представляет собой линейное наполнение конструкции семантическим содержанием. Например: *skin disease, Kerning sign, bacteria microflora*, и др.

Второй, вызывающий наибольшие трудности при чтении и осмыслении прочитанного, включает так называемое инвертированное семантическое наполнение указанной модели. Это такие случаи, когда иноязычное словосочетание строится не по логике русского языка, а в обратном инвертированном порядке. В качестве примера можно привести такие словосочетания, как *environment pollution, fasting blood level, 13 residue gastrin polypeptide hormone*, и др. Помимо того, чтобы правильно понять и осмыслить такие словосочетания, их еще необходимо правильно сегментировать, не разрывать на части, а рассматривать как одно словосочетание. Это вызывает особые трудности при изучении иностранного языка, а также при переводе текста с одного языка на другой. Проведенный анализ ошибок, допущенных студентами при переводе экзаменационных текстов, показал, что на долю словосочетаний, образованных по модели $N + N + \dots + N$ приходится большая часть неточностей в понимании текста и отдельных предложений. Это объясняется отсутствием формальных показателей зависимости компонентов словосочетания друг от друга (в русском языке такими показателями служат флексии). Даже простейшее словосочетание с несовпадающим в двух языках – русском и английском – логическим следованием компонентов могут вызвать и, как показали наблюдения, вызывают затруднения при восприятии и, главное, при понимании и переводе. Например, *health protection, water pollution*, не говоря уже о таких словосочетаниях, как *blood level sugar reduction*. Поэтому при обучении студентов работе с иноязычным текстом или при переводе с одного языка на другой особое внимание следует уделять многокомпонентным словосочетаниям, обладающим автокомбинаторикой (термин

В.В. Бурлаковой [1]). Однако, как отмечает В.В. Бурлакова несмотря на то, что автокомбинаторика группы $N + N$ исследовалась мало, многие построения этих структур остаются невыясненными. Действительно, даже отобранный для данного анализа сравнительно незначительный материал показывает большое количество типов $N + N$ сочетаний, по мере увеличения компонентов словосочетаний количество типов возрастает, а закономерности не прослеживаются. В качестве препозитивного определения могут выступать и абстрактные существительные, и конкретные существительные, и имена собственные, и глагольные формы. При многокомпонентном словосочетании типа $N + N + \dots + N$ возможны самые разнообразные комбинации. Вероятно, точное определение типологии построения таких словосочетаний затрагивает как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, поскольку лингвистический анализ не позволяет прийти к какому-либо определенному выводу относительно следования компонентов в таких словосочетаниях.

Следует также отметить, что в атрибутивных препозитивных словосочетаниях реализуется общая тенденция английского языка к экономии средств выражения, основным проявлением которой является перенос некоторых структурно-семантических элементов текста, используемых в качестве текстообразующих средств, в область имплицитного выражения. Это, с одной стороны, ведет к сокращению текста и используемых языковых средств, но с другой – требует дополнительных умственных затрат со стороны читающего, необходимых для определения семантико-синтаксической структуры таких словосочетаний и логико-структурных отношений внутри них.

Наименее выражена имплицитно синтаксическая связь в моделях $N + N + \dots + N$, вероятно, именно поэтому при их восприятии возникают наибольшие трудности, так как требуется восстановление пропущенных структурных элементов, их имплицитно-эксплицитный анализ.

В заключение следует отметить, что проблема словосочетаний в языке и речи еще далека от своего решения, имеется немало вопросов, ответы на которые могут способствовать совершенствованию процесса обучения иностранным языкам, выбору оптимальной единицы обучения и восприятия.

Список литературы

1. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка. – Л.: ЛГУ, 1984. – 112 с.
2. Зильберман Л.И. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы. – М.: Наука, 1988. – 156 с.
3. Ильина И.Г. О структурном определении субстантивной конструкции типа cell membrane в английском языке // Научная литература. Язык, стиль, жанры. – М.: Наука, 1985. – С. 223-231
4. Ингве В. Гипотеза глубины // Новое в лингвистике. Вып.4. М.: Прогресс, 1965. – С. 126-139
5. Климов П.К. Функциональные взаимосвязи в пищеварительной системе. - Л.: Наука, 1976. – 231 с.
6. Miller G. Plans and the structure of behavior. Language тииро and perception/ - Cambridge, 1976. – с. 564 – 581.
7. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложений. – Киев: Вища школа, 1971. – 191 с.
8. Ткачева Л.В. Об одном продуктивном способе терминообразования в английском языке. // Научная литература. Язык, стиль, жанры. – М.: Наука, 1985. – С. 329-334.
9. Шадрова В.М. Структурно-семантическая характеристика бинарного терминологического словосочетания. – АЛД. – Л.: ЛГУ. – 18 с.
10. Шубин Э.П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М.: Просвещение, 1972. – 350 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 811.581.11

Дуданов Т.В. Трудности в составлении предложений с лексическими синонимами и синонимичными конструкциями (на примере китайского языка)

Дуданов Тимофей Васильевич

студент 5 курса специальности «Перевод и переводоведение (специалитет)»
Российский государственный гуманитарный университет, РФ, г. Москва
tdudanov@mail.ru

Difficulties in making sentences with lexical synonyms and synonymical constructions (in Chinese)

Dudanov Timofey Vasilyevich

5th year student of the specialization "Translation and Translation Studies (Specialist Degree Program)", Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу синонимов. Основное содержание исследования составляет анализ неполных синонимов, то есть слов и конструкций с разными оттенками смысла. В качестве объектов исследования выбраны ошибочные предложения с употреблением семантических синонимов русскоговорящими. В статье рассматривается близость как слов, так и конструкций. В качестве цели анализа выбрано рассмотрение неточностей в использовании семантических синонимов русскоязычными студентами и слушателями, а в качестве исследовательской задачи автором была определена попытка доказать правильность предварительно указанных вариантов исправления предложений посредством словарного и комплексного анализа. Ожидаемый результат исследования заключается в полноценном учёте возможных трудностей в использовании близких по смыслу слов и конструкций, отличающихся оттенками смысла, с точки зрения разных критериев ошибочности.

Ключевые слова: китайский язык, лексические синонимы, синонимичные конструкции, ошибочные предложения, русскоговорящие

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of synonyms. The main content of the research is concerned with the analysis of quasi-synonyms, which include words and constructions with different connotations. Incorrect sentences with semantic synonyms, used by Russian speakers, were chosen as objects of the research. It is spoken about the close meaning of both words and constructions. The main idea of the analysis is to consider inaccuracies in using of semantic synonyms by Russian-speaking students and listeners. The author's task was to make an attempt to prove the accuracy of given variants to correct sentences through dictionary and a complex analysis. The following conclusion consists of taking into account possible issues in using words and constructions, which are close in meaning, but have different shades of meaning from the point of view of different criteria of inaccuracy.

Keywords: the Chinese language, lexical synonyms, synonymical constructions, incorrect sentences, Russian speakers

Введение

Изучение синонимов вызывает наибольшие сложности как у носителей, так и у неносителей языка. В словаре Д. Э. Розенталя утверждается, что синонимы — это слова, близкие или одинаковые по значению, которые выражают одно понятие [7]. Они бывают как полными, так и неполными. Среди неполных синонимов наибольшую трудность вызывают семантические, то есть слова с разными оттенками смысла [1, с. 54]. Однако под термином «синонимы» имеются в виду лексические синонимы, которые подразумевают близость слов. Не стоит игнорировать также идентичность по смыслу фраз, что именуются Д. Э. Розенталем как синонимические конструкции (синонимичные конструкции). Это конструкции, близкие по значению, но различные по структуре, в которых смысл выражен единицами одного и того же синтаксического уровня [7]. В китайском языке неполные лексические синонимы именуется как 近义词 jìnyuǐcí, а неполные синонимичные конструкции — как 近义词短语 jìnyuǐ duǎnyǔ.

Цель исследования заключалась в рассмотрении неверных предложений с употреблением китайских синонимов русскоговорящими. В качестве предмета исследования выбраны смысловые (семантические) синонимы. В статье исследуются случаи ошибочного использования синонимов на уровне лексем и на уровне конструкции.

Отбор предложений осуществлялся в Институте Конфуция и университетах Китая. Всего в статью входят 8 наиболее репрезентативных примеров, вызвавших наибольшие трудности в выборе верного варианта синонимичного слова или синонимичной конструкции. Более же распространённые примеры ошибок в употреблении синонимов ранее исследовались, например, в [2, с. 34–48], и большая их часть зафиксирована в словарях синонимов, поэтому они мало интересны для анализа. В этом и заключается научная новизна статьи. Рассмотренные предложения распределены по 4 критериям ошибочности: обобщённое и узкое значение; лица и нелица; субъективность и объективность; структура.

Для исследования лексических синонимов и синонимичных конструкций, а также выявления причин их ошибочного употребления были использованы такие источники, как словари и корпуса китайского языка. В число словарей входят «Словарь современного китайского языка» («Сяньдай ханьюй цыдянь») [8] и словарь «Синьхуа» [9]. В качестве корпусов китайского языка выбраны корпус ВСС [10], а также корпус zhTenTen из коллекции Sketch Engine (версия 2017 года) [11]. Теперь необходимо дать характеристику этих корпусов.

Корпус ВСС включает в себя материал из художественной литературы, газет, диалогов, научных статей и классического китайского языка (вэньяня). Основными источниками отбора материала являются «Народная газета» («Жэньминь жибао»), «Фуцзяньская газета» («Фуцзянь жибао») и гонконгская газета Wen Wei Po, а также научные журналы и социальная сеть Weibo [3, с. 168; 4, с. 133]. Корпус zhTenTen является частью огромного лингвистического корпуса Sketch Engine. В нём предоставляется возможность задать определённое число знаков и вывести коллокации [5, с. 191]. В корпус включён раздел Word Sketch Difference («сравнение скетчей»), который позволяет понять отличия в употреблении двух близких по значению слов на частотность употребления [6, с. 111].

В отобранных предложениях для слов и конструкций даны варианты замены преподавателем-носителем ошибочно подобранного слова или фразы семантическим синонимом, а цель дальнейшего исследования заключается в разъяснении неверности самих предложений и выборе другого близкого по смыслу слова или конструкции.

Возможно, суждение носителя при исправлении предложений не является абсолютным, так как человек, владеющий языком с рождения, также может ошибаться и иметь вкусовые предпочтения. Тем не менее все исправленные примеры были сверены с другими преподавателями-носителями, которые подтвердили правильность выбора слова или фразы.

1. Обобщённое и узкое значение

Пример предложения с неверным употреблением лексического синонима:

(1.1)

*他	在	进行	政治
*Tā	zài	jìnxíng	zhèngzhì
з	PRG	ПРОВОДИТЬ	ПОЛИТИКА
计策,	以	全面	满足
jìcè,	yǐ	quánmiàn	mǎnzú
ПЛАН	ЧТОБЫ	ПОЛНОСТЬЮ	УДОВЛЕТВОРИТЬ
市民	的	需求。	
shìmín	de	xūqiú.	
ГОРОЖАНИН	ATR	ПОТРЕБНОСТИ	

Исправление преподавателя-носителя:

他	在	进行	政治
策略,	以	全面	满足
cèlùè,			
ПЛАН			
市民	的	需求。	

Он в данный момент реализует политические **амбиции** (политический **план**) для полного удовлетворения потребностей горожан.

Для начала необходимо посмотреть на дефиниции слов в «Словаре современного китайского языка»:

计策 jìcè: 为对付某人或某种情势而预先安排的方法或策略 — *изначально организованный способ или план для нужд людей или обстановки* [8]

策略 cèlùè: 1) 根据形势发展而制定的行动方针和斗争方式 — *установленные способы ведения действий и борьбы в соответствии с обстановкой (букв. «развитием обстановки»)* [8]

Лексические синонимы 计策 и 策略 (план) идентичны по смыслу. Они оба указывают на определённый замысел. Однако во втором случае употребляется слово 发展 fāzhǎn (развитие), поэтому слово 策略 используется в более узком смысле, нежели 计谋.

Вывод

В ошибочном примере используется пояснение цели реализации политического плана: для удовлетворения потребностей (满足需求 mǎnzú xūqiú). При этом глагол 满足 (удовлетворять) оформляется наречием 全面 quánmiàn (полностью). Соответственно, это даёт большее подтверждение того, что в предложении скорее уместно использовать слово в узком смысле, а не в обобщённом, то есть 策略, а не 计策. Корпусный анализ в данном случае не пригодился.

Пример предложения с неверным употреблением синонимичной конструкции:

(1.2)

*基本上,	写	测试	时
* Jǐběn shang,	xiě	cèshì	shí
ВООБЩЕ	ПИСАТЬ	ТЕСТ	КОГДА
不	可以	看	手机,
bù	kěyǐ	kàn	shǒujī,
НЕ	МОЖНО	СМОТРЕТЬ	МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН
但是	如果	你	突然
dànshì	rúguǒ	nǐ	tūrán
НО	ЕСЛИ	2	ВДРУГ
忘	了	一个	汉字,
wàng	le	yí.ge	hànzì,
ЗАБЫВАТЬ	PERF	ОДИН.CL	ИЕРОГЛИФ
可以	用	手机。	
kěyǐ	yòng	shǒujī.	
МОЖНО	ИСПОЛЬЗОВАТЬ	МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН	

Исправление преподавателя-носителя:

原则上,	写	测试	时
Yuánzé shang,			
ВООБЩЕ			
不	可以	看	手机,
但是	如果	你	突然
忘	了	一个	汉字,
可以	用	手机。	

Вообще во время теста нельзя подглядывать в телефон, но если ты вдруг забыл один иероглиф, то можно воспользоваться.

Следует обратить внимание, что выделенные конструкции не прогlossированы по отдельности, так как эта задача выполняется в ходе дальнейшего словарного анализа. Для рассмотрения синонимичных конструкций был выбран словарь

«Синьхуа». Это связано с тем, что конструкции практически не фиксируются в словарях слов (например, «Словаре современного китайского языка»), следовательно, в таком случае следует проверять значения отдельных компонентов, что как раз возможно сделать благодаря словарю «Синьхуа»:

基本上 jīběn shang

基 jī: 1) 最下面的, 根本的 — *самый нижний, основной* [9]

本 běn: 1) 事物的根源 — *основа предмета* [9]

上 shang/shàng: 6.4) 表示方面 — *указывает на сторону, сферу* [9]

原则上 yuánzé shang

原 yuán: 2) 原来, 本来 — *ранее, изначально* [9]

则 zé: 2) 规则, 制度, 规程 — *правила, система, установления* [9]

上 shang/shàng: 6.4) 表示方面 — *указывает на сторону, сферу* [9]

Буквальные переводы конструкций:

基本上 — «в сфере основной основы»

原则上 — «в сфере изначальных правил»

В выражении 基本上 jīběn shang (вообще) акцентируется внимание на основе, а в 原则上 yuánzé shang (вообще) — на изначальных правилах.

Семантика данных фраз прослеживается при рассмотрении употребления обоих выражений в корпусе.

В качестве дополнительного параметра выберем обозначение знака препинания перед фразой (w), чтобы она стояла в начале предложения, как это происходит в примере (1.2), а также запятую после фразы, как в исходном предложении:

w 基本上, :

1a)

基本上,	他们	两个	是
Jīběn.shang,	tāmen	liǎng.ge	shì
ОСНОВА.LOC	3.PL	ДВА.CL	СОР
属于	完全	不同	世界
shǔyú	wánquán	bùtóng	shìjiè
ПРИНАДЛЕЖАТЬ	ПОЛНОСТЬЮ	НЕОДИНАКОВЫЙ	МИР
的	人.....		
de	rén...		

ATR

ЧЕЛОВЕК

Вообще (букв. «В сфере основной основы») они оба имеют абсолютно разное мировоззрение. [10]

1б)

基本上,

人

都

是

Jīběn.shang,

rén

dōu

shì

ОСНОВА.ЛОС

ЧЕЛОВЕК

ВСЕ

СОП

比较

诚实

的.....

bǐjiào

chéngshí

de...

СРАВНИТЕЛЬНО

ЧЕСТНЫЙ

ATR

Вообще (букв. «В сфере основной основы») люди довольно честные. [10]

Выражения 基本上 и 原则上 передают разный смысл в предложении. 基本上 употребляется для обозначения природных качеств человека, которые не зависят от него самого и на которые невозможно оказать влияние. Именно поэтому эта фраза имеет обобщённое значение. Например, человеческое мировоззрение зачастую формируется с рождения и остаётся на всю оставшуюся жизнь. Кроме того, люди честны по природе, независимо от правил.

w原则上, :

2a)

原则上,

中方

教练组

的

Yuánzé.shang,

zhōng.fāng

jiàoliàn.zǔ

de

ПРИНЦИП.ЛОС

КИТАЙ.СТОРОНА

ТРЕНЕР.ГРУППА

ATR

成员

必须

要

年轻。

chéngyuán

bìxū

yào

niánqīng.

ЧЛЕН

ДОЛЖЕН

НАДО

МОЛОДОЙ

Вообще (букв. «В сфере изначальных правил») члены команды китайских тренеров должны быть молодыми. [10]

2б)	原则上,	要	就	地质
	Yuánzé.shang,	yào	jiù	dìzhì
	ПРИНЦИП.ЛОС	НАДО	СОГЛАСНО	ГЕОЛОГИЯ
	作	一次	调查。	
	zuò	yí.cì	diàochá.	
	ДЕЛАТЬ	ОДИН.СЛ	ИССЛЕДОВАНИЕ	
		(РАЗ)		

Вообще (букв. «В сфере изначальных правил») необходимо провести полномасштабное исследование геологии. [10]

Выражение 原则上 демонстрирует определённые правила, на которые возможно повлиять. Таким образом, фраза обретает более узкое значение, нежели 基本上. Например, в предложении 2а) членам команды лишь рекомендуется быть молодыми для достижения успехов в спорте. В предложении 2б) проведение исследования также не является обязательным. Здесь описан лишь план, от которого любой исследователь может отказаться по субъективным причинам.

Вывод

В примере (1.2) говорится о запрете использовать мобильный телефон во время теста, однако далее указывается, что это правило может быть нарушено, если забыт иероглиф. Следовательно, на это правило можно оказать влияние, а в предложении следует использовать 原则上, а не 基本上.

2. Лица и нелица

Пример предложения с неверным употреблением лексического синонима:

(2.1)	*我	要	和	别人
	*Wǒ	yào	hé	biérén
	1	НАДО	И	ДРУГИЕ ЛЮДИ
	合并	在	一起。	
	hébìng	zài	yìqǐ.	
	ОБЪЕДИНЯТЬСЯ	В	ВМЕСТЕ	

Исправление преподавателя-носителя:

我   要   和   别人
结合   在   一起,
jiéhé

ОБЪЕДИНЯТЬСЯ

*Мне нужно **объединиться** с другими людьми, иначе не добиться успеха.*

Для начала необходимо проверить дефиниции в «Словаре современного китайского языка».

合并 hébìng: 1) 结合到一起 – *объединяться* [8]

结合 jiéhé: 1) 人或事物间发生密切联系 – *возникновение тесных связей между людьми и предметами* [8]

Согласно словарю, глагол 结合 указывает на людей и предметы (лица и нелица). Однако для глагола 合并 не даётся пояснение о том, что именно объединяется. Таким образом, требуется корпусное исследование.

Корпус ВСС

Для определения того, описывает ли глагол действие человека, необходимо использовать существительное, обозначающее лицо, или личное местоимение (параметр *r*):

和 r 合并在一起: 0 вхождений [10]

和 r 结合在一起: 16 вхождений [10]

То же самое можно сделать и со словом 别人 biérén (другие люди), которое дано в предложении:

和别人合并在一起: 0 вхождений [10]

和别人结合在一起: 4 вхождения [10]

Несмотря на то, что количество вхождений немногочисленно, так же, как и в предыдущем случае заметно 0 вхождений с глаголом 合并, что говорит об исключении возможности использования этого слова для «объединения» людей (лиц).

Корпус zhTenTen

В результате поиска в корпусе zhTenTen было выбрано только одно слово с обозначением человека. Можно заметить, что число вхождений с глаголом 结合 в данном случае намного больше (порядок вхождений: 合并/结合):

军民 jūnmín (военные и гражданские): 0/23 [11]

Однако примеров сочетания глагола 合并 с людьми (лицами) нет. Именно поэтому это слово используется только для указания на нелица.

Вывод

Таким образом, в предложении допускается использование именно слова 结合, а не 合并.

Пример предложения с неверным употреблением синонимичной конструкции:

(2.2)

*从	我	来看,	抽烟
*Cóng	wǒ	lái.kàn,	chōuyān
ИЗ	1	НАМЕРЕВАТЬСЯ.СМОТРЕТЬ	КУРИТЬ
对	身体	不	好。
duì	shēntǐ	bù	hǎo.
ДЛЯ	ЗДОРОВЬЕ	НЕ	ХОРОШО

Исправление преподавателя-носителя:

在	我	看来,	抽烟
Zài		kàn.lái,	
В		СМОТРЕТЬ.RES	
对	身体	不	好。

С моей точки зрения, курение вредно для здоровья.

Сначала необходимо рассмотреть дефиниции компонентов в словаре «Синьхуа».

从.....来看 cóng... lái kàn

从 cóng: 4) 介词, 表示始于或经由 — *предлог, начало или ход событий* [9]

来 lái: 5) 在动词前, 表示要做某事 — *ставится перед глаголом, выражает намерение* [9]

看 kàn: 2) 观察 — *наблюдать* [9]

在.....看来 zài... kàn lái

在 zài: 5) 介词, 表示事情的时间、地点、情形、范围等 — *предлог, указывает на время, место, обстановку, сферу* [9]

看 kàn: 2) 观察 — *наблюдать* [9]

来 lái: -

К сожалению, в словаре «Синьхуа» не нашлось подходящего значения для слова 来, однако его можно найти в «Словаре современного китайского языка»:

来 lái: 2.2) 表示结果 — указывает на результат [8]

Буквальные переводы конструкций:

从.....来看 — «в ходе намеренного наблюдения»

在.....看来 — «в результате наблюдения»

Однако в предложении (2.2) нет указания ни на намерение, ни на результат.

Далее следует привести по два примера из корпуса ВСС. В этом разделе должны рассматриваться конструкции с точки зрения принадлежности к лицам и нелицам, поэтому в качестве критерия различения фраз можно рассматривать отнесённость к человеку или предмету. Для проверки необходимо поставить личное местоимение между двумя компонентами конструкций. В большинстве случаев личные местоимения указывают на лицо (кроме 它 tā — он/она/оно для нелиц):

从我来看, : 1 вхождение [10]

在我看来, : 2832 вхождения [10]

从他来看, : 0 вхождений [10]

在他看来, : 2517 вхождений [10]

从她来看, : 0 вхождений [10]

在她看来, : 758 вхождений [10]

Вывод

Таким образом, конструкция 从.....来看 не используется для обозначения лиц. В предложении (2.2) употребляется личное местоимение 我 wǒ (я), которое указывает на лицо. Следовательно, замена преподавателем-носителем 从.....来看 на 在.....看来 является оправданной.

3. Субъективность и объективность

Пример предложения с неверным употреблением лексического синонима:

(3.1)

*要不是	好好	学习,	老师
*Yàobúshì	hǎo.hǎo	xuéxí,	lǎoshī
ЕСЛИ НЕ	ХОРОШИЙ.RDP	УЧИТЬСЯ	УЧИТЕЛЬ
不免	不	批评。	
bùmiǎn	bù	pīpíng.	
НЕИЗБЕЖНО	НЕ	КРИТИКОВАТЬ	

Исправление преподавателя-носителя:

要不是	好好	学习,	老师
难免	不	批评。	

nánmiǎn

НЕИЗБЕЖНО

Если плохо учиться, неизбежна критика со стороны учителя.

Для начала воспользуемся «Словарём современного китайского языка» для проверки значения выделенных слов.

不免 bùmiǎn: 免不了 — *невозможно избежать* [8]

Необходимо также проверить значение слова 免不了:

免不了 miǎnbùliǎo: 不可避免; 难免 — **невозможно избежать; неизбежный** [8]

В данном случае говорится о невозможности избежать какой-либо ситуации и даётся отсылка на синоним 难免.

难免 nánmiǎn: 不容易避免 — *нелегко избежать* [8]

В дефиниции этого слова даётся указание на сложность («нелёгкость») избежания подобного случая. Таким образом, слова 不免 и 难免 (неизбежно) отличаются тем, что первое слово (с обозначением невозможности избежать ситуации) даёт объективную оценку событию, то есть оно обязательно должно произойти, а второе (с обозначением нелёгкости избежания ситуации) — субъективную, то есть указывает, что событие может произойти, а может и не произойти. Именно поэтому в дефиниции слова 不免 используется более деликатная форма выражения («нелегко»), чем в дефиниции слова 不免/免不了 («невозможно»).

Вывод

В предложении (3.1) говорится о трудности сдачи экзамена в случае успешной подготовки. В большинстве случаев экзамен, действительно, трудно сдать, если не учиться хорошо (好好学习 hǎohào xuéxí), однако не каждый учитель будет критиковать ученика (批评 pīpíng) при невыполнении данного условия, поэтому критика является субъективным фактором. Следовательно, можно сделать вывод, что в предложении больше подходит слово 难免, а не 不免.

Пример предложения с неверным употреблением синонимичной конструкции:

(3.2)

*学	语法	重要	是
*Xué	yǔfǎ	zhòngyào	shì
ИЗУЧАТЬ	ГРАММАТИКА	ВАЖНЫЙ	ИМЕННО
重要,	可	毕竟	掌握
zhòngyào,	kě	bìjìng	zhǎngwò
ВАЖНЫЙ	НО	В КОНЦЕ	ВЛАДЕТЬ
		КОНЦОВ	
词汇	更	重要。	
cíhuì	gèng	zhòngyào.	
ЛЕКСИКА	БОЛЕЕ	ВАЖНЫЙ	

Исправление преподавателя-носителя:

学	语法	固然	重要,
		gùrán	zhòngyào,
		КОНЕЧНО	ВАЖНЫЙ
但是	掌握	词汇	更
dànshì			
НО			
重要。			

*Изучение грамматики **хоть и** важно, **но всё же** изучение лексики важнее.*

Для начала необходимо проверить значения отдельных компонентов в словаре «Синьхуа»:

.....是....., 可毕竟..... ..shì..., kě bìjìng...

是 shì: 3) 表示让步, 先承认所说的, 再转入正意 — *уступка, сначала даётся согласие, а потом говорится вся правда* [9]

可 kě: 5) 连词, 可是, 但, 却 — *союз, но* [9]

毕 bì: 1) 完, 完结 — *заканчивать* [9]

竟 jìng: 1) 終了, 完毕 — *заканчиваться* [9]

固然....., 但是..... gùrán..., dànshì...

固 gù: 3) 副词, 本, 原来 — *наречие, изначально* [9]

然 rán: 2) 代词, 这样, 如此 — местоимение, **так** [9]

但 dàn: 2) 连词, 但是, 不过 — союз, **но**, **однако** [9]

是 shì: 7) 加重语气 — **усиление интонации** [9]

还 hái: 2) 更 — **более** [9]

是 shì: 7) 加重语气 — **усиление интонации** [9]

Буквальные переводы конструкций:

.....是....., 可毕竟..... — «есть уступка, но заканчивается (иным результатом)»

固然....., 但是..... — «изначально так, но всё же»

Благодаря словарному анализу удалось выяснить, что первая фраза .....是....., 可毕竟..... ...shì..., kě bìjìng... (хоть и, но всё же) выражает уступку и передаёт субъективную оценку, то есть мнение говорящего. Следовательно, действие в первой части предложения с уступкой является нежелательным и «заканчивается» (см. компоненты 毕 bì — заканчивать; 竟 jìng — заканчиваться) иным результатом. Однако вторая фраза 固然....., 但是..... gùrán..., dànshì... (хоть и, но всё же) не передаёт значение уступки и указывает на объективную оценку говорящего. Тем самым допускается оба варианта независимо от чьего-либо мнения: несмотря на то что ситуация, описываемая во второй части, более предпочтительна, описанное в первой части не отрицается. В первой части указывается «изначально возможная ситуация» (см. слова 固 gù — изначально; 然 rán — так).

Вывод

С одной стороны, разница между конструкциями очевидна. С другой стороны, в предложении русскоговорящего отсутствует контекст. Возможно, слушатель или студент с помощью выражения .....是....., 可毕竟..... передал скептическое отношение к грамматике (语法 yǔfǎ) и отдал приоритет лексике (词汇 cíhuì). Тем не менее преподаватель-носитель вряд ли рекомендовал бы русскоговорящему выразить субъективное отношение к языку, так как основная цель обучения в университетах Китая и Институте Конфуция заключается в полноценной подготовке людей, планирующих использовать китайский язык для свободного общения или написания текстов на иностранном языке. По этой причине конструкция .....是....., 可毕竟..... была заменена на 固然....., 但是.....

4. Структура

Пример предложения с неверным употреблением лексического синонима:

(4.1)

*我	苦苦	恳求	我
*Wǒ	kǔkǔ	kěnrǒu	wǒ
1	МУЧИТЕЛЬНО	ПРОСИТЬ	1
妈妈	让	我	休息
māma	ràng	wǒ	xiūxi
МАМА	ПОЗВОЛЯТЬ	1	ОТДЫХАТЬ
一下。			
yíxià.			

НЕМНОГО

*Я слёзно **просил** маму дать мне отдохнуть.* [С]

Исправление преподавателя-носителя:

我	苦苦	哀求	我
		āiqiú	
		ПРОСИТЬ	
妈妈	让	我	休息
一下。			

*Я слёзно **просил** маму дать мне отдохнуть.* [Н]

Для начала следует проверить дефиниции двух синонимичных слов:

恳求 kěnrǒu: 恳切地请求 — **искренне просить** [8]

哀求 āiqiú: 苦苦请求 — **слёзно просить** [8]

Слово 恳求 kěnrǒu (просить) дополняет значение глагола 请求 qǐngqiú (просить). Перед ним ставится обстоятельство 恳切 kěnrǒu (искренне). Второе слово 哀求 āiqiú (просить) дополняет глагол 请求 и оформляется словом 苦苦 kǔkǔ (слёзно), выражающим большую степень просьбы, чем 恳切.

Таким образом, с точки зрения семантики 请求 qǐngqiú — это доминирующее слово, от которого образуются новые оттенки смысла в словах 恳求 и 哀求. В результате можно построить следующий синонимический ряд (от меньшего к большему):

请求 qǐngqiú → 恳求 kěnrǒu → 哀求 āiqiú

Цепочка показывает, что доминирующим словом является глагол 请求. Доминанта и даёт смысловой оттенок цепочке, которая показывает, что последующие слова имеют отношение к так называемому «требованию». Согласно словарям, они уточняют значение 请求. В данном случае 哀求 āiqiú расположен справа от 恳求 kěnqiú, так как 恳切 (искренне) выражает меньшую степень просьбы, чем 苦苦 (слёзно).

С одной стороны, очевидно, что в предложении необходимо использовать слово 哀求. Тем не менее может смутить дефиниция в «Словаре современного китайского языка» (苦苦请求 kǔkǔ qǐngqiú). В таком случае фразу 苦苦哀求 (слёзно просить) следовало бы рассматривать как тавтологию. Именно поэтому необходимо перейти к корпусному исследованию, чтобы проверить возможность сочетания наречия 苦苦 со словом 哀求.

Корпус ВСС

Проверим сочетаемость глаголов с наречием 苦苦 (слёзно):

苦苦请求 kǔkǔ qǐngqiú: 8 вхождений [10]

苦苦恳求 kǔkǔ kěnqiú: 26 вхождений [10]

苦苦哀求 kǔkǔ āiqiú: 910 вхождений [10]

Наибольшее количество вхождений выдаёт слово 哀求.

Корпус zhTenTen

Сочетаемость с определёнными членами предложения также можно проверить по корпусу zhTenTen. В данном случае в разделе Word Sketch Difference необходимо воспользоваться функцией Modifier, которая указывает на возможное обстоятельство перед глаголом (именно там можно найти наречие 苦苦 kǔkǔ):

请求 qǐngqiú: 117 вхождений [11]

恳求 kěnqiú: 167 вхождений [11]

哀求 āiqiú: 5494 вхождения [11]

Согласно корпусу, 哀求 āiqiú встречается намного чаще в сочетании со словом 苦苦 kǔkǔ, чем другие слова с обозначением просьбы.

Вывод

Таким образом, в предложении слушателя всё же было бы предпочтительнее использовать слово 哀求, а не 恳求 или 请求.

Пример предложения с неверным употреблением синонимичной конструкции:

(4.2)

*我	半个	小时	以后
*Wǒ	bàn.ge	xiǎoshí	yǐhòu
1	ПОЛОВИНА.CL	ЧАС	ПОСЛЕ
快要	回	家	了。
kuàiyào	huí	jiā	le.
СКОРО	ВОЗВРАЩАТЬСЯ	ДОМ	MOD

Уже (букв. «Скоро») через полчаса я вернусь домой. [С]

Исправление преподавателя-носителя:

我	半个	小时	以后
就要	回	家	了。
jiù yào			le.
СКОРО			MOD

Уже (букв. «Скоро») через полчаса я вернусь домой. [Н]

Для начала следует рассмотреть дефиниции отдельных компонентов в словаре «Синьхуа»:

快要.....了 kuàiyào... le/就要.....了 jiù yào... le

快 kuài: 3) 副词, 将, 就要, 接近 — наречие, **в будущем, скоро, близиться**

[9]

就 jiù: 7) 副词, 立刻, 不用经过很多时间 — наречие, **скоро, не нужно много времени** [9]

要 yào: 5) 将要, 将 — **в будущем** [9]

了 le: 2) .....表示变化或出现新的情况 ... — ... **изменение или возникновение чего-то нового** [9]

Буквальные переводы конструкций:

快要.....了 — «близится в будущем изменение или возникновение»

就要.....了 — «в скором будущем настанет изменение или возникновение»

Обе фразы указывают на грядущее событие. При этом, если лексема 快 в快要.....了 kuàiyào... le (скоро) означает только «приближение» события, то 就在就要.....了 jiù yào... le (скоро) указывает на более быстрое наступление события.

Важно заметить, что в дефиниции компонента 要 (в будущем) используется фраза 将要 jiāngyào, которая используется в конструкции 将要.....了 jiāngyào... le (скоро). Эта фраза указывает на более медленное изменение событий, чем в случае с 快要.....了.

Таким образом, синонимический ряд выглядит следующим образом:

将要.....了 jiāngyào... le → 快要.....了 kuàiyào... le → 就要.....了 jiùyào... le

Первая фраза в схеме является доминантой, а далее градация значений растёт в зависимости от скорости наступления события.

Вывод

В предложении (4.2) однозначно необходимо использовать 就要, а не 快要, так как дана подсказка 半个小时 bàn ge xiǎoshí (через полчаса), которая указывает на маленький временной промежуток, поэтому здесь было бы более предпочтительно употребить конструкцию 就要.....了 для обозначения более быстрого наступления события, а не 快要.....了.

Заключение

В заключении следует сказать о достигнутых целях и задачах. Перед рассмотрением ошибок было указано различие между лексическими синонимами и синонимичными конструкциями. Кроме того, были рассмотрены наиболее интересные примеры неверного употребления семантических синонимов (8 ошибочных предложений) с точки зрения 4 критериев ошибочности.

Верность вышеуказанных предложений была доказана посредством словарного и (в некоторых случаях) корпусного анализа. Таким образом, в результате исследования удалось выяснить, что трудности в употреблении синонимов могут возникать по разным причинам, а анализ близких по смыслу слов и конструкций позволил понять, что для оперативного поиска ответа на вопрос, какой синоним следует выбрать, необходимо довериться преподавателям-носителям. Разумеется, если изучать китайский язык самостоятельно, то необходим словарный и корпусный анализ, однако в данном случае речь шла о посещении занятий с носителем китайского языка.

Семантические синонимы рекомендуется изучать на продвинутом уровне, так как продвинутый уровень характеризуется изучением различных вариантов передачи смысла на уровне слов и конструкций. Их необходимо употреблять с большой осторожностью, чтобы не допустить логических ошибок в речи.

Перечень сокращений

1/2/3 – первое/второе/третье лица местоимений

PRG – показатель того, что действие совершается в данный момент

ATR – атрибутивная частица

PERF – указание на результат действия

CL – счётное слово

LOC – локативы (пространственные предлоги)

PL – множественное число

СОР – глагол-связка

RES – показатель результата совершённого действия

RDP – удвоение основы

INT – усилитель

MOD – указание на изменение состояния

ОДИН_СL – точка демонстрирует неотделимость последующего компонента или слова с семантической или грамматической точки зрения

1) – номер значения в словаре

1.1) – номер контекстного значения в словаре

Список литературы

1. Винокур Т. Г. Синонимия в функционально-стилистическом аспекте. // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 54–65.
2. Ибрагимова А. И. Употребление синонимов изучающими китайский язык (экспериментальный анализ): выпускная квалификационная работа (рукопись). / Ибрагимова Аида Ибрагимовна. – СПб., 2018. – 61 с.
3. Фэн Юэ. Специфика корпусных исследований в современном китайском языкознании. // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 3, № 832. – С. 159–172.
4. Цай Ванифань. Развитие исследования корпуса в Китае — от частотного словаря к лингвистическому корпусу. // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2019. – № 2. – С. 130–135.
5. Рукодельникова М. Б., Наний Л. О., Холкина Л. С. Лингвоспецифичная лексика китайского языка и проблемы перевода: на примере 麻烦 máfan 'хлопотный; беспокоить; беспокойство'. // Litera. – 2020. – № 1. – С. 188–199.
6. Кротова Е. Б. Sketch Engine для лингвистических исследований. // Германистика сегодня: материалы Международной научно-практической конференции, Казань (16–17 октября 2018 г.) / ред.: М. А. Кулькова [и др.]. – 2019. – С. 107–112.

Список источников

7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : [электронное издание]. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
8. Xinhua zidian [Словарь Синьхуа] / Zhongguo shehui kexueyuan yuyan yanjiusuo cidian bianjishi [Словарное издательство языкового исследовательского центра при социальном институте Китая]. – Beijing: Shangwu yinshuguan, 2020. – 703 p.
9. BCC hanyu yuliaoku [Корпус китайского языка BCC] : [электронный ресурс]. – Beijing yuyan daxue yuyan zhineng yanjiuyuan, 2012. – URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (дата обращения: 03.05.23).
10. Chinese Web corpus 2017 Simplified (zhTenTen17) : [электронный ресурс]. – Lexical Computing CZ s.r.o., 2011. – URL: <https://www.sketchengine.eu/zhtenten-chinese-corpus/> (дата обращения: 05.05.2023).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-43

Ковальская А. С. Семантика мифологемы «Золотого века» в очерке К. Д. Бальмонта «Океания»

Ковальская Анна Станиславовна

студентка IV курса филологического факультета, кафедра русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет, РФ, г. Екатеринбург
covanna@yandex.ru

Semantics of the "Golden Age" mythologeme in the essay "Oceania" by K. D. Balmont

Kovalskaya Anna Stanislavovna

Student of Faculty of Philology Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg

Аннотация. В статье рассматривается мифологема Золотого века и её воплощение в тексте очерка К. Д. Бальмонта «Океания»: приводится генезис мифологемы, выявляются её доминантные черты и их роль в контексте путевого очерка Бальмонта. В «Океании» Бальмонт раскрывает своё видение мифологемы Золотого века, которой присущи всеобщая гармония, идеи всеединства, органичные философии самого Бальмонта. Золотому веку сопутствуют образы идеального пейзажа и благородного дикаря. Поэт конструирует утопическое пространство, что подтверждается упоминанием Атлантиды и описанием связанного с «золотым веком» утопического пейзажа, разновидностью которого является *locus amoenus*.

Ключевые слова: Золотой век, миф, утопия, путевой очерк, всеединство.

Abstract. The article considers the mythologeme of the Golden Age and its embodiment in the text of the essay by K. D. Balmont "Oceania". The genesis of mythologeme is given, its dominant features and their role are revealed in the context of Balmont's travel essay. In "Oceania" Balmont reveals his vision of the mythologeme of the Golden Age, which is inherent in the universal harmony, the ideas of unity, the organic philosophies of Balmont himself. The Golden Age is accompanied by images of the perfect landscape and "noble savage". The poet constructs utopian space, which is confirmed by mentioning Atlantis and describing the utopian landscape associated with the Golden Age, which is a kind of *locus amoenus*.

Keywords: Golden Age, myth, utopia, travel essay, all-unity.

Константин Бальмонт был одним из самых выдающихся путешественников рубежа веков. В произведениях, вдохновлённых его странствиями, отразилась главная доминанта бальмонтовской поэтики – лиричность. Но, кроме этого, неотъемлемой частью творчества Бальмонта является и миф, имеющий сакральную природу. Он маркируется как идеальное, поэтому интерес поэта к фольклору народов,

которые он посещал, обусловлен не только его «всемирной отзывчивостью», но и вниманием к мифологическому, волшебному.

Миф, входящий в эстетическую парадигму Бальмонта, может иметь несколько вариантов: от авторского мифа до рецепции поэтом общекультурных мифологем. Так, среди исследователей, обращавшихся к данной теме, стоит назвать Наталью Александровну Молчанову – в своих статьях автор рассматривает осмысление Бальмонтом славянской и скандинавской мифологии, а также Татьяну Сергеевну Петрову, подробно осветившую особенности мифологемы пути в лирике Бальмонта.

Мы же обращаемся к очерку «Океания», который ещё не получил всестороннего освещения, несмотря на его фундаментальность, а также репрезентативность в отношении мифа: Бальмонт пронизывает текст очерка мифологическим и мифотворческим началом, и в этом случае миф оказывается особенно тесно связан с идеальным. Бальмонт в описании быта, культуры и природы полинезийцев воссоздаёт мифологему «Золотого века», обращается к косвенно связанному с ней мифу об Атлантиде и утопическому пейзажу, который, несомненно, столь же мифичен. «Золотой век» определяется как время существования человечества в гармонии с природой, блаженной радости и беззаботности, не нарушаемой трудом и войнами.

«Золотой век» имеет устойчивые черты, нашедшие отражение в мифах множества народов, в том числе австралийских и полинезийских, о чём писал М. Элиаде: «В те дни люди ничего не знали о смерти; они понимали язык зверей и жили с ними в мире; они вообще не работали и находили обильную пищу у себя под рукой» [1, с. 34]. Кроме того, особую роль играют и «вспомогательные» сквозные мотивы в рецепции мифологемы, присущие, по мнению М. Элиаде, мышлению европейца: «Вся литература о дикарях является ценным материалом для изучения мышления западного человека: она раскрывает его стремление к условиям Эдема – стремление, которое <...> подкрепляется многими другими райскими образами и отношениями – тропическими островами и изумительными пейзажами» [1, с. 48]. Именно этот тезис помогает понять тяготение Бальмонта к экзотическим народам, а также к условиям утопий.

Смысловое богатство мифологемы о «Золотом веке» породило множество более частных мотивов, носящих архетипический характер, которые также присутствуют в тексте «Океании». Так, Золотому веку сопутствуют мифы о «благородном дикаре», образ идеального пейзажа и мотив детства человечества. Эти образы, ставшие общекультурными, легли в основу жанра утопии и отразились в

очерке. Мотивы и образы, входящие в «Золотой век», относятся, с одной стороны, к человеку с другой – к миру природы, взаимно дополняя и обогащая друг друга. Стоит отметить, что для Бальмонта они равноценны: поэт, актуализируя важность природного начала, показывает неразрывную связь человека с ним, два полюса гармонично взаимодействуют.

Важнейшие черты, присущие мифологеме «Золотого века», мы обнаруживаем в тексте «Океании». Обратившись к нему, мы убедимся, что краткую характеристику Полинезии, тяготеющую к утопическому модусу, Бальмонт даёт уже в начале очерка: «Это Острова Счастливых, царство смеха и улыбок, <...>, красивых цветов, плодов душистых, <...> легкой беспечности, не знающей раскаяния» [2, с. 4].

Растения, «красивые плоды» и «душистые цветы» отсылают к сказочному, подлинному утопическому изобилию и являются неотъемлемой частью мира Самоа. Новая Гвинея, которую Бальмонт посещает по пути в Океанию, описана схожим образом: «Я был окружен толпой Папуасок и Папуасок, умеющих радоваться на каждую минуту жизни, в ослепительном солнечном свете я видел все лица и предметы окаймленными золотой дымкой» [2, с. 5].

Кроме того, грех, которого не знал райский «Золотой век», так же чужд жителям Самоа: «На Самоа нет ни одного Самоанца-преступника. <...> Между ними нет ни убийства, ни воровства. <...> Это счастливые люди, счастливые» [2, с. 7]. Эти строки ещё более актуализируют связь «Золотого века» с образом Самоа, таким, каким его видел Бальмонт в путешествии. Далее мы обратимся к образу идеального пейзажа и его своеобразному преломлению в тексте очерка.

Отсутствие трудностей в добывании пищи, свойственное «Золотому веку», Бальмонт видит и в быту океанийцев: «Природа не требует труда, бесконечной работы, <...>, а лишь такого применения <...> сил, без какого человек не мог бы чувствовать себя в гармонии с вечно веселящейся, но и вечно творящей Природой. Хлебные деревья, бананы, кокосовые пальмы, это суть житницы, близ которых можно жить, любуясь жизнью, <...> не сеять и не жать» [2, с. 11]. Природа Океании первозданна, она предстаёт не тронутой техническим прогрессом и близка к архаичному укладу жизни. Поэтому ещё одна черта, характерная для мифологемы, нашла отражение в тексте путевого очерка: это свобода мира животных, который существует автономно, без человеческого вмешательства. В этом видится особая стихийность и та утопическая естественность, которая отличала «Золотой век»: «...понимаешь ограниченность человеческого владычества, чувствуешь, что есть еще области, где живы звери и птицы, <...> В Предполярных областях Южных морей

колдуют крылья птиц, <...> и столько там альбатросов, сколько их хочет мечта» [2, с. 14] — пишет Бальмонт. Близость человеческого и природного мира является важнейшей чертой всякой утопии. Животные, будь то хищники или иные звери, оказываются дружелюбны человеку, и Бальмонт описывает идентичную ситуацию в следующей цитате: «Под нашей ладьей светятся кораллы, и мелькают большие рыбы, они не боятся нас, они — совсем как ручные» [2, с. 12].

С миром природы неразрывно связан *locus amoenus*, который нетривиально представлен в тексте очерка. Он переносится Бальмонтом в экзотическое место, но, несмотря на это, сохраняет почти все свои отличительные черты.

Locus amoenus восходит к античной традиции, которая предполагает постоянное обращение в счастливое прошлое и «проецирует изображение на мифологему о «Золотом веке», что для нас является особенно актуальным. Выделяются следующие черты пейзажа *locus amoenus*: «Минимально "приятное место" должно включать в себя <...> несколько деревьев, луг, ручей или источник. <...> пение птиц и цветы» [3, с. 141].

Несмотря на то, что традиционно *locus amoenus* предполагал наличие ручья, Бальмонт немаловажную роль отводит морю, которое становится центром его утопических пейзажей. Однако стоит разграничивать смысловые оттенки океана и моря: если Океан являет собой выход в трансцендентное, то море в тексте относится непосредственно к пейзажу и обладает меньшей многозначностью. Если поэт, любясь океаном, рисует его в экстатическом ключе, то море описывается как маркер душевного успокоения: «Душа услажденно радуется теплому Морю, <...>. Но если ты раньше видел горы и моря, <...> если ты видел все, что есть красивого на Земле <...> ты, вздрогнув, застынешь в блаженном восхищении, когда ты увидишь <...> воздушное виденье атоллов, тонкую резьбу коралловых островов, обрамленных пальмами и возносящихся над нежно-изумрудной, <...> как сновиденье, непередаваемой в словах, водою лагунных морей» [2, с. 19]. «Воздушность», о которой пишет Бальмонт, относится не только к причудливой форме атоллов, но и к цвету, указывая на прозрачность воды, её кристальную чистоту. Мотив сна, блаженной грёзы, вызываемой островами Фиджи, присутствует и в следующем отрывке: «Корабль плывет по лазурной воде, в теплом ласкающем воздухе, и все ждут напряженно, что увидят что-то. <...> Так ждешь сновиденья наяву» [2, с. 14]. Сон, маркирующий неземное, райское, сопутствует описанию пейзажей Полинезии и ещё более сближает образ Самоа с ушедшим «Золотым веком» и его идеальным пейзажем. Всё своё путешествие Бальмонт проводит под знаком «мечты», «сна», и это лишь

усиливает утопическую направленность очерка: «Как во сне, приплывши на острова Тонга, точно в грезе перенестись на острова Самоа» [2, с. 18].

Важно, что нередко *locus amoenus* связывался с образом райского сада, близкого к Эдемскому. Бальмонт, описывая Южную Африку, также именуется её «сладко-дурманном садом», в котором цветут «Белладонна, козья жимолость, олеандры, душистый табак, хищный магей» [2, с. 4], и в этом отношении отчасти следует традициям *locus amoenus*, с тем лишь исключением, что растения, перечисленные Бальмонтом, не являются привычным олицетворением «райского» сада. Ядовитая белладонна, колючий магей и табак, обладающий терпким ароматом, символизируют нетипичность описываемого пейзажа, которая восходит к нетривиальности южной культуры вообще, на чём Бальмонт в очерке делает особый акцент. Таким образом, сад, культивируемый в античной традиции как идиллический локус, представляется Бальмонтом как отражение самобытного и нетипичного. Однако в тексте путевого очерка присутствуют описания, роднящие пейзаж с более классическим райским садом: «Огромные яблоки Тасманийских яблонь и могучие леса мимоз и папоротниковые деревья» [2, с. 4], а также «эвкалипты Австралии, чьи голубые стволы и ветви окружены запахом ладанных цветов...» [2, с. 4].

По мнению Сервия Гонората «*Locus amoenus* — это <...> место, созданное лишь для наслаждения и получения удовольствия, ни о каком труде — возделывании земли — тут речь идти не может» [4, с. 81]. Отсутствие тяжелого труда, являющееся одной из доминантных черт «Золотого века», таким образом, отражается и в данной цитате. Кроме того, в античности присутствовал общий для «идеального места» и «Золотого века» мотив — мотив вечно продолжающегося наслаждения и неизменной весны. Бальмонт описывает острова Фиджи тождественным образом: «Там вечная весна, и вечная нега». Кроме того, контраст между Севером и Югом Бальмонт метафорически представляет как зимнюю и весеннюю пору: «Из холодных морей <...> подняться к Островам Счастливым, — в этом столько же внушающего чарования, сколько в переходе от снега и льда к нежной истоке весны» [2, с. 21]. Мотив весны, частотный в поэтике автора в «Океании» сохраняет те же коннотации: весна олицетворяет внутреннее обновление, расцвет души. Не только пейзажи Океании с их яркостью и красотой навевают мысли о весне, но и стихия самого океана, способного внушить ощущение гармонической цельности. Так, поэт, говоря о путешествии по Атлантике, пишет: «Свежесть возврата в жизни Океана есть божеское равенство Весны самой себе» [2, с. 14]. Весна является маркером особого состояния в тексте очерка, выходящим за пределы природных характеристик и свидетельствующим о том, что

поэту открывается сфера идеального, безграничного в своей полноте. «Весеннее» связывается им не только со стихийной метафизикой, но и с человеком и свидетельствует о предельном восхищении поэта тем, о ком он пишет. В стихотворении «На побережье, в ярком свете...», которое Бальмонт помещает в очерк, поэт пишет о самоанской девушке, которая приходит, чтобы попрощаться с ним: «Подошла ко мне она, // Прямо, близко, как Весна... [2, с. 38]». Таким образом, и природа Самоа, и стихия океана, царствующая в Полинезии, и жители островов ассоциируются у Бальмонта с весной, что существенно расширяет привычный для *locus amoenus* весенний «фон». Всё это позволяет рассматривать природу Океании как часть традиции *locus amoenus*, которая, однако, была Бальмонтом трансформирована.

Немаловажным является и то, что утопический пейзаж, являясь частью природного мира, подразумевает тесное взаимодействие с человеком, включенность его в систему утопии. «Золотой век» являет связь двух начал – стихийного и человеческого, потому роль человека представляется не менее важной. Именно поэтому следующим образом, о котором необходимо упомянуть, является образ «естественного человека», представленный на страницах очерка во всей полноте.

«Естественный человек» олицетворяет духовный идеал и природную гармонию, которая достигается им вдали от цивилизации. «Естественному человеку» соответствует образ «благородного дикаря». Благородный дикарь, будучи генетически связанным с мифологемой «Золотого века», является частью разветвлённой мифологической системы. М. Элиаде, рассматривая образ «естественного человека», видит в его генезисе тоску по утраченной утопии: «это «изобретение» дикаря <...> было лишь реализацией <...> намного более древнего мифа — мифа о земном Рае и его обитателях в сказочные времена до начала истории» [1, с. 151]. Отыскать отражение начала времён было той исходной целью, которую преследовали, по мнению автора, «утописты»: «В аборигенах, <...> они ожидали увидеть современников той изначальной, мифической эпохи» [1, с. 156]. Совершенно закономерно то, что, встретив жителей Самоа, Бальмонт увидел в них «современников изначальной эпохи». Его художественное сознание, тяготеющее к мифу и романтизации, улавливало мифологические сходства и проецировало их на реальную действительность, что породило идеализацию полинезийцев.

В осмыслении культуры полинезийцев Бальмонтом важным является мотив красоты, пронизывающей всё, чего касаются аборигены. Именно красота здесь сливает утопическое с реальным, подчиняя себе его: «К чему ни прикасался гений

Маори, его достижения полны совершенства. Великолепные резчики по дереву, они строили, <...> резные дома-храмы, где в причудливых узорах изображают свои <...> представления, <...> поэтическую летопись своей души. Любя татуировку, они достигли в этом искусстве такого совершенства, как ни один народ в мире, <...> Любя мореплавание, они создавали ладьи, которые, <...> наполняли всю их жизнь ощущением красоты» [2, с. 30]. Бальмонт подчеркивает созидательную силу маори, их стремление к творческому акту, который оказывается соединённым со всем, что они создают. Даже самые обыденные вещи оказываются расцвеченными поэтическим смыслом, приобретают иное значение. Стоит отметить, что Бальмонт неоднократно выделяет близость самоанцев к стихиям: «Когда он работает, кажется, что он играет. Когда он бежит, кажется, что это ветер» [2, с. 31]. Примечательно, что работа уподобляется игре, и это вновь отсылает к сфере утопического, где труд не обременяет, а приносит радость. Сравнение бега с ветром также примечательно: природность и свободолюбие полинезийцев, отмеченные Бальмонтом, лейтмотивом проходят через текст всего очерка. Бальмонт разворачивает характеристику коренных жителей Океании, продолжая следующим образом: «Когда он благодарит, он указывает на Солнце. Маори, оживляющие свою мысль всю Природу, относятся с великим почтением к этой миротворческой чаровнице» [2, с. 33]. Это, несомненно, является для поэта одним из значимых, ключевых моментов в постижении культуры полинезийцев. Образ «естественного человека» подразумевает единство с природой и выход к пантеистическому мироощущению, характерному для самого Бальмонта, очеловечивающего стихии.

Следующим важным мотивом в изображении жителей острова является детство как выражение идеального. Особая непосредственность, которую Бальмонт выделяет в самоанцах, является маркером душевной неиспорченности, внутренней первозданности.

Мотив детства кажется нам одной из значимых составляющих мифологемы «Золотого века»: остранение, непорочность и духовная чистота, присущая ребёнку, усматривается в человеке, что живёт «до начала истории». Говоря о самоанцах, Бальмонт часто отождествляет их с детьми: в этом и связь с мифологемой «Золотого века», и проявление яркой черты бальмонтовской поэтики как таковой. Детство, как и юность, является для Бальмонта тем временем, когда душа находится в первозданном состоянии, в ней обнаруживается слитность с природой и мирозданием. В связи с этим следующий фрагмент «Океании» кажется нам особенно репрезентативным: «Как ребенок, еще не умеющий ни считать, ни читать, но уже

любящий и зверей, и птиц, и сказки, и раз его что завлечет, он желает это длить без конца» [2, с. 27] — пишет Бальмонт об океанийцах. Здесь то же превазирование чувственного, природного: «любящий зверей, и птиц, и сказки» над рассудочным, рациональным: «еще не умеющий ни считать, ни читать». Именно характеристика «как ребёнок» является определяющей в образе самоанцев, она приближает их к заветному для Бальмонта идеалу человека. Описывая встречу с местными жителями, Бальмонт подмечает в них ту же детскую непосредственность: «Приветствуют, улыбаются, смеются. Они смеются и надо мной, <...> И как весело мне от этого смеха и от этих улыбок! <...> каждый — просто подходит и заговаривает, <...> смело, непринужденно-просто» [2, с. 33]. Очерк замыкает стихотворение, о котором уже упоминалось, и в нём улавливаются схожие смыслы. Самоанка, прощаясь с Бальмонтом, подходит к нему, «как подходят к детям дети». Это является прямым свидетельством того, что мотив детства, к которому Бальмонт обращается в очерке, является частью мифологемы «Золотого века», гармонично вписывается в неё, наряду с образом «естественного человека» и утопическим пейзажем.

Стоит отметить, что сюжет взаимодействия белого человека и аборигенов, в жизнь которых он входит, достаточно распространён в литературе. Зачастую он оборачивается стремлением европейца к колонизации и подчинению себе коренных народов, попытке «просветить» их. Однако Бальмонт взаимодействует с аборигенами вне привычных установок. В противовес колонизатору, стремящемуся насильно «просветить» южные народы и насадить свою культуру, Бальмонт, условно говоря, «просвещается» сам, находясь в контакте с полинезийцами, и является не отделённым от них, а делает акцент на всеобщем единстве и братстве. Кроме пантеистичности, о которой уже упоминалось, Бальмонту особенно близка «детскость» океанийцев именно потому, что она свойственна его собственному мировоззрению.

Так, А.В. Бабук, исследуя мифологему Золотого века, определял функции, свойственные «детскому» мировосприятию людей, живших в мифическую эпоху: «иррациональность, которая проявляется в доминировании эмоциональной сферы познания; утопическое моделирование идеальной действительности <...> познание и <...> действительности через идеализацию прошлого» [5, с. 228]. Итак, формирование идеальной действительности, выделенное Бабуком, прослеживается и в очерке в особой манере создания пейзажа, идеализация прошлого — в стремлении отыскать «отображения доисторических времен» и сам «Золотой век» вообще. Опыт, который поэт получает в процессе путешествия, зиждется сугубо на духовном начале,

что подтверждается и особой лиричностью очерка, и пристальным вниманием к сказочному, чудесному. Всё это иррационально по своей природе: постигается не умственно, а с помощью «знающего сердца», что и относит к сенсуальному способу познания мира, упомянутого Бабуком.

Океания останется для Бальмонта своеобразным откровением, той областью, в которой всё пребывает в абсолютной гармонии, последним оплотом мифического утраченного рая. В очерке находит отражение эстетический комплекс творчества Бальмонта, аккумулируются важнейшие для поэта смыслы и коннотации. Океания с её утопическими картинами и людьми, словно хранящими память о «начале времён», станет важнейшим этапом в духовном пути поэта, показавшим Абсолют, именуемый «Золотым веком».

Список литературы

1. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М.: Академический проект, 2019. – 254 с.
2. Бальмонт К. Д. Океания: Очерк и стихи. – Б. г.: Salamandra P. V. V., 2017. – 98 с.
3. Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. – 560 с.
4. Бабук А. В. «Миф детства» как олицетворение «золотого века» в творчестве Достоевского // Вопросы литературы. – 2014. – №1. – С. 225–247.
5. Мавр Сервий Гонорат. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. Книга 1 // Вергилий. Энеида. С комментариями Сервия. М.: «Лабиринт», 2001. – 384 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821.531

Зинченко Д. С., Тихоненко В. А. Жанровые характеристики корейской бытовой сказки

Зинченко Дарья Сергеевна

студент кафедры корееведения, Дальневосточный Федеральный университет
РФ, г. Владивосток
zinchenko.ds@students.dvfu.ru

Тихоненко Валентина Александровна

канд. филол. наук, доцент кафедры корееведения
Дальневосточный Федеральный университет, РФ, г. Владивосток
tikhonenko.va@dvfu.ru

Genre characteristics of the Korean household tale

Zinchenko Darya Sergeevna

student of the Department of Korean Studies
Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok

Tikhonenko Valentina Aleksandrovna

PhD in Philology, Associate professor at the Department of Korean Studies
Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика корейской бытовой сказки, её уникальная структура и содержание. Сказки всегда были популярны у всех народов и во всех странах мира, поскольку они способны помочь людям познать мир вокруг себя и научить жить в нём. Они передают мудрость и опыт предков, помогают развивать воображение и учат различать добро и зло, любить и сопереживать. В ходе работы рассматриваются различные определения понятия «сказка», которые были даны такими русскими исследователями, как В. Я. Пропп, И. Я. Порфирьев, В. П. Аникин, Э. В. Померанцева и т. д. Кроме того, даётся характеристика особенностей бытовой сказки, которая часто противопоставляет героев различных социальных слоёв. В статье также выделяются главные герои корейской бытовой сказки, такие, как Ким Сон Даль, который выступает защитником бедных людей и борется за их права.

Ключевые слова: сказка, бытовая сказка, реальный мир, герой корейской бытовой сказки, культурное наследие.

Abstract. This article examines the specificity of Korean household tales, their unique structure and content. Fairy tales have always been popular among all peoples and in all countries of the world, as they can help people learn the world around them and teach them how to live in it. They transmit wisdom and experience of ancestors, help develop imagination and teach to distinguish between good and evil, to love and empathize. In the course of the work different definitions of the concept "fairy tale" are considered, which have been given by such Russian researchers as V. Ya. Propp, I. Ya. Porfiriyev, V. P. Anikin, E. V. Pomerantseva, and others. In addition, a characteristic of the specifics of the household

tale, which often contrasts the characters of different social classes, is given. The article also highlights the main characters of the Korean household tale, such as Kim Seon-dal, who acts as a protector of poor people and fights for their rights.

Keywords: fairy tale, household tale, real world, character in Korean household tale, cultural heritage.

Сказки – это удивительный мир, который захватывает своими интересными сюжетами, героями и волшебными событиями, поэтому такой жанр литературного произведения уже долгое время ценится и взрослыми, и детьми во всём мире. Сказки и литературные, и фольклорные играют важную роль в становлении личности, поэтому считаются полезными для детей: они способны не только развлечь и вызвать положительные эмоции, но и воспитать морально-нравственные ценности.

Благодаря своей многолетней истории, сказки многогранны и богаты, и поэтому считаются ценным материалом для исследования. Они отражают культуру и мировоззрение народов, в которых они возникли. Кроме того, сказки являются важным элементом культурного наследия истории человечества, и изучение их позволяет лучше понимать исторические и социальные процессы, происходившие в различные периоды.

Так, В. Я. Пропп в своей книге «Русская сказка» писал: «Область сказки огромна, для её исследования требуется работа нескольких поколений учёных. Изучение сказки – не столько частная дисциплина, сколько самостоятельная наука энциклопедического характера» [1, С. 6]. Из этого можно сделать вывод, что благодаря своим особенностям и обширному материалу для изучения, сказки ещё долгое время будут вызывать интерес у различных исследователей, таких, как литературоведы, филологи, фольклористы и лингвисты.

Тем не менее не только изучение, но и само понятие «сказка» довольно разностороннее по содержанию и имеет множество трактовок. Русские исследователи, такие, как И. Я. Порфирьев и В. П. Аникин считали, что главной особенностью сказок является вымысел [2, С. 95; 3, С. 148].

Однако, несмотря на это, к сказкам можно отнести и произведения, в которых за основу сюжета берётся обычная житейская ситуация, а в качестве героев выступают обычные люди, живущие в реальном мире. Так, например, Э. В. Померанцева, советский фольклорист и этнограф, отмечала, что в сказках всё же может прослеживаться связь с действительностью [4, С. 8]. Такого же мнения придерживаются В. М. Кожевников и П. А. Николаев. Исследователи убеждены, что от других жанров литературного произведения сказка отличается тем, что «сказочник рассказывает ее, а слушатели воспринимают прежде всего, как поэтический вымысел,

игру фантазии» [5, С. 382]. Однако они также соглашаются с Э. В. Померанцевой и приходят к выводу о том, что несмотря на вымысел, «сказка не лишается связи с реальным миром и находится в постоянном с ним взаимодействии» [5, С. 382].

Одним из таких видов сказки является бытовая сказка. Такой жанр отличается от других тем, что все события происходят в реальном мире, а героями выступают исключительно люди. Так, например, наиболее популярными героями в таких сказках являются «бедный крестьянин, работник или солдат в хорошо знакомой сказочнику обстановке» [5, С. 382]. В основе бытовых сказок находятся обычные ситуации, которые связаны с повседневной жизнью героев. Быт здесь представляется не только как «фон», но и как «материал, арсенал, которым в художественных целях пользуется бытовая сказка» [1, С. 284]. Таким образом, можно говорить о том, что бытовая сказка имеет довольно сильную связь с реальностью по сравнению с другими видами сказок.

Кроме того, такие сказки часто можно сравнить с нравоучительным примером, пословицей или притчей, поскольку герои в таких сказках, как правило, противопоставлены друг другу по социальному статусу либо по личным качествам. Так, высмеивая общечеловеческие пороки, бытовая сказка выявляет «нравственные идеалы трудового народа» такие, как доброта, смекалка и честность, и «утверждает его высокие этические нормы» [4, С. 94]. Также с помощью таких противопоставлений в сказке раскрываются острые социальные проблемы, такие, как жестокость и несправедливое отношение барина или купца к крестьянину.

На противопоставлении героев основывается ещё одна отличительная черта бытовой сказки, которая заключается в использовании сатиры и иронии. Это часто проявляется в поведении и характере героев, а также в использовании гиперболизации их качеств. Проявление такого острого юмора можно наблюдать практически во всех бытовых сказках. Например, при прочтении особенно выделяются «блестящие гротескные портреты беспробудных лентяев, дурней, делающих все невпопад, ворчливых, упрямых жен» [4, С. 94].

Бытовые сказки также отличаются от других видов сказки своей сюжетной композицией. Так, в этих сказках не используются присказки, зачины или конечные присказки, такие, как «Вот и сказочке конец, а кто слушал молодец», «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок», которые больше характерны для волшебных сказок. Бытовые сказки довольно короткие и имеют свой круг сюжетов и образов [6, С. 1]. Как правило, в основе сказки находится один эпизод, в конце которого главный герой всегда добивается справедливости.

Бытовые сказки в корейском фольклоре являются важной, неотъемлемой частью корейской культуры, поскольку с их помощью можно более подробно узнать не только об обстановке, в которой жили раньше корейцы, но и о том, что было характерно для определённого периода в истории Кореи.

Корейская бытовая сказка имеет много сходств с русской сказкой. Темы корейских сказок так же, как и русских могут быть довольно разнообразны, однако сюжет всегда основывается на житейских ситуациях людей. Так, в корейских сказках раскрываются не только заботы и тяготы простого народа, но и глупость и жадность высшего сословия. Сказки имеют краткую, простую сюжетную композицию, а за основу обычно берётся одна история, в которой главные герои противопоставлены друг другу по качествам или положению в обществе. Благодаря такому началу и происходит развитие сюжета в дальнейшем, при котором человек, использовавший смекалку, хитрость и ловкость, одерживает победу над жадным и высокомерным человеком.

Однако несмотря на некоторые сходства с русскими бытовыми сказками, корейские сказки имеют свою национально-культурную специфику. Так, в этих сказках описываются не только герои, характерные для корейской культуры, но и их жилище, которое даёт нам возможность более подробно узнать о быте и условиях жизни корейцев раньше.

Героями в корейских бытовых сказках зачастую выступают 머슴 «крестьяне, батраки» или 천민 «низшее сословие». Антагонист же проявляется в роли янбана-дворянина (양반 «дворянин, аристократ») [8, С. 4]. Сказки с такими героями довольно сильно схожи с русскими, поскольку в их основе также лежит противоположность человеческих качеств. К таким сказкам можно отнести «Зернышко проса», «Сын мясника», а также «Янбан, полный монет».

Ещё одними противоположными героями в корейских бытовых сказках выступают конфуцианский учёный и обычный мальчик или юноша. По сюжету таких сказок учёный и мальчик ломают стереотипы и меняются местами. Так, например, маленький мальчик оказывается более умным и смекалистым, чем конфуцианский учёный. Таким образом, показывается, что зачастую такие «учёные» плохо разбирались даже «в простейших жизненных вопросах». Примерами сказок с похожим сюжетом могут послужить такие сказки, как «Хитрый батрак Тольсве», «Как сонби монаха обманул», «Как юноша министра перехитрил» [8, С. 5].

Среди бытовых сказок часто можно встретить истории о властных и умных женщинах. Например, в сказке «Полководец, боявшийся своей жены»

рассказывается о том, что даже полководец, который участвовал в большом количестве битв, побаивается свою жену и поэтому старается ей не перечить [9, С. 5]. Также подобную идею можно встретить в сказке «Кто самый сильный на свете». Так, согласно сюжету, сановник спрашивает своих гостей, что, по их мнению, самое страшное на свете. Один из гостей отвечает, что самое страшное — это женщина. Объясняя свою точку зрения тем, что все мужчины, «от простого крестьянина до прославленного генерала», признают главенство женщины [8, С. 236].

Также довольно популярным героем в корейских сказках является Ким Сон Даль. До нас дошло большое количество сказок с его участием. Все они повествуют о приключениях юноши, который пытается проучить жадного богача и тем самым защитить бедный народ. К таким сказкам можно отнести «Как Ким Сон Даль продавал реку Тэдонган», «За что Ким Сон Даля прозвали фениксом», «Вор и Ким Сон Даль» и т. д. [8, С. 6].

Описание мест, где живут герои бытовых сказок, также составляет большую ценность. Так, в бытовых сказках Кореи часто можно встретить упоминание традиционного дома фанза, которое представляло собой каменное или саманное жилище с каркасом из деревянных столбов [7, С. 69]. Использование такого типа жилья в повествовании не только помогает создать образ жизни крестьян, но и даёт возможность понять их обычаи в прошлом. В качестве примера сказки, в которой описывается фанза, можно назвать сказку «Выгодный оборот».

Также существует большое количество сказок, в которых рассказывается о путешествии главного героя в другой город. Однако зачастую во время такой поездки он сталкивается с проблемой жилья. Так, например, в сказке «Как Ким Сон Даль сдавал экзамен на государственную должность — кваго» для того чтобы решить эту проблему, герой отправляется на постоялый двор для путников. Следовательно, в сказках постоялый двор выступает в качестве места, где главный герой может переночевать и восстановить силы.

Таким образом, можно говорить о том, что корейские бытовые сказки схожи с русскими не только из-за своих особенностей, но и из-за того, что в их основе лежит противопоставление человеческих качеств. В них часто присутствуют противоположные герои: низшее сословие и дворянин, учёный и обычный мальчик. Благодаря этому сказки учат читателей нравственным ценностям и настойчивости в достижении своих целей. Также, поскольку корейские сказки имеют свою национально-культурную специфику, они содержат богатый материал для исследования в разных областях науки. Так, можно утверждать, что корейские сказки

имеют такую же популярность среди читателей, как и другие сказки мира. Однако это происходит не только благодаря своему интересному сюжету, но и помощи в изучении культуры и истории Кореи.

Список литературы

1. Пропп В. Я. Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа.). – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
2. Аникин В. П. Русская народная сказка. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.
3. Порфирьев И. Я. История русской словесности, ч. 1. изд. – Казань: Типография Императорского Университета, 1909. – 724 с.
4. Померанцева Э. В. Русская народная сказка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 128 с.
5. Кожевников В. М., Николаев П. А. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.
6. Аскерова Н. И. Сюжетная линия бытовых сказок // Современная филология : материалы V Междунар. науч. конф. — Самара: ООО "Издательство АСГАРД", 2017. — С. 1-4. — URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/234/12019/> (дата обращения: 05.06.2023).
7. Кочешков Н. В. Типология традиционной культуры китайцев, корейцев и японцев // Россия и АТР. – 2022. - №1. – С. 68-82.

Список источников

8. Пак В. Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. – М.: Худож. лит., 1991. – 382 с.
9. Касаткина И. Л., Чун Ин Сун. Лучшие корейские смешные истории. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 160 с.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 82

Пожилов Р.В., Горин И.В. Межкультурные связи и взаимодействие в литературе зарубежных стран

Пожилов Ростислав Владимирович

студент кафедры «Прикладная математика» ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического приборостроения»
pogilow2016@yandex.ru

Горин Илья Витальевич

студент кафедры «Прикладная математика» ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического приборостроения»
lunno.papush@gmail.com

Intercultural Relations and Interaction in Foreign Literature

Pozhilov Rostislav Vladimirovich

Student of Applied Mathematics Department
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Gorin Ilya Vitalievich

Student of Applied Mathematics Department
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Аннотация. Данная статья исследует межкультурные связи и взаимодействие в литературе зарубежных стран с акцентом на теорию литературы и текстологию. В статье анализируются влияние литературных традиций разных стран на культуру и литературные процессы, феномены перевода и интертекстуальности. Контекстуальный анализ раскрывает взаимодействие между социокультурными факторами и развитием литературы. Теоретические подходы и текстологический анализ используются для исследования механизмов взаимодействия, а также проблем перевода и передачи культурных элементов. Роль литературы в межкультурном диалоге и ее вклад в межкультурное понимание также подчеркиваются.

Ключевые слова: межкультурные связи, взаимодействие, литература, зарубежные страны, интерпретация.

Abstract. This article explores intercultural connections and interactions in the literature of foreign countries with an emphasis on literary theory and textology. The article analyzes the influence of literary traditions of different countries, the phenomena of translation and intertextuality. Contextual analysis reveals the interaction between socio-cultural factors and the development of literature. Theoretical approaches and textual analysis are used to investigate the mechanisms of interaction as well as the problems of translation and transmission of cultural elements. The role of literature in intercultural dialogue and its contribution to intercultural understanding are also emphasized.

Keywords: intercultural relations, interaction, literature, foreign countries, interpretation.

В условиях глобального культурного разнообразия и взаимодействия изучение межкультурных связей в литературе зарубежных стран приобретает особую значимость. Эта область исследований позволяет расширить знания о разнообразии литературных традиций и их взаимодействии, а также лучше понять влияние культурных, исторических и социальных контекстов на литературное творчество. Исследование межкультурных связей в литературе способствует развитию межкультурного понимания, укреплению толерантности и уважения между разными культурами [2]. Кроме того, оно позволяет осознать роль литературы в формировании мостов между различными культурными средами и стимулирует диалог и обмен идеями. Изучение проблем, связанных с переводом и интерпретацией литературных произведений в разных культурных контекстах, также является важным аспектом этой темы. Исследование такого рода связей в литературе способствует расширению общих знаний о литературе и культуре в глобальном масштабе.

Контекстуальный анализ межкультурных связей и взаимодействия между различными литературными традициями разных стран в литературе зарубежных стран открывает возможность исследовать взаимодействие различных литературных традиций и их влияние друг на друга. Рассмотрим, например, взаимодействие русской и французской литературных традиций. Анализируя произведения А.С. Пушкина и Шарля Бодлера, можно обнаружить влияние русского романтизма на французский символизм, а также элементы экзотической тематики и ориентализма, присутствующие в обеих традициях [3].

Кроме того, исследование межкультурных связей может расширить знания о литературе разных стран. Например, изучая взаимодействие между латиноамериканской и африканской литературой, можно обнаружить общие мотивы и темы, связанные с колониализмом, постколониализмом и национальной идентичностью. В пример можно привести произведения Габриэля Гарсиа Маркеса и Чинуа Ачебе, в которых сложные взаимосвязи между историческими событиями, культурными контекстами и литературными выражениями в этих регионах [3].

Анализ межкультурных связей помогает понять, как литература может служить мостом между разными культурами и способствовать формированию толерантности и взаимного уважения. Еще одним хорошим примером для исследования являются произведения мигрантских авторов, как Джунот Диас или Хан Канг, в них можно будет увидеть, как литература отражает опыт и идентичность мигрантов, а также их взаимодействие с новыми культурными средами [3].

При исследовании межкультурных связей в литературе зарубежных стран значительное внимание следует уделить текстологическому анализу. Он направлен на изучение методов, стратегий и приемов, используемых в произведениях зарубежных писателей, а также на понимание и интерпретация литературных символов и образов в различных культурных контекстах. Проблемы перевода и передачи культурно-специфических элементов в литературе также требуют особого внимания.

Одним из примеров, иллюстрирующих методы текстологического анализа в контексте межкультурных связей, может быть рассмотрение произведений Франца Кафки и их интерпретации в русской литературе. Анализируя его роман «Процесс» Кафки, можно обнаружить влияние метафорического языка и абсурда, характерных для его произведений, на творчество русских писателей, как Владимир Набоков и Евгений Замятин. Текстологический анализ помогает раскрыть особенности стиля и композиции произведений, а также их восприятие.

Еще один пример связан с проблемой перевода культурно-специфических элементов в литературе. Рассмотрим произведение Харуки Мураками «1Q84» и его переводы на разные языки. В текстологическом анализе можно проанализировать, как переводчики передают особенности японской культуры, сюжетные нюансы и языковые игры в других языковых и культурных контекстах [1]. Это позволяет оценить эффективность передачи оригинального текста и выявить потенциальные сложности, возникающие при переводе культурно-зависимых элементов.

Стоит затронуть пример межкультурного диалога через литературу в романе «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери. В этом произведении встречаются персонажи, представляющие различные культуры и мировоззрения. Например, Маленький принц встречается с планетами, каждая из которых символизирует определенный аспект человеческой природы и культуры [3]. Также встреча с летчиком, главным героем романа, позволяет Маленькому принцу и читателю осознать различия в мировоззрении и ценностях разных культур. Через эти встречи автор иллюстрирует важность открытого и взаимоуважительного общения между разными культурами, способствуя межкультурному диалогу.

Всё это подчеркивает значимость изучения межкультурных связей и взаимодействия в литературе зарубежных стран с учетом исторических и социальных контекстов. Анализ влияния и взаимодействия различных литературных традиций способствует расширению знаний о мировой литературе и культуре, обогащению межкультурного понимания и развитию толерантности и диалога между народами.

Признание роли литературы в межкультурном диалоге требует усиления усилий в создании платформ для обмена литературным опытом и идеями, развития переводческих практик и современных интерпретационных подходов. Только так можно укрепить связи между различными культурными традициями, сформировать межкультурное понимание, развить собственное творчество и содействовать мирным отношениям в современном мире.

Список литературы

1. Ботавина Е.Б. Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедиальности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. №3. С. 189–194.
2. Курбан Е.Н. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов // Социум и власть. 2013. №1. С. 97–101.
3. Богомолова А.В. «Мировая литература» и коммуникация: литературные связи, читательские практики // Имагология и компаративистика. 2021. №1. С. 8–28.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

Юркова Р.В. Эволюция идей почвенничества на примерах журналов «Время» М. М. Достоевского и «Континент» В. Е. Максимова

Юркова Руслана Викторовна

студентка, кафедра международной журналистики
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
st070279@student.spbu.ru

The evolution of the Pochvennichestvo ideology on the examples of the magazines "Vremya" by M. M. Dostoevsky and "Continent" by V. E. Maksimov

Yurkova Ruslana Viktorovna

student, department of International Journalism St. Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. В статье предпринята попытка выделить основные идеи почвенничества и неопочвенничества из материалов журнала «Время» и журнала «Континент», найти признаки преемственности неопочвенников и объяснить эволюцию их философских идей. Предметом исследования выступает эволюция идей почвенничества, которая отражена на страницах журналов «Время» М. М. Достоевского и «Континент» В. Е. Максимова. По сей день продолжаются споры о поиске пути развития для России, в которых рассматривается, в основном, два направления: подражание Западу и возвращение к народным истокам. Почвенничество же, по мнению некоторых ученых и самих почвенников, рассматривает выбор пути развития с точки зрения блага для народа, что может быть применимо и в наше время. Идеи почвенничества нашли свое выражение на страницах журнала «Время» М. М. Достоевского. В XX веке идеология почвенников возродилась на страницах журнала «Континент» Владимира Максимова.

Ключевые слова: журнал «Время» М. М. Достоевского, журнал «Континент» Владимира Максимова, почвенничество.

Abstract. The article attempts to identify the main ideas of Pochvennichestvo ideology and non-Pochvennichestvo ideology from the materials of the magazine "Vremya" and the magazine "Continent", to find signs of continuity of and explain the evolution of their philosophical ideas. The subject of the study is the evolution of the Pochvennichestvo ideology, which is reflected in the pages of the magazines "Vremya" by M. M. Dostoevsky and "Continent" by V. E. Maksimov. Nowadays, disputes about finding a path of development for Russia continue. They mainly considers two directions: imitation of the West and a return to folk origins. Pochvennichestvo ideology, according to some scientists and ideology followers themselves, considers the choice of the path of development from the point of view of the good for the society, which may be applicable in our time. The ideas of Pochvennichestvo ideology found their expression on the pages of the magazine "Vremya" by M. M. Dostoevsky. In the XX century, it was revived on the pages of the magazine "Continent" by Vladimir Maksimov.

Keywords: The magazine "Vremya" by M. M. Dostoevsky, the magazine "Continent" by Vladimir Maksimov, Pochvennichestvo ideology.

Журнал «Время» появился в 1861 году. Его проект был запланирован тремя годами ранее, но долгое время М. М. Достоевский не мог получить разрешение от цензурного комитета. Смысл проекта состояла в том, что на период второй половины XIX века был необходим «свежий литературный орган, независимый от обязательных журнальных преданий, вполне самостоятельный, чуждый застарелых, преемственных и почти бессознательных антипатий, не поклоняющийся авторитетам и совершенно беспристрастный, при этом может вызвать возбуждение оторвавшегося общества к изучению народа нашего и к уверованию в правду основных начал его жизни» [7, с. 121]. Некоторые исследователи высказывают мнение, что Михаил Достоевский создал журнал, чтобы обеспечить брату возможность печатать свои произведения по возвращению из Сибири [1, с. 316].

Почвенническое движение в лице братьев Достоевских, Н. Страхова и А. Григорьева сформировалось, как реакция на социально-политические события: реформа 1861 года об отмене крепостного права, крестьянский вопрос, начало разложения феодально-крепостнического строя, формирование капиталистического уклада, духовный кризис. Редакция журнала была создана из круга единомышленников, встретившихся на литературных собраниях Милюкова. Они занимали нейтральную позицию в споре между Западом и Востоком, то есть идеологами западничества и славянофилами. Почвенники не относили себя ни к одной из доминирующих идеологий второй половины XIX века, они признавали положительные начала следователей и европейского, и народного пути.

Несмотря на то, что некоторые идеи почвенничества периода «Москвитянина» близки к славянофилам, – например, нравственная ориентация на русское крестьянство, – журнал «Время» был скорее платформой для примирения двух сторон, несмотря на то, что их идеология близка консервативным течениям [6, с. 5]. Почвенники признавали некоторые положительные начала западничества. Они считали, что русское интеллигентное общество должно соединиться с народом и принять в себя народный элемент, для чего необходимо устранить пропасть между крестьянством и интеллигенцией. По мнению почвенников, после начала применения европейской модели строения общества, принесенной на территорию Российской империи Петром Первым, интеллигенция превратилась в самостоятельный социальный слой. Из-за этого образовалась пропасть между духовной аристократией, дворянством и народом. Интеллигенция воспитывалась на европейской культуре, поэтому потеряла связь с русской православной действительностью. Почвенники тесно связывали религиозные представления и веру

с идеями народничества. Повсеместный кризис веры, пришедший, по сути, вместе с западными традициями, стал одной из причин отрыва интеллигенции от народа. Почвенники отмечали духовное предопределение общественного устройства и ведущую роль религиозных начал в создании и историческом развитии страны. То есть, для почвенников вера напрямую связана с идентификацией общества, она определяет его дальнейшее развитие.

Некоторые историки всё же считают, что почвенничество тесно связано со славянофилами. Например, А. В. Шарапов относит славянофилов к родоначальникам почвенничества в России [3, с. 6].

Публицисты и писатели журнала «Время», наоборот же, считали разделение общества на два основных противоборствующих лагеря опасным явлением и видели в нём предпосылки будущих потрясений и революций. Как отмечает Флоровский, когда интеллигенция оторвалась от почвы, она разрушила естественные органические связи, а общество может не пережить потрясение от такого распада. Задача почвенничества – возврат к первоначальной целостности [2, с. 295].

Журнал «Континент» был создан представителями третьей волны эмиграции в 1974 году в Париже. Он был ведущим изданием в эмиграционной среде, во многом благодаря работе Владимира Максимова (Лев Самсонов), Александра Солженицына и Иосифа Бродского. Также в круг редакторов и авторов входили Н. Коржавин, В. Некрасов, А. Синявский, А. Галич, А. Эткинд, К. Зиновьев, А. Пятигорский и многие другие.

В Россию журнал поступал по тайным каналам, через западных дипломатов и корреспондентов, несмотря на то, что за его распространение можно было попасть под статью за антисоветскую агитацию и пропаганду. Несмотря на перестройку, многие события в советской историографии продолжали замалчиваться. Многие тайны партии становились достоянием гласности на страницах «Континента». Так, советское общество узнало о Пакте о ненападении – секретном протоколе, подписанном Молотовым и Риббентропом в 1939 году; о массовых сталинских репрессиях; насильственной коллективизации; партийной «чистке» и настоящем состоянии экономики.

Журнал «Континент» был основан, как орган «свободной русской мысли». Из числа других литературно-публицистических изданий его выделяет тот факт, что редакция провозгласила свой печатный орган религиозным. Журнал по идеологическому направлению носил ярко выраженный антикоммунистический, антитоталитарный характер, но при выборе публикации редакция больше опиралась

на качество текстов. В плане содержания и смыслового наполнения журнал ставил во главу общественно-политическую и религиозную задачу.

Максимов выступал против марксистского мировоззрения, отрицал положительное представление о прекрасном будущем в мире коммунизма. Это делало его врагом не только для последователей социализма, но и для негативной пропаганды со стороны западной интеллигенции. Редакция «Континента» считала, что для лучшего понимания народной души необходимо тесно общаться с представителями первой и второй эмиграций. Это приближало их к, так называемому, духовному материку – России. Эта связь с родной землёй и объединяет их идеологию с идеями почвенничества раннего. Как и Достоевский, неопочвенники в лице Максимова и Солженицына считали, что родную землю, почву, нужно «оздоровить», для чего необходимо объединение и сближение всех трёх миграций.

Владимир Максимов всегда тяготел к идее возвращения в прошлое, к дореволюционным временам, что отразилось на журнале «Континент». Несмотря на то, что многие современники приписывали «Континенту» преемственность и наследование традиций «Колокола» Герцена, – о чём упоминает и что опровергает редактор журнала Владимир Максимов [13, с. 5], – идея создания толстого журнала отсылает к братьям Достоевским и журналу «Время». Также В. Максимов подражает журналу «Время» Достоевского тем, что объединяет в журнале не только политические рубрики, критические статьи и заметки, но и художественную литературу. Журнал «Континент» был ведущим печатным изданием третьей волны эмиграции, так как был самым комплексным. Основной идеей В. Максимова было собрать вокруг своего печатного издания все лучшие силы русской эмиграции для борьбы против тоталитаризма [13, с. 4].

Почвенничество времён Достоевского было направлено на решение внутренних конфликтов между сословиями, построения между народом и интеллигенцией диалога. Для почвенников первостепенной задачей выступало спасение родины, а не беспочвенная критика Запада и всего, что с ним связано: идеи, мысли, культурные веяния и тенденции. Ф. Достоевский считал, что преодоление пропасти между интеллигенцией и народом должно спасти Россию от неминуемой гибели. Эти идеи не несут негативного отношения к России, они настроены на здравую критику социальных и политических явлений того времени.

Но идеи основоположников почвенничества были построены на сословном неравенстве. В журнале «Время» основным мотивом становилось разделение населения на образованное и необразованное. Неграмотный человек, плохо знающий

свою родословную, работающий за еду, представлялся тем, кто не привязан к родине и своей почве. Интеллигенция же только декларировала эту идею, но не говорила на одном языке с крестьянами, а, наоборот, отстранялась от народа.

В XX веке явной проблемы пропасти между народом и интеллигенцией и оторванности обеих групп от почвы уже не существовало. Ментальность, вековые традиции, православие и одухотворение родной земли уже не играли ведущую роль в обществе, определяющую все внутренние процессы, как социальные, так и политические. Советские реалии создавали образ равенства всего русского народа, а всеобщая ликвидация безграмотности и создание обязательных школ решили проблему необразованности населения.

В начале XX века группа философов-почвенников, среди которых были Александр Панарин, Арсений Гулыга, Михаил Назаров, Игорь Шафаревич и Александр Зиновьев, считали, что ситуация не изменилась по сравнению с ситуацией XIX века.

По мнению неопочвенников, жестокие условия, в которые ставят человека новые экономические порядки, не лучше старых. Главной проблемой для них стала тоталитарная система, которая повлияла на уход от традиционной русской культуры, одним из атрибутов которой является православное христианство. На западе разрыв с традициями происходил постепенно, русская же традиция была прервана насильно [5, с. 195]. В то время, как Ф. Достоевский с другими почвенниками из круга редакции журнала «Время» лишь предчувствовали гибель России, редакция журнала «Континент» уже жила в условиях гибели традиционной русской культуры. Редактор «Континента» В. Максимов в своей колонке нередко обвиняет советские власти и провластных публицистов в отсутствии нравственных критериев [11, с. 345]. Он уверен, что именно уход от православной традиции является причиной ухода от нравственного поведения и насаждения культа зла во благо. Ключ к решению большинства проблем современности в возвращении к исконным человеческим ценностям [11, с. 346].

Неопочвенники, в отличие от своих предшественников, верили, что лучший путь для России – это возвращение к её прошлому состоянию.

Стоит отметить, что неопочвенники чётко разделяли понятия России и Советского союза. СССР для них выступал лишь в качестве ненавистной им системы, Россия же приравнивалась к тому ощущению «почвы», о которой говорили почвенники. Для неопочвенников Россия – это образ прошлой дореволюционной империи, где народ был ближе к истине. В идеологии неопочвенников большую роль

играла концепция веры. Они считали, что вера является основой народного самосознания и самоощущения. Это показывает, что для идеи неопочвенников носили более абстрактный характер, чем у их предшественников. Почвенники журнала «Время» использовали понятия «почвы» не только в объяснении духовного мироощущения, но и для объяснения необходимости создания благоприятной обстановки в России, чтобы интеллигенция и крестьянство наладили между собой диалог. Неопочвенники же выбрали центральным понятием своей идеологии веру, которую используют в качестве показателя моральных качеств и духовной наполненности народа [12, с. 169].

Уход от духовной жизни для почвенников считался отречением от прошлого своей родины, отрицанием прошлого, отказ от своих корней, которые связывали их с «почвой» [8, с. 362]. Несмотря на то, что неопочвенники не используют понятие «почвы» прямым текстом, они продолжают выражать это понятие через духовные ценности и христианское самосознание. Например, для неопочвенников главным остаётся народ, который сохраняет христианскую традицию [14, с. 268]. Неопочвенники объясняют негативное влияние на моральные и духовные ценности народа тем, что тоталитарная система сосредоточена лишь на материальном обеспечении, но она не обращает внимание на внутреннее состояние народа [9, с. 323].

По мнению неопочвенников, социализм существует не для человека и его блага, а для верхушки власти, использующей привлекательные лозунги и концепции построения общества. Даже послабления со стороны власти неопочвенники расценивают в качестве очередного политического хода, направленного не на благополучие народа, а на выгоды партии [10, с. 201]. Редакция журнала обвиняла в проблемах народа и их отстранения от «почвы» только советскую власть, что отличало их от других диссидентов. Они жестко разделяли понятия Советский союз и Россия, поэтому никогда не принижали свою родину. Это отсылает к первооснователям почвенничества.

Преемственность идей почвенничества, выдвинутых редакцией журнала «Время» в 1861 году, носит характер заимствования философской концепции.

В то время, как братья Достоевские рассматривали идеологию почвенничества и понятия «почвы» не только, как абстрактное понятие, объединяющее в себе комплекс духовных и бытовых составляющих в образе народа, но и в качестве социального ориентира для России; В. Максимов и редакция журнала «Континент» используют концепцию «почвы» в более философском ключе.

Почвенники смотрели на социальную и материальную сторону вопроса о благе для народа. Учитывая исторический контекст, их взгляды были достаточно прогрессивны, чтобы назвать их консервативными, но недостаточно либеральными, чтобы оказаться на стороне западников. Почвенники из числа редакции журнала «Континент» соответствовали своей позиции находиться посередине в спорах между западниками и славянофилами.

Неопочвенники же основу идеи о «почве» связывают только с духовным состоянием народа, отрицая первостепенность материального вопроса, считая, что моральная составляющая играет ведущую роль в благополучном будущем России. Почвенничество эволюционировало из многоаспектной концепции переустройства внутренней жизни России, основой которой являлся крестьянин, в более философское понятие о необходимости сохранения корней своей культуры, т. к. забвение и отрицание «почвы» имеет негативные последствия для народа [4, с. 288].

Список литературы

1. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. Москва: Наука, 1972. С. 316.
2. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Минск: Харвест, 2006. С. 295.
3. Шарапов А. В. Классическое славянофильское почвенничество в контексте русской истории 1850 – 1860-х гг. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 6–8.
4. Шаховская З. А. Общность надежды и опасности // Континент. Париж. Выпуск 1, 1974. С. 288.

Список источников

5. Голомшток И. Н. Парадоксы Гренобльской выставки // Континент. Париж. Выпуск 1, 1974. С. 195.
6. Достоевский Ф. М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 5–11
7. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. XX. С. 121.
8. Кардинал Миндсенти. Перед лицом новых испытаний // Континент. Париж. Выпуск 3, 1975. С. 362.
9. Колаковский Л. Три главных мотива в марксизме // Континент. Париж. Выпуск 2, 1975. С. 323.
10. Ландсбергис А. Орвелл и Кафка все еще живы в Литве // Континент. Париж. Выпуск 5, 1975. С. 201.
11. Максимов В. Е. Хельсинки по-советски. Колонка редактора // Континент. Париж. Выпуск 16, 1978. С. 345.
12. Мороз В. Я. Хроника сопротивления // Континент. Париж. Выпуск 3, 1975. С. 169.
13. От редакции // Континент. Париж. 1974. Выпуск 1. С. 4.
14. Терновский Е. П. Путем истин // Континент. Париж. Выпуск 4, 1975. С. 268.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

УДК 659

Маркова К. П., Хлебников Н. С. Госпаблик как элемент информационно-коммуникативного пространства организации социального обслуживания

Маркова Ксения Павловна

студент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, РФ, г. Санкт-Петербург
markova.xenia1806@yandex.ru

Хлебников Никита Сергеевич

студент, Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
khlebnikovnikita@yandex.ru

The official page in social networks as an element of the information and communication space of the social service organization

Markova Xenia Pavlovna

student, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
Russia, Saint-Petersburg

Khlebnikov Nikita Sergeevich

student, Saint Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Данная статья посвящена анализу информационно коммуникативного пространства организации социального обслуживания. Особое внимание уделено госпаблику как элементу информационно-коммуникативного пространства. Проведен анализ текущего уровня удовлетворённости информационным наполнением госпабликов Центров социального обслуживания семьи и детей в Санкт-Петербурге. Сделан вывод о необходимости совершенствования их информационного наполнения с помощью инструментов SMM.

Ключевые слова: госпаблик, информационно-коммуникативное пространство, организация социального обслуживания, Интернет, социальные сети

Abstract. This article is devoted to the analysis of the information and communication space of the organization of social services. Special attention is paid to the official pages in social networks as an element of the information and communication space. The analysis of the current level of satisfaction with the information content of the official pages of the Centers for Social Services for Families and Children in St. Petersburg was carried out. The conclusion is made about the need to improve their information content using SMM tools.

Keywords: state public, information space, communication space, organization of social services, Internet, social networks

Благодаря активному развитию информационно-коммуникационных технологий, увеличивающейся активной аудитории Интернета и социальных сетей, а также поддержке информатизации со стороны государства в организациях социального обслуживания происходит формирование особого информационно-коммуникативного пространства. На наш взгляд, оно является неотъемлемой частью деятельности учреждений социального обслуживания, поскольку способствует повышению информированности населения о предоставляемых социальных услугах, а также приводит к росту эффективности форм взаимодействия между клиентами и специалистами, включая обратную связь. Как отмечают Е. Б. Архипова и С. Н. Панкова, «функционирование и развитие социальной сферы в современных условиях невозможно без прямой и обратной связи с социумом, без обмена информацией» [1, с. 227], что делает информацию одним из важнейших в системе социального обслуживания.

На современном этапе развития информационного общества, за счет активных процессов информатизации и компьютеризации происходит процесс конвергенции информационного и коммуникативного пространств в единое информационно-коммуникативное пространство. По мнению Е. А. Балезиной, оно обладает едиными формами коммуникации и имеет информационный характер [2, с. 90]. В исследовании Л. К. Лободенко под «информационно-коммуникативным пространством» понимается «система взаимодействия социальных субъектов (индивидов, групп, организаций и т. д.), развивающаяся на основе сетевых информационно-коммуникационных технологий» [3, с. 21]. Экстраполируя это понимание информационно-коммуникативного пространства на организации социального обслуживания семей и детей, можно говорить о единой системе информационного взаимодействия между социальными работниками, клиентами и другими заинтересованными сторонами, основанной на современных сетевых информационно-коммуникационных технологиях.

Современное информационно-коммуникативное пространство организаций социального обслуживания семей и детей представляет собой сложную многомерную систему, включающую в себя различные элементы и процессы. В структуру информационно-коммуникативного пространства организации социального обслуживания входят:

- 1) *Информационно-коммуникационные и цифровые технологии.* Совокупность различных средств передачи и обработки информации, которая позволяет организации социального обслуживания населения эффективно

обмениваться информацией с клиентами, партнерами, сотрудниками и общественностью в целом;

2) *Информационные ресурсы.* Данные, которые организация социального обслуживания собирает, хранит и обрабатывает, чтобы эффективно решать задачи своей деятельности;

3) *Участники информационного обмена.* Сотрудники организации социального обслуживания, клиенты, партнеры, волонтеры и общественность в целом, которые обмениваются информацией между собой и с организацией;

4) *Функциональные процессы.* Процессы, которые связаны со сбором, обработкой, передачей и использованием информации организацией социального обслуживания населения;

5) *Культура коммуникации.* Набор норм, ценностей и практик, которые организация социального обслуживания принимает в отношении обмена информацией;

6) *Организационная структура.* Система управления, которая обеспечивает координацию информационных процессов и ресурсов;

7) *Правовая культура.* Соблюдение правовых норм законодательства РФ.

Возрастающая доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет (85,5% на 2022 год [4]), приводит к необходимости учитывать учреждениям социального обслуживания эту тенденцию, в связи с чем развивать эффективное информационно-коммуникативное пространство за счет использования информационно коммуникационных технологий.

На современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий в социальной работе как элемента, формирующего информационно-коммуникативное пространство организации социального обслуживания, ведущую роль в процессе информирования населения берут на себя цифровые платформы, такие как официальные сайты и страницы в социальных сетях. Они являются важным элементом маркетинга социальных услуг, а также способствуют формированию положительного имиджа учреждений.

В 2022 году был принят Федеральный закон от 14.07.2022 №270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" и статью 10 Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Согласно положениям этого закона, были разведены понятия «официальный сайт» и «официальная страница» [5].

Вместе с тем, 1 декабря 2022 года вступило в силу Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 г. № 2523-р, согласно которому социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» были определены в качестве «информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами <...> для создания официальных страниц» [7]. Под действие нормативного акта попадают учреждения социального обслуживания населения, поскольку они являются подведомственными организациями государственных органов и органов местного самоуправления.

В связи с этим мы видим целесообразным сосредоточить исследование на официальных страницах в социальных сетях учреждений социального обслуживания как элемента информационно-коммуникативного пространства, так как считаем, что они могут стать важным инструментом взаимодействия между клиентами и организациями социального обслуживания. Введем в исследование понятие «государственный паблик» (или «госпаблик»), под которым, согласно данным Портала государственных услуг Российской Федерации, понимается «официальная страница государственных органов и организаций в соцсетях, где они публикуют информацию о своей деятельности» [6].

Необходимость развития и улучшения госпабликов организаций социального обслуживания мы в первую очередь видим в том, что в последнее время социальные сети становятся крупнейшей активностью в Интернете у россиян. По данным исследовательской компании Mediascope, время, проведенное россиянами в социальных сетях, составило 21% от общего времени использования Интернета в 2022 году [7]. Социальные сети в большей степени адаптированы к современным условиям медиапотребления и техническим особенностям устройств, чем официальные сайты, что делает их наиболее удобными для пользователей. Вместе с этим, на наш взгляд, повышается вероятность того, что информация, публикуемая на официальных страницах в социальных сетях, будет воспринята целевой аудиторией. Исходя из этих предположений, можно сделать вывод, что необходимость организации эффективной официальной страницы в социальных сетях обусловлена возрастающей Интернет-активностью клиентов (в том числе потенциальных) учреждений социального обслуживания.

В настоящее время учреждения социального обслуживания в Санкт-Петербурге развивают госпаблики в социальных сетях «ВКонтакте» и «Телеграм». Выбор социальной сети «ВКонтакте» как основной площадки для функционирования госпабликов организаций социального обслуживания обусловлен популярностью

соцсети у пользователей. По данным исследовательской компании Mediascore «ВКонтакте» в январе 2023 стала самой популярной социальной сетью у россиян, месячный охват которой составил 71,8% от населения [8]. Кроме того, площадка предоставляет широкий инструментарий автору для создания контента. Как дополнительную информационную площадку ряд учреждений использует мессенджер Телеграм. Функционал позволяет создать публичные каналы, что может использоваться Центрами для размещения актуальных материалов и информирования населения за счет мгновенных сообщений. Текст для публикации трансформируется в небольшой пост-сообщение, который оформляется так, чтобы он был читабельным в рамках мессенджера [9, с. 245].

Основное внимание в исследовании было уделено Центрам социальной помощи семье и детям (ЦСПСиД) районов Санкт-Петербурга (далее – Центры), поскольку, на наш взгляд, эти учреждения являются ключевыми в системе социального обслуживания семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Исследование уровня удовлетворенности клиентов текущим информационным наполнением госпабликов Центров, как нам кажется, следует разделить на несколько этапов. Ниже представлены результаты констатирующего этапа исследования – опроса клиентов учреждений социального обслуживания о текущем уровне их удовлетворённости информационным наполнением госпабликов. Исследование проводилось в марте 2023 года методом заочного анкетирования в форме онлайн-опроса. В ходе анкетирования было опрошено 87 респондентов, среди которых 68 женщин и 19 мужчин. Отбор респондентов проходил стихийным образом, в исследовании приняли участие заинтересованные посетители госпабликов Центров в социальной сети «ВКонтакте». Каждое утверждение-критерий анкеты, предлагалось оценить по шкале от 1 до 5 баллов, где 1 – самый низкий показатель, а 5 – самый высокий. На основании выставленных баллов был определен общий уровень удовлетворенности информационным наполнением госпабликов. Он вычислялся как среднеарифметическое значение всех баллов и соотносился со шкалой: низкий уровень (1,0–1,9 балла), уровень ниже среднего (2,0–2,9 балла), средний уровень (3,0–3,9), уровень выше среднего (4,0–4,4), высокий уровень (4,5–5,0).

Все госпаблики Центров были разделены по группам по уровню удовлетворенности:

1) группа госпабликов «ниже среднего» (ЦСПСиД Кировского (2,5 балла), Колпинского (2,9), Центрального районов (3,0) Санкт-Петербурга). Для этих госпабликов, по мнению респондентов, характерна низкая активность пользователей,

низкое качество контента. Респонденты считают, официальные страницы в социальных сетях не отражает миссии и ценности учреждения, не предоставляет полной информации об услугах и ресурсах, редко обновляется;

2) группа госпабликов «средний» (ЦПСИД Адмиралтейского (3,9 балла), Василеостровского (3,8), Выборгского (3,6), Красногвардейского (3,6), Московского (3,1), Петродворцового (3,4), Пушкинского (3,1) и Фрунзенского районов (3,1) Санкт-Петербурга). По мнению респондентов, эти официальные страницы в социальных сетях предоставляют базовую информацию об услугах и ресурсах, периодически обновляются. Использование госпабликов довольно удобно, но может быть улучшено;

3) группа госпабликов «выше среднего» (ЦПСИД Калининского (4,3 балла), Кронштадтского (4,0), Невского (4,3), Петроградского (4,0), Приморского районов (4,1) Санкт-Петербурга). Для этих госпабликов, мнению респондентов, характерно наличие активных пользователей и хорошее качество контента. Эти официальные страницы в социальных сетях предоставляют достаточно информации об услугах и ресурсах, регулярно обновляются.

Полученные результаты исследования могут быть использованы Центрами для анализа мнения аудитории, а также для улучшения функционала официальных страниц Центров и разработки рекомендаций по оптимизации взаимодействия клиентов с организациями социального обслуживания. Привлечение средствами SMM внимания населения к учреждениям социального обслуживания и к предоставляемым услугам, как нам кажется, является важной частью управления и маркетинга социальной работы. SMM может помочь установить связь между социальными учреждениями и населением. Это поможет определить потребности населения и улучшить качество предоставляемых услуг. Стоит отметить, необходимо проводить систематическую работу по улучшению качества контента на официальных страницах, регулярно проводить мониторинг и анализ эффективности их ведения, а также обеспечивать своевременное и качественное взаимодействие с клиентами в социальных сетях, чтобы использование социальных сетей действительно оказало положительное влияние на работу учреждений социального обслуживания семей и детей.

Список литературы

1. Архипова Е. Б., Панкова С. Н. Информатизация социальной сферы в условиях современных модернизационных процессов / Е. Б. Архипова, С. Н. Панкова // Вестник Омского университета. — 2015. — № 3. — С. 226–231. — (Экономика). — EDN UYWGYN.
2. Балежина Е. А. Понятие коммуникативного пространства в организации / Балежина Екатерина Андреевна // Вестник Пермского университета. — 2014. — №4(20). — С. 90–95.
3. Лободенко Л. К. Концептуальная модель регионального интернет-СМИ: кросс-коммуникативные аспекты : автореф. дис. ... д-р филологических наук : 10.01.10 / Лободенко Лидия Камилловна; [Место защиты: Акад. медиаиндустрии]. — Москва, 2015. — 46 с.
4. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения: 22.06.2023). — Режим доступа: свободный.
5. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Гарант. Информационно-правовое обеспечение. — URL: <https://base.garant.ru/404992163/> (дата обращения: 22.06.2023). — Режим доступа: свободный.
6. Что такое официальная страница в соцсетях // Госуслуги : официальный сайт. — URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/state_status_of_communities/200907 (дата обращения 22.06.2023). — Режим доступа: свободный.
7. Медиапотребление в 2022 году // Mediascope. — URL: <https://mediascope.net/library/presentations/> (дата обращения: 16.03.2023). — Режим доступа: свободный.
8. Интернет. Рейтинги // Mediascope. — URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 16.03.2023). — Режим доступа: свободный.
9. Сулаквелидзе Н. М. Особенности медиатекста в мессенджере Telegram / Н. М. Сулаквелидзе // Кризисный двадцатый век: парадоксы революционного кода и судьбы литературы : сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. Г. Тютелова, Е. С. Шевченко. — Самара : Самарская гуманитарная академия, 2018. — С. 241–247.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 06 (98), 2023

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.07.2023
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 8,9. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru